

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА

Дайджест новостей правового регулирования банкротства
/май-август 2019 года/

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА	4
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	4
2. Законопроекты	5
3. Громкие банкротства	7
<i>Банки</i>	7
<i>Торговля</i>	7
<i>Транспорт, инфраструктура</i>	7
<i>Строительство</i>	7
<i>Банкротство физических лиц</i>	8
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	8
<i>Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве</i>	8
<i>Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве</i>	16
<i>Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.</i>	17
<i>Оспаривание сделок должника.</i>	21
<i>Залог и поручительство при банкротстве.</i>	44
<i>Банкротство граждан.</i>	47
<i>Банкротство застройщиков.</i>	55
<i>Работники должника.</i>	57

<i>Прочие вопросы.</i>	61
IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	71
1. Диссертации	71
2. Статьи	72
3. Блоги	73
Ответственный	74
редактор Дайджеста:	74

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Представляем вашему вниманию большой Дайджест новостей правового регулирования банкротства. В него вошли самые интересные, с нашей точки, зрения события за четыре предыдущих месяца, с мая по август 2019 года. Бесмысленно акцентировать внимание читателя на чем-то одном. Огромное количество материала, который требует внимательного изучения и осмысления. За летние каникулы накопилось более сорока определений ВС РФ. Как всегда, вы сможете найти ссылки на статьи и блоги по интересующей теме. Для тех счастливиц, кто все лето провел с отключенным интернетом, представлен раздел новостей о самых громких и интересных банкротных процедурах.

С уважением,

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- Приглашаем подписчиков Дайджеста принять участие в следующих образовательных программах, которые Институт организует по вопросам правового регулирования банкротства:

Двухдневный семинар повышения квалификации «[Субсидиарная ответственность при банкротстве: новеллы законодательства и актуальная судебная практика](#)» (Москва, 03 – 04 октября 2019г., формат обучения – дневной).

Двухдневный семинар повышения квалификации «[Оспаривание сделок на основании Закона о несостоятельности \(банкротстве\): практические и проблемные аспекты](#)» (Москва, 31 октября – 01 ноября 2019г., формат обучения – дневной).

Пятидневный семинар повышения квалификации «[Практика применения законодательства о банкротстве: новеллы законодательства, судебная практика и актуальные правовые вопросы](#)» (Москва, 09 - 13 декабря 2019г., формат обучения – дневной).

Вечерний курс повышения квалификации «[Банкротство юридических лиц и граждан: анализ актуальных новелл законодательства и практики применения](#)» (Москва, 26 ноября 2019г.– 24 января 2020г., формат обучения – вечерний).

- На сайте Юридического института «М-Логос» опубликованы в свободном доступе видеозаписи, а также тезисы докладчиков научных круглых столов, которые Институт организовал в апреле - августе 2019 г.:

[Научно-практический благотворительный круглый стол: «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ»](#)

[КОНФЕРЕНЦИЯ С ПОДВЕДЕНИЕМ ИТОГОВ КОНКУРСА НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЧАСТНОМУ ПРАВУ CONDICIO IURIS](#)

[Научно-практический круглый стол «ЗАЧЕТ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ»](#)

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за май 2019 года](#)

[Дайджест новостей процессуального права за май 2019 года](#)

[Дайджест новостей антимонопольного права за май – июнь 2019 года](#)

[Дайджест новостей права интеллектуальной собственности за март - май 2019](#)

[Дайджест новостей российского и зарубежного налогового права за апрель - июнь 2019 г.](#)

[Дайджест новостей торгового и потребительского права за апрель - июнь 2019 года](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законы

[Федеральный закон от 29.05.2019 № 105-ФЗ "О внесении изменений в статьи 11-1 и 20 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" и статью 189-64 Федерального закона "О несостоятельности \(банкротстве\)"](#)

Вступил в силу с 08.06.2019 г.

[Федеральный закон от 27.06.2019 № 153-ФЗ "О признании утратившими силу отдельных положений статьи 25 Федерального закона "О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности \(банкротстве\) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и внесении изменения в статью 62 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости"](#)

Вступил в силу с 27.06.2019 г.

2. Законопроекты

[Законопроект № 680935-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" и Федеральный закон "О страховании вкладов в банках Российской Федерации"](#)

Дата внесения в ГД: 3 апреля 2019 года

Инициаторы: депутаты Государственной Думы

Комитеты: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: рассмотрение Советом Государственной Думы законопроекта, внесенного в Государственную Думу (15.05.2019)

Из пояснительной записки к законопроекту:

Для реализации механизма дополнительной защиты вкладчиков-физических лиц предлагается изменение очередности удовлетворения требований при процедуре банкротства кредитной организации, а именно:

- для требований Агентства Страхования Вкладов и Банка России предусмотреть вторую очередь, вместо существующей первой.

- установить первую очередь требований для вкладчиков, сумма вкладов которых превышает сумму гарантированного возмещения. При этом для этих целей предполагается право требования суммы, превышающей сумму гарантированного возмещения, но не превышающую 10 млн. рублей.

Действие законопроекта предполагается распространить на правоотношения, по которым в деле о банкротстве кредитных организаций конкурсное производство не завершено.

[Законопроект № 598603-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр\)"](#)

Дата внесения в ГД: 30 ноября 2018 года

Инициатор: Верховный Суд Российской Федерации

Комитеты: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: законопроект принят в первом чтении (30.05.2019)

Из пояснительной записки к законопроекту:

В соответствии с представленными изменениями в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» первичную стадию проверки обоснованности требований кредиторов предлагается переложить на арбитражного управляющего. Это приведет к тому, что бесспорные требования, по которым не имеется возражений, не будут доходить до суда.

Названный механизм введения первичного фильтра отсеивания бесспорных требований арбитражным управляющим в настоящий момент уже реализуется по определенным категориям должников (например, застройщики, банки). Поскольку такой порядок предъявления требований продемонстрировал свою эффективность, разумнее было бы распространить его на все категории должников.

[Законопроект № 632323-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О страховании вкладов в банках Российской Федерации" и статью 189.92 Федерального закона "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части распространения системы страхования вкладов на вклады, размещаемые некоммерческими организациями, созданными в организационно правовой форме товариществ собственников недвижимости\)"](#)

Дата внесения в ГД: 24 января 2019 года

Инициатор: депутаты Государственной Думы

Комитеты: Комитет Государственной Думы по финансовому рынку

Статус: рассмотрение Советом Государственной Думы законопроекта, внесенного в Государственную Думу (26.06.2019)

Из пояснительной записки к законопроекту:

Законопроектом вносится изменение в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», которым определено, что перешедшие к Агентству по страхованию вкладов требования по договорам банковского вклада (депозита) и договорам банковского счета, стороной по которым являются товарищества собственников недвижимости, включаются в состав требований кредиторов третьей очереди.

[Законопроект № 735246-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части совершенствования процедур, применяемых при банкротстве кредитных организаций\)"](#)

Дата внесения в ГД: 24 января 2019 года

Инициатор: депутаты Государственной Думы

Комитеты: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: рассмотрение Советом Государственной Думы законопроекта, внесенного в Государственную Думу (10.07.2019)

Из пояснительной записки к законопроекту:

Концепцией законопроекта является создание правовых условий для ускоренного возврата в экономику активов, находящихся под управлением государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (далее – Агентство).

В части работы с активами несостоятельных банков, законопроектом предлагается ускорить существующие процедуры реализации имущества ликвидируемого банка, сделать их существенно менее затратными для кредиторов. Учитывая, что основной частью активов банка являются требования по выданным кредитам, отзыв у банка лицензии влечет стремительное ухудшение качества этих активов, и как следствие существенные затраты на их взыскание. Законопроектом предлагается установить право конкурсного управляющего до проведения первого собрания кредиторов приступить к продаже кредитного портфеля кредитной организации и иного имущества, незамедлительная реализация которого позволит предотвратить убытки банка или его кредиторов.

В результате применения предлагаемых законопроектом мер значительно ускорятся сроки реализации активов несостоятельных банков и соответствующие расчеты с кредиторами таких банков.

[Законопроект № 658679-7 "О внесении изменения в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части расширения полномочий органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации\)"](#)

Дата внесения в ГД: 5 марта 2019 года

Инициатор: депутат Государственной Думы А.В. Барышев

Комитеты: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: рассмотрение Советом Государственной Думы законопроекта, представленного ответственным комитетом (15.07.2019)

Из пояснительной записки к законопроекту:

Предлагаемые изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) направлены на наделение субъекта Российской Федерации полномочиями на выдачу заключения о возможности или невозможности передачи имущества и обязательств застройщика иному лицу для завершения строительства объекта в целях сокращения сроков для подготовки такого заключения.

Согласно Закону о банкротстве, исполнительный орган, уполномоченный Правительством Российской Федерации, представляет в арбитражный суд заключение о возможности или невозможности передачи имущества и обязательств застройщика лицу, имеющему намерение стать приобретателем, в течение десяти дней с даты поступления заявления о намерении.

Проблема состоит в том, что этот процесс затягивается. На это есть и объективные и субъективные причины: доработка документов, предоставляемых приобретателем, проверка сведений. Учитывая ограниченные сроки (10 дней), отдаленность территории, с которой поступает обращение, в этот срок уложиться сложно, и как следствие – отказ и повторное предоставление документов. Полагаем целесообразным принятие такого решения на уровне субъекта Российской Федерации. Это позволит оперативно передать объект и продолжить строительство.

[Законопроект № 629710-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части расширения полномочий органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации\)"](#)

Дата внесения в ГД: 21 января 2019 года

Инициатор: депутат Государственной Думы В.К. Гартунг

Комитеты: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: Рассмотрение Советом Государственной Думы законопроекта, представленного ответственным комитетом (15.07.2019)

Из пояснительной записки к законопроекту:

Предлагаемые изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» направлены на наделение субъекта Российской Федерации полномочиями на выдачу заключения о возможности или невозможности передачи имущества и обязательств застройщика иному лицу для завершения строительства объекта в целях сокращения сроков для подготовки такого заключения.

Согласно Закону о банкротстве, исполнительный орган, уполномоченный Правительством Российской Федерации, представляет в арбитражный суд заключение о возможности или невозможности передачи имущества и обязательств застройщика лицу, имеющему намерение стать приобретателем, в течение десяти дней с даты поступления заявления о намерении.

Проблема состоит в том, что этот процесс затягивается. На это есть и объективные и субъективные причины: доработка документов, предоставляемых приобретателем, проверка сведений и т.д. Учитывая ограниченные сроки (10 дней), отдаленность территории, с которой поступает обращение, в этот срок уложиться сложно, и как следствие – отказ и повторное предоставление документов. Полагаем целесообразным принятие такого решения на уровне субъекта Российской Федерации. Это позволит оперативно передать объект и продолжить строительство.

[Законопроект № 721141-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О страховании вкладов в банках Российской Федерации" и статью 189-92 Федерального закона "О несостоятельности \(банкротстве\)"](#)

Дата внесения в ГД: 30 мая 2019

Инициатор: депутаты Государственной Думы

Комитеты: Комитет Государственной Думы по финансовому рынку

Из пояснительной записки к законопроекту:

Законопроектом вносится изменение в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», которым определено, что перешедшие к Агентству по страхованию вкладов требования по договорам специального счета и договорам специального депозита, стороной по которым являются товарищество собственников жилья, жилищный и жилищно-строительный кооператив, региональный оператор, управляющая организация, включаются в состав требований кредиторов первой очереди.

3. Громкие банкротства

Банки

[Банк «Югра» отсудил у должников 2,4 млрд рублей](#)

[ЦБ подал иск о банкротстве петербургского банка «Прайм Финанс»](#)

Энергетика

[В АСГМ поступил иск о банкротстве АО «Газпром Электрогаз»](#)

[К Антипинскому НПЗ подали иск на 3 млрд рублей](#)

Торговля

[Компанию автодилера Genser признали банкротом](#)

[Суд разрешил спор структур ЗИЛа на 638 млн рублей](#)

Транспорт, инфраструктура

[В суд поступил иск о банкротстве Utair](#)

[В суд поступил иск о банкротстве крупнейшего производителя троллейбусов](#)

[Суд обязал семью владельцев «Трансаэро» вернуть 60 млн рублей дивидендов](#)

Строительство

[Сбербанк банкротит «правнучку» Baring Vostok](#)

Банкротство физических лиц

[В суд поступил иск ВТБ на 1,5 млрд рублей](#)

[В суд поступил иск о банкротстве основателя «Нового потока» Мазурова](#)

[Основателя «Домашних денег» Бернштама признали банкротом](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 30.05.2019 № 306-ЭС18-25689](#)

Конкурсный кредитор вправе обжаловать судебный акт о введении той или иной процедуры несостоятельности и (или) об утверждении арбитражного управляющего, принятый до момента приобретения подателем жалобы статуса лица, участвующего в деле о банкротстве.

При этом, если кредитор добросовестно реализовывал свое право на включение требований в реестр, имеются объективные основания для восстановления срока на обжалование кредитором таких судебных актов.

Гражданин Израиля Элишакашвили Шота 26.09.2017 обратился в Арбитражный суд Волгоградской области с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) гражданина РФ Бен - Эл Мераби Исаковича.

Банк ВТБ подал ходатайство о привлечении его к участию в рассмотрении этого заявления в качестве третьего лица. По мнению банка ВТБ, имелись признаки того, что Бен - Эл М.И., проживавший ранее в Москве и зарегистрировавшийся 20.09.2017 на хуторе Моховский Волгоградской области, фактически проживать на этом хуторе не намеревался, действия должника по изменению регистрационного учета направлены на искусственное изменение территориальной подсудности дела о банкротстве.

Решением от 14.11.2017 ходатайства банка ВТБ и аналогичного ходатайства Фондсервисбанка о привлечении их к участию в рассмотрении заявления Элишакашвили Ш. о признании банкротом Бен - Эл М.И. оставлены без удовлетворения, требование Элишакашвили Ш. к должнику признано обоснованным, включено в реестр требований кредиторов с удовлетворением в третью очередь, в отношении имущества Бен - Эл М.И. введена процедура реализации.

Впоследствии определением от 07.03.2018 требование банка ВТБ к должнику признано обоснованным и включено в реестр требований кредиторов с удовлетворением в третью очередь.

Определением того же суда от 16.03.2018 требование Фондсервисбанка к должнику признано обоснованным и включено в реестр требований кредиторов с удовлетворением в третью очередь.

Банк ВТБ 06.04.2018 (после установления его требования) обратился в Двенадцатый арбитражный апелляционный суд с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции, в которой просил это решение отменить, ссылаясь на рассмотрение дела с нарушением правил о подсудности, о которых ранее банком заявлялось в суде первой инстанции при подаче ходатайства о привлечении его к участию в деле в качестве третьего лица.

Определением от 18.06.2018 банку ВТБ отказано в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока подачи апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции, производство по апелляционной жалобе банка ВТБ прекращено.

По общему правилу конкурсный кредитор приобретает соответствующий статус и в полной мере становится лицом, участвующим в деле о банкротстве, обладающим всей совокупностью процессуальных прав, с момента принятия судом определения о включении его требования в реестр требований кредиторов должника (абзац восьмой статьи 2, пункт 3 статьи 4, абзац четвертый пункта 1 статьи 34 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае обжалуемое в апелляционном порядке решение суда первой инстанции о введении процедуры реализации имущества и об утверждении финансового управляющего принято по результатам рассмотрения вопроса об обоснованности заявления о банкротстве Бен - Эл М.И. Статус лица, участвующего в деле о банкротстве, приобретен банком ВТБ после принятия данного судебного акта. При этом банк ВТБ не оспаривал решение в части, касающейся установления требования заявителя по делу о банкротстве.

По смыслу части 1 статьи 41 АПК РФ и разъяснений, приведенных в абзаце втором пункта 30 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», конкурсный кредитор вправе обжаловать судебный акт о введении той или иной процедуры несостоятельности и (или) об утверждении арбитражного управляющего, принятый до момента приобретения подателем жалобы статуса лица, участвующего в деле о банкротстве. Толкуя в упомянутых разъяснениях процессуальные нормы о сроке на апелляционное обжалование для такого кредитора, высшая судебная инстанция пришла к выводам о том, что этот срок исчисляется по общим правилам; в случае пропуска он может быть восстановлен; непредъявление кредитором своего требования в первой процедуре банкротства или в ходе иной процедуры само по себе не является достаточным основанием для восстановления пропущенного срока.

Суть указанных разъяснений заключается в том, что лицо, своевременно не реализовавшее право на предъявление требования несостоятельному должнику в первой процедуре банкротства, что стало причиной запоздалого получения им статуса конкурсного кредитора, не может ссылаться на собственное бездействие (позднее предъявление требования) как на основание для восстановления пропущенного процессуального срока обжалования судебных актов, вынесенных по делу о несостоятельности без его участия. Иной подход приводил бы к тому, что срок на обжалование зависело бы от воли подателя жалобы (от того, когда он сочтет необходимым заявить свое требование в деле о банкротстве), что не отвечает принципу правовой определенности и затрудняет дальнейшее движение дела о банкротстве ввиду чрезмерно продолжительного периода обжалования судебных актов.

В рамках настоящего дела суд первой инстанции одним судебным актом отказал банку ВТБ в удовлетворении его ходатайства о привлечении кредитной организации к участию в рассмотрении заявления Элишакашвили Ш. о признании Бен - Эл М.И. несостоятельным (банкротом) в качестве третьего лица, ввел в отношении должника процедуру реализации его имущества, не проводя процедуру реструктуризации долгов, утвердил финансового управляющего.

Объективная возможность предпринять меры к получению статуса конкурсного кредитора (лица, участвующего в деле о банкротстве) путем предъявления требования должнику появилась у банка ВТБ лишь после введения первой процедуры банкротства. При этом банк не бездействовал, он добросовестно реализовывал процессуальные права, предъявив требование в первой процедуре банкротства в срок, отведенный пунктом 2 статьи 213.8 Закона о банкротстве. До проверки судом обоснованности данного требования и включения его в реестр требований кредиторов должника (до 07.03.2018), банк ВТБ как лицо, обладающее лишь ограниченными процессуальными правами, не мог обжаловать решение о введении процедуры реализации имущества и об утверждении финансового управляющего. Апелляционная жалоба подана им 06.04.2018, то есть в течение месячного срока, отведенного на обжалование судебного решения (часть 1 статьи 259 АПК РФ).

[Определение ВС РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС14-7285](#)

Расходы на оплату юридической помощи, произведенные за сторону обособленного спора третьим лицом в силу договора займа такого третьего лица (займодавца) со стороны спора (заемщиком) подлежат возмещению выигравшей стороне спора.

Решением арбитражного суда от 05.06.2012 банк признан банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим должника утверждено агентство.

Анилионис Г.П. (председатель совета директоров банка) обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с агентства 1 425 885 руб. судебных расходов на оплату оказанных ему юридических услуг, связанных с рассмотрением обособленного спора по заявлению агентства о привлечении Анилиониса Г.П. к субсидиарной ответственности по долгам банка, в удовлетворении которого было отказано. Анилионис Г.П. указал, что юридические услуги, оказанные коллегией адвокатов "Тарло и партнеры", оплачены заемными денежными средствами в размере 831 225 руб., которые по его распоряжению займодавцы (общество "Макариос и компания" и Дорошенко Л.А.) перевели на счет консультанта.

Гарантированная частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации судебная защита прав и свобод каждого включает, в частности, правовой механизм восстановления имущественной массы лица, право которого было нарушено, на его затраты, связанные с судебной защитой.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11.07.2017 № 20-П, признание права на присуждение судебных расходов за лицом (стороной), в пользу которого состоялось

судебное решение, соответствует принципу полноты судебной защиты, поскольку призвано возполнить лицу, чьи права нарушены, вновь возникшие и не обусловленные деятельностью самого этого лица потери, которые оно должно было понести для восстановления своих прав в связи с необходимостью совершения действий, сопряженных с возбуждением судебного разбирательства и участием в нем.

Принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу (пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 "О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела", далее – постановление № 1).

В соответствии пунктами 1, 2 статьи 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. Расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

К судебным издержкам относятся расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде. В судебные издержки, в частности, включаются расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей) (статья 6 АПК РФ).

Согласно пункту 10 постановления № 1 лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым в суде с его участием. Недоказанность данных обстоятельств является основанием для отказа в возмещении судебных издержек.

Как правило, факт несения судебных издержек, связанных с оплатой услуг представителей, подтверждается совокупностью таких доказательств, как соглашение сторон об оказании юридических услуг; документ, фиксирующий факт выполнения услуг; документ, подтверждающий факт передачи заказчиком денежных средств исполнителю услуг.

Заказчик не лишен правовой возможности использовать для оплаты юридических услуг заемные средства. При этом в силу пункта 1 статьи 807 ГК РФ денежные средства, переданные займодавцем заемщику, переходят в собственность последнего.

Если за счет заемных денежных средств заказчик исполнил свое обязательство перед лицом, оказавшим ему юридические услуги в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде, то оснований полагать, что его имущественная масса не уменьшилась, не имеется. Как следствие, нет законных оснований для отказа в восстановлении его имущественной массы посредством применения правил возмещения судебных расходов.

Не меняет положение дел факт перечисления денежных средств займодавцем по указанию заемщика непосредственно исполнителю юридических услуг, поскольку в силу пункта 5 статьи 807 ГК РФ сумма займа, переданная займодавцем указанному заемщиком третьему лицу, считается переданной заемщику.

Следовательно, перечисление по указанию заемщика обществом "Макариос и компания" и Дорошенко Л.А. денежных средств, предоставленных в заем Анилионису Г.П., на счет коллегии адвокатов "Тарло и партнеры", является платой самого Анилиониса Г.П. за оказанные ему этой коллегией адвокатов юридические услуги. В момент получения третьим лицом (коллекцией адвокатов "Тарло и партнеры") платежа по существу произошла передача денежных средств от займодавцев заемщику и одновременно с этим от заемщика – исполнителю юридических услуг. Таким образом, оплата юридических услуг является расходами Анилиониса Г.П., компенсируемыми ему по правилам возмещения судебных расходов за счет стороны спора, не в пользу которой состоялся судебный акт.

[Определение ВС РФ от 06.06.2019 № 307-ЭС19-1984](#)

Право на обжалование судебного акта, подтвердившего требование кредитора должника (в том числе судебного приказа) возникает у иного кредитора с момента принятия его заявления о включении в реестр требований кредиторов к производству.

Подход, при котором суд полагает, что кредитор имеет право возражать против требований иного кредитора только после включения своих требований в реестр, фактически исключает возможность конкуренции нескольких заявителей/кредиторов по делу о банкротстве между собой, блокирует право последующего заявителя реально возражать против обоснованности заявления первого кредитора о банкротстве должника.

Общество обратилось в арбитражный суд к заводу с требованием о взыскании 287 411,55 руб. задолженности по договору от 06.11.2017 г.

Судом первой инстанции 11.05.2018 выдан судебный приказ о взыскании с завода в пользу общества заявленной суммы.

Банк в лице агентства обратился в суд округа с кассационной жалобой на приказ, полагая, что выдача названного приказа нарушает его права как кредитора завода.

Определением суда округа от 23.10.2018, оставленным без изменения определением от 29.11.2018, кассационная жалоба возвращена банку.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты суда кассационной инстанции подлежат отмене по следующим основаниям.

Разрешая вопрос о принятии кассационной жалобы к производству и возвращая ее, суд округа исходил из того, что у банка отсутствует право на обжалование приказа, так как его требования на момент подачи и рассмотрения кассационной жалобы не были включены в реестр требований кредиторов завода, то есть банк не обладал статусом конкурсного кредитора.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Подтвержденное вступившим в законную силу судебным актом требование кредитора, по общему правилу, предоставляет ему возможность инициировать процедуру несостоятельности должника, а также в упрощенном порядке (с точки зрения процесса доказывания) добиться включения в реестр требований кредиторов.

В случае банкротства ответчика такой судебный акт по своей природе объективно противопоставляется интересам иных кредиторов, не участвовавших в рассмотрении дела, поскольку включение подтвержденного судебным актом долга в реестр уменьшает долю удовлетворения требований иных кредиторов, а в случаях, когда истец выступает заявителем по делу о банкротстве – кроме того дает ему право на предложение кандидатуры арбитражного управляющего (пункт 9 статьи 42 Закона о банкротстве).

По этой причине Пленумом ВАС РФ был закреплен механизм защиты прав кредиторов должника, предоставляющий им возможность принять участие в общеисковом процессе и изложить свои доводы при проверке судебного акта о взыскании задолженности (пункт 24 постановления от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление № 35)). Согласно буквальному содержанию названного разъяснения конкурсные кредиторы и арбитражный управляющий имеют право оспаривать в установленном порядке судебные акты, подтверждающие наличие и обоснованность требований других кредиторов.

Полагая, что в рассматриваемой ситуации названные разъяснения не применимы и не предоставляют банку полномочие на обжалование приказа, суды отметили, что требования последнего на момент подачи и рассмотрения кассационной жалобы не были включены в реестр требований кредиторов завода, то есть банк не обладал статусом конкурсного кредитора.

Вместе с тем, названный вывод сделан в нарушение единообразия практики применения пункта 24 постановления № 35.

Согласно абзацу четвертому пункта 30 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» статус лица, участвующего в деле о банкротстве, и соответствующие права, необходимые для реализации права на заявление возражений, возникают у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

Названные разъяснения применяются и в отношении полномочий кредиторов, закрепленных пунктом 24 постановления № 35. Следовательно, с момента принятия требования кредитора к рассмотрению судом у этого кредитора возникают права на заявление возражений в отношении требований других лиц, в том числе в рамках иного дела.

На момент подачи кассационной жалобы в суд округа (10.10.2018) банком уже было предъявлено заявление о вступлении в дело о банкротстве завода (27.07.2018), которое определением арбитражного суда от 01.08.2018 принято к производству. Таким образом, в настоящем случае не имелось препятствий (с точки зрения разъяснений пункта 24 постановления № 35) для рассмотрения судом округа по существу кассационной жалобы банка на спорный судебный приказ.

Обращаясь в суд округа, банк приводил доводы о наличии подобных оснований для отмены приказа. Он отмечал, что является кредитором завода на сумму более 4 млрд. руб., а судебный приказ на 287 тыс.

руб. в рамках настоящего дела выдан на основании ничтожной сделки и недостоверных доказательств. Между заводом и обществом отсутствуют реальные хозяйственные отношения, в связи с чем не имеется и задолженности, которая могла бы быть подтверждена судебным приказом. По мнению банка, цель получения судебного приказа состояла в желании опередить заявление банка о банкротстве завода для введения контролируемой процедуры банкротства ликвидируемого должника, стороны намеревались лишить банк прав первого заявителя по делу о банкротстве, в том числе возможности влиять на выбор кандидатуры конкурсного управляющего.

Однако возвратив кассационную жалобу, суд округа был лишен возможности проверить обоснованность и убедительность приведенных банком доводов в пользу отмены приказа, что нарушает права и законные интересы последнего. Занятый судом округа подход фактически исключает возможность конкуренции нескольких заявителей по делу о банкротстве между собой, блокирует право последующего заявителя реально возражать против обоснованности заявления первого кредитора о банкротстве должника.

[Определение ВС РФ от 25.07.2019 № 309-ЭС19-2103](#)

При отмене определения об утверждении между обществом и должником мирового соглашения и разрешении вопроса о повороте исполнения такого судебного акта, произведенного после возбуждения дела о банкротстве, судам следует учесть, что возврат денежных средств, уплаченных обществом во исполнение мирового соглашения, должен быть осуществлен должником в режиме текущих платежей.

Арбитражный суд города Москвы по заявлению общества "Башнефть-Строй" возбудил производство по делу о признании общества "Строймонтаж" банкротом.

Впоследствии 31.03.2015 Арбитражный суд Республики Башкортостан утвердил мировое соглашение по спору о задолженности по оплате подрядных работ и прекратил производство по делу о признании общества "Строймонтаж" банкротом. В мировом соглашении стороны урегулировали взаимные претензии и указали, что в конечном итоге задолженность общества "Башнефть-Строй" перед обществом "Строймонтаж" составила 50 033 901,44 руб.

Во исполнение условий мирового соглашения общество "БашнефтьСтрой" в апреле-мае 2015 года перечислило обществу "Строймонтаж" 47 355 870 руб.

30.09.2015 общество "Строймонтаж" признано банкротом.

Усмотрев в мировом соглашении признаки предпочтительного удовлетворения требований общества "Башнефть-Строй" к обществу "Строймонтаж" как к должнику-банкроту, суд округа отменил определение суда первой инстанции от 31.03.2015 и направил дело на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела в утверждении мирового соглашения отказано, с общества "Башнефть-Строй" взыскано 39 991 959,06 руб. задолженности по оплате принятых работ, 557 710,11 руб. неустойки и 107 080 руб. судебных расходов. Вопрос о повороте исполнения судебного акта, утвердившего мировое соглашение, судом не разрешался.

Общество "Башнефть-Строй" обратилось в суд с заявлением о повороте исполнения определения от 31.03.2015 путем взыскания с общества "Строймонтаж" суммы, перечисленной во исполнение этого определения.

Определением суда первой инстанции, оставленным в силе апелляционным и окружным судом, произведен поворот исполнения судебного акта: с общества "Строймонтаж" в пользу общества "Башнефть-Строй" взыскано 47 355 870 руб.

При этом помимо прочего суды отметили, что требования общества "Башнефть-Строй" носят реестровый характер (не являются текущими платежами), так как по условиям мирового соглашения стороны зачли взаимные денежные требования по обязательствам, возникшим до даты возбуждения дела о банкротстве общества "Строймонтаж", а для установления характера задолженности определяющим является дата возникновения первоначальных обязательств.

По результатам рассмотрения кассационной жалобы судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Закон о банкротстве разделяет требования к должнику на те, что подлежат включению в реестр требований кредиторов должника (реестровые требования) или относятся за реестр, и на текущие платежи в зависимости от времени их возникновения. К первой группе относится список всех признанных и доказанных

задолженностей, возникших до возбуждения дела о банкротстве. Вторая связана с различными обязательствами должника, возникшими уже в ходе процедур банкротства.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 63 "О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве" денежное обязательство должника по возврату неосновательного обогащения для целей квалификации в качестве текущего платежа считается возникшим с момента фактического приобретения или сбережения имущества должником за счет кредитора (ст. 1102 ГК РФ).

Этот же подход применим и к возврату переплаты по договору.

С учетом того, что задолженность по оплате подрядных работ взыскана решением от 05.03.2018, общество "Строймонтаж" не имело законных оснований для получения от общества "Башнефть-Строй" 47 355 870 руб. по отмененному судебному акту.

Общество "Строймонтаж" неосновательно приобрело указанные денежные средства общества "Башнефть-Строй" после возбуждения дела о банкротстве. Обязательство по их возврату не может предшествовать дате приобретения. Следовательно, возврат денежных средств обществом "Строймонтаж" должен быть осуществлен в режиме текущих платежей, а указания судов о реестровом характере требований общества "Башнефть-Строй" подлежит исключению из мотивировочной части судебных актов как незаконное и нарушающее права последнего.

[Определение ВС РФ от 01.08.2019 № 307-ЭС19-2994](#)

Право на заявление в деле о банкротстве возражений в отношении требований других лиц (в том числе право на обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование), возникает у кредитора (в том числе кредитора, чье заявление признано заявлением о вступлении в дело) с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

Возврат жалобы кредитора, чье заявление о вступлении в дело принято судом к рассмотрению в рамках дела о банкротстве должника, на основании того, что требование такого кредитора не включено в реестр, фактически исключает возможность конкуренции нескольких заявителей по делу о банкротстве между собой, блокирует право последующего заявителя реально возражать против обоснованности заявления первого кредитора о банкротстве должника.

07.05.2018 арбитражный суд вынес судебный приказ, которым с завода в пользу общества взыскано 350 000 руб. задолженности за услуги, оказанные по договору от 01.03.2017.

На основании данного приказа 21.06.2018 общество обратилось с заявлением о признании завода банкротом.

27.07.2018 возбуждено производство по делу о банкротстве завода.

Определением арбитражного суда от 01.08.2018 принято заявление банка о признании завода банкротом как заявление о вступлении в дело о банкротстве.

Банк обратился с кассационной жалобой на судебный приказ от 07.05.2018, выданный по настоящему делу, полагая, что общество услуги заводу не оказывало, а сделка является мнимой.

Кассационная жалоба возвращена заявителю.

Настоящий спор сводится к вопросу о том, с какого момента кредитор, в том числе не первый заявитель по делу о банкротстве, вправе обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, если есть основания полагать, что этим судебным актом нарушены права и законные интересы конкурсных кредиторов.

По общему правилу, подтвержденное вступившим в законную силу судебным актом требование кредитора предоставляет ему возможность инициировать процедуру банкротства должника, а также в упрощенном порядке (с точки зрения процесса доказывания) добиться включения в реестр требований кредиторов.

В случае банкротства ответчика такой судебный акт по своей природе объективно противопоставляется интересам иных кредиторов, не участвовавших в рассмотрении дела, поскольку включение подтвержденного судебным актом долга в реестр уменьшает долю удовлетворения требований иных кредиторов, а в случаях, когда истец выступает заявителем по делу о банкротстве, дает ему также право на предложение кандидатуры арбитражного управляющего (пункт 9 статьи 42 Закона о банкротстве). По этой причине в пункте 24 постановления № 35 закреплен механизм защиты прав кредиторов должника,

предоставляющий им возможность принять участие в общеисковом процессе и изложить свои доводы при проверке судебного акта о взыскании задолженности.

Согласно абзацу четвертому пункта 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 60 "О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" статус лица, участвующего в деле о банкротстве, и соответствующие права, необходимые для реализации права на заявление возражений, возникают у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

Названные разъяснения применяются и в отношении полномочий кредиторов, закрепленных пунктом 24 постановления № 35.

Таким образом, право на заявление возражений в отношении требований других лиц (в том числе право на обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование), возникает у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

Кроме того, согласно пункту 44 постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2016 № 62 "О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве" если судебным приказом разрешен вопрос о правах и обязанностях лица, не участвовавшего в приказном производстве, такое лицо (например, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган, арбитражный управляющий) вправе обжаловать судебный приказ применительно к части 11 статьи 229.5 АПК ПРФ. Если вынесенный судебный приказ влечет или может повлечь необоснованное увеличение кредиторской задолженности в ущерб конкурсной массе, суд кассационной инстанции отменяет судебный приказ применительно к пункту 4 части 4 статьи 288 АПК РФ.

Правовая позиция высшей судебной инстанции по данному вопросу ранее неоднократно излагалась в определениях судебных коллегий (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2019 № 305-ЭС18-19058, от 06.06.2019 № 307-ЭС19-1984, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2018 № 5-КГ18-122).

Оснований полагать, что лица, заявления которых рассматриваются арбитражным судом по пункту 8 статьи 42 Закона о банкротстве в качестве заявлений о вступлении в дело о банкротстве, имеют меньше прав по обжалованию судебных актов по правилам пункта 24 постановления № 35, чем кредиторы, заявившие о включении в реестр требований кредиторов после возбуждения дела о банкротстве, не имеется.

На момент подачи кассационной жалобы в суд округа (12.09.2018) арбитражным судом уже было принято заявление банка о вступлении в дело о банкротстве завода (01.08.2018). Следовательно, в настоящем случае не имелось препятствий (с точки зрения пункта 24 постановления № 35) для рассмотрения судом округа по существу кассационной жалобы банка на спорный судебный приказ.

Обращаясь в суд округа, банк приводил доводы о наличии подобных оснований для отмены приказа. Он отмечал, что является кредитором завода, а судебный приказ в рамках настоящего дела выдан на основании ничтожной сделки и недостоверных доказательств. Между заводом и обществом отсутствуют реальные хозяйственные отношения, в связи с чем не имеется и задолженности, которая могла бы быть подтверждена судебным приказом.

Возвратив кассационную жалобу, суд округа был лишен возможности проверить обоснованность и убедительность приведенных банком доводов в пользу отмены приказа, что нарушает права и законные интересы последнего. Занятый судом округа подход фактически исключает возможность конкуренции нескольких заявителей по делу о банкротстве между собой, блокирует право последующего заявителя реально возражать против обоснованности заявления первого кредитора о банкротстве должника.

[Определение ВС РФ от 13.08.2019 № 305-ЭС19-453](#)

Действующим процессуальным законодательством установлен принцип последовательного обжалования судебных актов суда первой инстанции в суды апелляционной и кассационной инстанций, а также в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации, который распространяется как на лиц, участвующих в деле, так и на тех лиц, которые к участию в деле привлечены не были, но считают, что их права нарушены принятым по делу судебным актом.

В этой связи обжалование судебных актов в порядке, установленном пунктом 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах,

связанных с рассмотрением дел о банкротстве», должно осуществляться с учетом соблюдения такого принципа. При рассмотрении жалобы, поданной в порядке, предусмотренном пунктом 24 Постановления № 35, не подлежат применению разъяснения, изложенные в пункте 22 Постановления Пленума ВАС РФ от 28.05.2009 № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», согласно которым в случае, когда после рассмотрения апелляционной жалобы и принятия по результатам ее рассмотрения постановления суд апелляционной инстанции принял к своему производству апелляционную жалобу лица, не привлеченного к участию в деле, права и обязанности которого затронуты обжалуемым судебным актом, такую жалобу следует рассматривать применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам.

ООО «АвтоМетанСервис» обратилось в арбитражный суд с иском к ООО «Акцепт» о взыскании 27 174 000 руб. вексельного долга.

Решением арбитражного суда от 30.10.2017 иск удовлетворен.

Конкурсный управляющий ООО «Акцепт» и ООО «СитиИнвестКонсалт», являющееся конкурсным кредитором ООО «Акцепт», в порядке, предусмотренном пунктом 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», обратились с апелляционными жалобами на данное решение.

Судом апелляционной инстанции округа решение оставлено в силе.

На момент принятия указанного решения судом первой инстанции ООО «Акцепт» было признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство (решение арбитражного суда от 13.09.2017); требования ООО «СитиИнвестКонсалт» включены в третью очередь реестра требований кредиторов ООО «Акцепт».

Суд апелляционной инстанции признал наличие у заявителей права на обжалование судебного акта, рассмотрел апелляционные жалобы применительно к правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, сославшись на разъяснения, приведенные в пункте 22 постановления Пленума ВАС РФ от 28.05.2009 № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», и отказал в их удовлетворении, с чем впоследствии согласился суд округа.

Между тем судами апелляционной и кассационной инстанций не учтено следующее.

Применительно к рассмотрению дел о несостоятельности правовым механизмом обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются, является право конкурсного кредитора и арбитражного управляющего обжаловать в общем установленном процессуальным законодательством порядке судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование конкурсного кредитора (пункт 24 Постановления № 35).

Действующим процессуальным законодательством установлен принцип последовательного обжалования судебных актов суда первой инстанции в суды апелляционной и кассационной инстанций, а также в Судебную коллегия ВС РФ (часть 1 статьи 257, части 1 и 3 статьи 273 АПК РФ), который распространяется как на лиц, участвующих в деле, так и на тех лиц, которые к участию в деле привлечены не были, но считают, что их права нарушены принятым по делу судебным актом.

В этой связи обжалование судебных актов в порядке, установленном пунктом 24 Постановления № 35, должно осуществляться с учетом соблюдения такого принципа.

Как разъяснено в абзаце пятом пункта 22 Постановления № 36, в случае, когда после рассмотрения апелляционной жалобы и принятия по результатам ее рассмотрения постановления суд апелляционной инстанции принял к своему производству апелляционную жалобу лица, не привлеченного к участию в деле, права и обязанности которого затронуты обжалуемым судебным актом (статья 42 АПК РФ), такую жалобу следует рассматривать применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам.

Вместе с тем решение суда первой инстанции по настоящему делу до обращения заявителей с апелляционными жалобами не было предметом пересмотра в суде апелляционной инстанции, поэтому разъяснения, содержащиеся в пункте 22 Постановления № 36, применению не подлежали.

При таком положении апелляционные жалобы конкурсного управляющего ООО «Акцепт» и ООО «СитиИнвестКонсалт» суду следовало рассмотреть по существу. Суд округа допущенную судом апелляционной инстанции ошибку не устранил.

Необходимо отметить, что суды, отклоняя доводы заявителей о наличии оснований для оставления искового заявления без рассмотрения, не учли разъяснения, приведенные в пункте 27 Постановления № 35, согласно которым в силу абзаца второго пункта 1 статьи 63, абзаца второго пункта 1 статьи 81, абзаца восьмого пункта 1 статьи 94 и абзаца седьмого пункта 1 статьи 126 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с даты введения наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены только в рамках дела о банкротстве в порядке статей 71 или 100 Закона.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 15.08.2019 № 301-ЭС19-6143](#)

Из пункта 15 статьи 20.6 Закона о банкротстве с учетом разъяснений, данных в пункте 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 "О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве", следует исключение из общего правила установления процентного вознаграждения арбитражного управляющего для случая прекращения дела о банкротстве в связи с заключением мирового соглашения. В этом случае выплата суммы процентов по вознаграждению регулируется условиями мирового соглашения. Однако это исключение установлено лишь для процедуры банкротства, в ходе которой было утверждено мировое соглашение. В отношении иных процедур такого изъятия не установлено и законных оснований распространять его на процедуры, предшествовавшие той, в которой заключалось мировое соглашение, не имеется.

Таким образом, проценты по вознаграждению временного управляющего, не имевшего возможности влиять на содержание заключенного в иной процедуре банкротства мирового соглашения, должны быть установлены по правилам пункта 10 статьи 20.3 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату назначения временного управляющего.

Определением арбитражного суда от 02.09.2015 в отношении общества "Канаш" введена процедура наблюдения, временным управляющим утвержден Алимов И.Ш.

04.12.2015 Алимов И.Ш. направил в арбитражный суд заявление об определении процентов по вознаграждению временного управляющего, настаивая на сумме 301 205 руб., исчисленной по правилам пункта 10 статьи 20.6 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату его утверждения временным управляющим.

10.12.2015 решением арбитражного суда должник признан банкротом, открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим утвержден Алимов И.Ш.

08.02.2016 определением арбитражного суда производство по заявлению Алимова И.Ш. об утверждении вознаграждения приостановлено до реализации активов должника в ходе конкурсного производства.

Определением от 26.04.2017 арбитражный суд ввел в отношении должника внешнее управление; прекратил процедуру конкурсного производства и полномочия конкурсного управляющего Алимова И.Ш.; утвердил внешним управляющим Павлунину Л.С.

25.08.2017 арбитражный суд прекратил производство по делу о банкротстве должника в связи с утверждением мирового соглашения между должником и его конкурсными кредиторами. Размер процентов по вознаграждению временного управляющего Алимова И.Ш. за процедуру наблюдения в мировом соглашении не определен.

Впоследствии по ходатайству Алимова И.Ш. арбитражный суд возобновил производство по заявлению об установлении суммы процентов по вознаграждению временного управляющего и отказал в его удовлетворении.

Суды исходили из того, что проценты могут быть выплачены, если они предусмотрены условиями мирового соглашения, чего в настоящем случае не произошло. Кроме того, суды сослались на невозможность установить стоимость активов должника на отчетную дату.

Закон о банкротстве (пункт 1 статьи 20.3, пункты 1, 2, 3, 9 статьи 20.6) гарантирует арбитражному управляющему право на получение вознаграждения в деле о банкротстве, которое состоит из фиксированной суммы и суммы процентов. По общему правилу вознаграждение выплачивается за счет средств должника в течение десяти календарных дней с даты завершения процедуры, которая применяется в деле о банкротстве и для проведения которой был утвержден арбитражный управляющий.

Расчет суммы процентов по вознаграждению временного управляющего осуществляется по правилам пункта 10 статьи 20.3 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на дату назначения временного управляющего (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2017 № 305-ЭС16-20547). Сумма процентов по вознаграждению исчисляется от балансовой стоимости активов должника.

Размер вознаграждения может быть снижен при ненадлежащем исполнении временным управляющим своих обязанностей (пункт 5 постановления № 97).

Из пункта 15 статьи 20.6 Закона о банкротстве с учетом разъяснений, данных в пункте 8 постановления № 97, следует исключение из общего правила установления процентного вознаграждения для случая прекращения дела о банкротстве в связи с заключением мирового соглашения. В этом случае выплата суммы процентов по вознаграждению регулируется условиями мирового соглашения. Однако это исключение установлено лишь для процедуры банкротства, в ходе которой было утверждено мировое соглашение. В отношении иных процедур такого изъятия не установлено и законных оснований распространять его на процедуры, предшествовавшие той, в которой заключалось мировое соглашение, не имеется.

В рассматриваемом обособленном споре право на процентное вознаграждение временного управляющего и порядок его расчета определены законом. Алимов И.Ш. своевременно обратился в арбитражный суд за установлением размера вознаграждения, представив варианты его расчета, основанные на балансовой стоимости активов должника. Мировое соглашение заключено после процедуры наблюдения. Участие в заключении мирового соглашения Алимов И.Ш. не принимал и не мог влиять на его условия. Следовательно, отсутствие в мировом соглашении условия о выплате процентного вознаграждения временного управляющего не может являться основанием для полного отказа Алимову И.Ш. в удовлетворении его требований.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 08.05.2019 № 305-ЭС18-25788 \(2\)](#)

При рассмотрении заявления о включении в реестр требования аффилированного кредитора, судам надлежит применить еще более строгий стандарт доказывания, чем к обычному кредитору в деле о банкротстве. Такой кредитор должен исключить любые разумные сомнения в реальности долга, поскольку общность экономических интересов повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых.

Если требование кредитора основано на договоре о разработке какой-либо компьютерной программы/комплекса, необходимо учитывать, что копии договора, календарный план выполнения работ, техническое задание, акты сдачи-приемки выполненных работ, акты сверки и т.д. сами по себе без установления обстоятельств, подтверждающих разработку и внедрение компьютерного комплекса, могут быть недостаточны для вывода об обоснованности требований кредитора.

В рамках дела о банкротстве должника судами первой инстанции и округа требования общества «Корпоративный Университет Инжиниринга» в размере 27 397 360,90 руб. признаны обоснованными и включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

Судебная коллегия считает, что указанные судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 10.06.2016 между должником (заказчиком) и кредитором (исполнителем) заключен договор от 10.06.2016, по условиям которого исполнитель обязался

выполнить работы по разработке «Компьютерного тренажерного комплекса для обучения персонала», а заказчик обязался оплатить выполненные работы в размере 28 630 985,79 руб.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из доказанности наличия задолженности должника перед кредитором в заявленном размере. В частности, суд указал, что задолженность подтверждается копиями договоров, актами, приложениями, календарным планом и иными документами.

В кассационной жалобе, рассмотренной судом округа, общество «НПП ОЗНА-Инжиниринг» приводило доводы о том, что требования общества «Корпоративный Университет Инжиниринга» не отвечают свойству реальности. В обоснование своих доводов общество «НПП ОЗНА-Инжиниринг» указывало на ряд обстоятельств: кредитор и должник являются аффилированными лицами, контролируруемыми одним лицом; в материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства, свидетельствующие о разработке кредитором компьютерного тренажерного комплекса (не были представлены доказательства передачи мануала по тренажеру, DVD диск с «билд» тренажера и документацией, предусмотренные заданием на выполнение работ, а также предусмотренные договором протокол проведения испытаний, на основании которого подписывается акт приемки-передачи); отсутствуют доказательства создания должником технологической установки по производству серы, на основании которой производилась разработка компьютерного тренажерного комплекса, имитирующего ее работу; кредитор не обладает необходимой компетенцией и ресурсами в области разработки компьютерных тренажерных комплексов.

В делах о банкротстве установлен повышенный стандарт доказывания при рассмотрении заявления кредитора о включении в реестр, то есть установление обязанности суда проводить более тщательную проверку обоснованности требований по сравнению с обычным общеисковым гражданским процессом. На практике это означает, что суды должны проверять не только формальное соблюдение внешних атрибутов документов, которыми кредиторы подтверждают обоснованность своих требований, но и оценивать разумные доводы и доказательства (в том числе косвенные как в отдельности, так и в совокупности), указывающие на пороки сделок, цепочек сделок (мнимость, притворность и т.п.) или иных источников формирования задолженности.

При этом следует учесть, что если кредитор и должник являются аффилированными лицами, то к требованию кредитора должен быть применен еще более строгий стандарт доказывания, чем к обычному кредитору в деле о банкротстве. Такой кредитор должен исключить любые разумные сомнения в реальности долга, поскольку общность экономических интересов, в том числе повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых (определения Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6), от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784), что не отвечает стандартам добросовестного осуществления прав.

Однако суд первой инстанции не применил нормы права с учетом изложенных выше подходов к их толкованию, и, соответственно, не устанавливал обстоятельства, имеющие существенное значение для данного спора. Копии договора и дополнительного соглашения к нему, календарный план выполнения работ, техническое задание, акты сдачи-приемки выполненных работ, актами сверки и т.д. сами по себе без установления обстоятельств, подтверждающих разработку и внедрение компьютерного тренажерного комплекса, могут быть недостаточны для вывода об обоснованности требований кредитора.

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 305-ЭС19-1539](#)

При рассмотрении заявления кредитора о включении требований в реестр требований кредиторов должника суду надлежит учитывать, что в случае, если кредитором представлены первичные документы в подтверждение заявленного требования, бремя доказывания необоснованности требования переходит на возражающих заинтересованных лиц.

Предложение суда кредитору представить дополнительные доказательства в подтверждение своего требования может поставить в преимущественное положение возражающих лиц и умалить права кредитора-заявителя.

В рамках дела о банкротстве должника компания обратилась в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требования в размере 14 040 972 492 рубля.

Судом первой инстанции требование признано необоснованным, во включении его в реестр отказано. Судом апелляционной инстанции определение отменено, признаны подлежащими учёту в третьей очереди реестра требования компании в размере 13 968 513 915,23 рублей. Судом округа оставлено в силе определение суда первой инстанции.

В период с октября 2007 года по январь 2009 года между обществом «ГОРКИ-8» (первоначальный заёмщик) и открытым акционерным обществом «Система–Галс» (займодавец; сменило наименование на общество «Галс-Девелопмент») было заключено девять договоров процентного займа на общую сумму 13 151 603 347,18 рублей.

31.07.2009 общество «ГОРКИ-8» (ликвидировано 27.02.2010) с согласия займодавца перевело обязательства по возврату заёмных денежных средств на должника, а тот принял их и обязался вернуть займы в срок до 13.07.2015.

Кроме того, займодавец и должник заключили договор займа от 09.02.2010 и два договора купли-продажи ценных бумаг от 26.11.2009 и от 21.01.2010 с предоставлением рассрочки платежа до 13.07.2015.

08.07.2014 займодавец уступил компании право требования к должнику суммы 14 040 972 492 рублей (долг по всем вышеуказанным договорам займа и купли-продажи ценных бумаг) в качестве оплаты за приобретаемую долю в размере 9,97 процентов в уставном капитале компании. Рыночная стоимость такого вклада в уставной капитал подтверждена отчётом независимого оценщика. В тот же день, компания и должник заключили дополнительные соглашения ко всем договорам займа и купли-продажи ценных бумаг, договорившись о не начислении процентов на общую сумму займа.

02.06.2017 в отношении должника возбуждено настоящее дело о банкротстве, 31.08.2017 введена процедура наблюдения, а 22.10.2018 должник признан банкротом.

Отказывая в удовлетворении заявления компании о включении в реестр должника требования в размере 14 040 972 492 рубля, суд первой инстанции исходил из того, что мотивы заключения договоров займа сторонами не раскрыты, экономическая обоснованность предоставления заёмных денежных средств, в том числе их целевое расходование не доказаны, документов, свидетельствующих о совершении займодавцем с момента наступления срока возврата заёмных денежных средств разумных действий, обычно предпринимаемых при неисполнении контрагентом своих обязательств, не представлено.

К настоящему времени сформировалась судебная практика по вопросу о доказывании обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, направленная на предотвращение возможности включения в реестр необоснованных требований и недопущения тем самым нарушений прав кредиторов (пункт 26 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»). Для включения требования в реестр требований кредиторов должника кредитор должен представить доказательства, ясно и убедительно подтверждающие наличие и размер задолженности перед ним и опровергающие возражения заинтересованных лиц об отсутствии долга.

Вместе с тем, в силу пункта 3 статьи 8, пункта 3 статьи 9 АПК РФ суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон, должен оказывать содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела.

В ходе рассмотрения настоящего спора его участники (конкурсный управляющий должником, конкурсный кредитор должника – государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)») не отрицали довод компании о том, что общество «ГОРКИ-8», а затем и должник осуществляли строительство объектов недвижимости с привлечением заёмных денежных средств, в том числе у кредитных организаций и сторонних инвесторов.

Имеющиеся в материалах дела разрешения на ввод объектов в эксплуатацию в соответствии с пунктом 1 статьи 55 ГрК РФ удостоверяют окончание должником строительства в соответствии с ранее выданными разрешением и проектной документацией. Следовательно, вывод о ничтожности договора перевода долга с займодавца на должника, который фактически продолжил и завершил строительство объектов недвижимости, является преждевременным.

Судами установлено, что на момент предоставления займов займодавец - открытое акционерное общество «Система–Галс» не являлся участником первоначального заёмщика – общества «ГОРКИ-8», указанные лица не являлись аффилированными. Мнимость и притворность сделок, на основании которых

компанией заявлено требование о включении в реестр, равно как и злоупотребление правом сторонами при их заключении судебными инстанциями не установлено.

Поскольку компания представила первичные документы в подтверждение заявленного требования, то на лиц, возражающих против включения долга в реестр, в соответствии с правилами статьи 65 АПК РФ перешло бремя доказывания обратного. Судам следовало предложить заинтересованным лицам – участникам дела о банкротстве должника представить доказательства, ставящие под сомнение реальность заёмных отношений, а главное – косвенно раскрывающие истинные цели образования и создания задолженности.

Однако в нарушение положений статей 71, 168, 170 АПК РФ указанные обстоятельства и доводы не получили правовой оценки. Суды первой инстанции и округа ошибочно согласились с доводами конкурсного кредитора и конкурсного управляющего должником о том, что компании, которая купила задолженность путем передачи доли в своём уставном капитале первоначальному кредитору (займодавцу), следовало предоставить доказательства расходования должником полученных денежных средств непосредственно для осуществления деятельности, связанной со строительством.

Суды не оценили возражения компании о том, что требования конкурсного кредитора должника – государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», включенные в реестр в размере 1,7 млрд. рублей, подтверждаются таким же набором документов (кредитные договоры, договоры уступки прав требования, выписки по счету).

[Определение ВС РФ от 15.08.2019 № 305-ЭС18-19688 \(2\)](#)

По смыслу статей 16, 71, 100 Закона о банкротстве с учетом разъяснений пункта 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» и сформировавшейся судебной практики кредитор, заявляющий о включении своего требования в реестр, должен ясно и убедительно подтвердить реальность долга, то есть его наличие и размер. При этом он должен обосновать существование именно той задолженности, включить в реестр которую он просит суд.

Неправомерен отказ во включении в реестр суммы предоплаты (задолженности по предварительному договору) на основании того, что кредитор не мог иметь средств для внесения оплаты в полном объеме (оплаты по основному договору). Вывод судов об отсутствии у заявителя источника средств для оплаты договора в целом фактически свидетельствует о подмене предмета доказывания по спору.

В таком случае надлежит проверить реальность наличия предоплаты и ее невозврата, и в случае их доказанности включить такое требование кредитора в реестр.

В рамках дела о банкротстве Быковского Г.В. (должник) Борисенко А.В. обратился в арбитражный суд с заявлением о включении своего требования в размере 8 042 000 руб. в реестр требований кредиторов должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 12.10.2014 между Быковским Г.В. (продавцом) и Борисенко А.В. (покупателем) заключен предварительный договор, по условиям которого стороны договорились о подготовке и заключении в последующем договора купли-продажи жилого дома с земельным участком.

Согласно пункту 2.1 предварительного договора стоимость дома и земельных участков составляет 5 600 000 долларов США. При этом в пункте 2.2.1 договора стороны согласовали, что в течение 10 рабочих дней со дня подписания договора покупатель обязуется уплатить продавцу сумму в рублях, эквивалентную 100 000 долларов США по курсу ЦБ РФ на день оплаты.

Борисенко А.В. представил в материалы дела расписку от 12.10.2014, в которой указано на получение Быковским Г.В. от него денежных средств в сумме 4 021 000 руб., что эквивалентно 100 000 долларов США.

Впоследствии основной договор заключен не был.

Полагая, что основной договор не заключен по вине продавца, а внесенные в качестве предоплаты денежные средства являлись задатком, Борисенко А.В. в рамках дела о банкротстве Быковского Г.В. обратился с заявлением о включении в реестр денежного требования в двойном размере от переданной продавцу суммы.

Разрешая спор, суд первой инстанции сослался на проведенную по делу судебную экспертизу, по результатам которой эксперт сделал выводы, что дата, указанная в расписке от 12.10.2014, не соответствует дате изготовления данного документа, в связи с чем расписка не может являться достаточным доказательством, подтверждающим передачу денежных средств.

Соглашаясь с выводом об отсутствии оснований для включения требований в реестр, суды апелляционной инстанции и округа исходили из того, что в соответствии со справками по форме 2-НДФЛ о доходах за 2012 - 2014 годы совокупная сумма дохода Борисенко А.В. в указанный период составила 21 796 475,83 руб. Из этого судами сделан вывод, что Борисенко А.В. не имел достаточных денежных средств на приобретение недвижимого имущества по цене 5 600 000 долларов США, что, в свою очередь, фактически свидетельствует об отсутствии реального характера отношений по купле-продаже между сторонами.

Между тем судами не учтено следующее.

По смыслу статей 16, 71, 100 Закона о банкротстве с учетом разъяснений пункта 26 постановления № 35 и сформировавшейся судебной практики кредитор, заявляющий о включении своего требования в реестр, должен ясно и убедительно подтвердить реальность долга, то есть его наличие и размер. При этом он должен обосновать существование именно той задолженности, включить в реестр которую он просит суд.

Сделав вывод об отсутствии у заявителя источника средств для оплаты договора купли-продажи в целом, суды фактически подменили предмет доказывания по спору, обязав кредитора доказывать наличие у него 5,6 млн. долларов США вместо 100 000 долларов США. Однако обстоятельства наличия или отсутствия у Борисенко А.В. средств для исполнения основного договора (который в итоге не был заключен сторонами) не имели правового значения для правильного разрешения спора. Подлежащим выяснению обстоятельством являлся факт передачи или непередачи должнику именно 100 000 долларов США. В связи с этим возложение на кредитора, внесшего предоплату, обязанности по доказыванию «будущих» фактов (где бы он взял необходимые суммы, если бы основной договор был заключен) являлось неправомерным.

В подтверждение реальности долга Борисенко А.В. помимо расписки ссылался также на ряд согласующихся между собой косвенных доказательств. Так, он указывал, что на следующий день после заключения предварительного договора от 12.10.2014 должником было направлено в адрес банка (мажоритарного кредитора по настоящему делу) электронное письмо с вложением скан-копии этого договора, что, в свою очередь, заведомо исключает проставление на документах даты, предшествовавшей дню их изготовления. Кроме того, спустя непродолжительный период времени после подписания предварительного договора супруга должника 07.11.2014 перечислила в пользу банка 100 000 долларов США в счет погашения кредита, что подтверждает факт распоряжения должником полученными от Борисенко А.В. деньгами.

Оспаривание сделок должника.

[Определение ВС РФ от 14.05.2019 № 307-ЭС16-3765](#)

1. Об очевидном отсутствии у сторон сделки исполнять ее и, соответственно о мнимости сделки, могут свидетельствовать следующие обстоятельства: участие в сделке «технической компании» в качестве покупателя; аффилированность покупателя и продавца; поведение стороны сделки, не имеющее какого-либо разумного обоснования с точки зрения целей осуществления предпринимательской деятельности; имитация расчетов с использованием счетов, открытых в иностранном банке; поведение продавца и покупателя в ходе рассмотрения корпоративного спора, в рамках которого ими явно выражено намерение через признание иска создать видимость реальности исполнения договора купли-продажи.

2. Оспоримая сделка должника, неодобренная в порядке, установленном законодательством о хозяйственных обществах, признанная недействительной, может иметь и иные пороки, свидетельствующие о ее ничтожности по другим основаниям. Кредиторы, не участвовавшие в корпоративном деле, рассмотренном до банкротства должника, не могут быть лишены права на обращение в суд с самостоятельным иском о признании такой мнимой сделки ничтожной, поскольку иное означало бы отказ в эффективной судебной защите их нарушенных прав.

В рамках дела о банкротстве Осташковского завода (далее - завод) уполномоченный орган обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора купли-продажи пакета акций генерирующей компании, а также о признании отсутствующим основанного на этом договоре требования общества к заводу.

Завод (продавец) заключил с обществом (покупателем) договор купли-продажи 75-процентного пакета акций генерирующей компании (2 368 182 акции номинальной стоимостью 1 000 руб. за акцию) по номинальной стоимости (2 368 182 000 руб. за весь пакет).

В это же время ПАО «Сбербанк России» и обществом (заемщиком) заключен договор об открытии невозобновляемой кредитной линии от 13.10.2011, на основании которого Сбербанк выдал обществу кредит в сумме 1 628 000 000 руб. на срок до 25.06.2018 на приобретение упомянутого пакета акций.

Завод, будучи продавцом акций, предоставил Сбербанку обеспечение по кредитным обязательствам общества - покупателя, не имевшего собственных средств для выкупа акций по договору купли-продажи и привлекшего в этих целях ресурсы кредитной организации.

В частности, завод по договору поручительства принял на себя солидарные обязательства по погашению кредитной задолженности, в том числе на случай перевода долга общества на любое другое лицо.

По договору залога завод передал Сбербанку в залог другой (25-процентный) пакет тех же акций генерирующей компании (789 394 акции общей номинальной стоимостью 789 394 000 руб.). При этом согласованная залогодателем и залогодержателем залоговая стоимость 25-процентного пакета акций составила 78 939 400 рублей – 90-процентный дисконт по отношению к номинальной стоимости.

Кроме того, общество, приобретшее 75-процентный пакет акций генерирующей компании, заложило эти ценные бумаги в обеспечение исполнения своих обязательств по договору об открытии невозобновляемой кредитной линии от 13.10.2011 (договор залога ценных бумаг от 12.12.2011). В договоре залога общество (залогодатель) и Сбербанк согласовали залоговую стоимость 75-процентного пакета акций. Она составила 236 818 200 руб. – 90-процентный дисконт по отношению к номинальной стоимости.

Вскоре после заключения договора купли-продажи, кредитной и обеспечительных сделок долг по кредитному договору с согласия Сбербанка переведен с общества на генерирующую компанию (трехсторонний договор Сбербанка (кредитора), общества (прежнего должника) и генерирующей компании (нового должника) о переводе долга от 23.12.2011). Дополнительными соглашениями от 23.12.2011 к договорам залога ценных бумаг их стороны установили, что залогом обеспечивается исполнение обязательств нового должника (генерирующей компании).

В дальнейшем (24.10.2012), миноритарные акционеры завода обратились в арбитражный суд с иском о признании этого договора недействительным по корпоративным основаниям и о применении последствий недействительности данной сделки.

Осташковский завод иск признал. Арбитражный суд удовлетворил исковые требования и применил последствия его недействительности в виде обязания общества вернуть заводу акции генерирующей компании и взыскания с завода в пользу общества 2 368 182 000 руб.

Общество вернуло акции заводу. Поскольку последний не исполнил упомянутое решение (не возвратил обществу 2 368 182 000 руб.), оно обратилось в суд с заявлением о признании завода банкротом.

В период рассмотрения дела о банкротстве данное требование неоднократно уступалось по цепочке последовательных договоров цессии.

На основании договора поручительства в третью очередь реестра требований кредиторов завода включены требования Сбербанка в сумме 1 927 111 568,16 руб.; из них 78 939 400 руб. признаны обеспеченными залогом имущества завода на основании договора залога ценных бумаг.

В результате совершения упомянутых сделок и действий в реестр требований кредиторов завода включены как требование, основанное на обязательстве данного завода по возврату денежных средств, полученных по договору купли-продажи 75-процентного пакета акций генерирующей компании, так и требование, основанное на обязательстве завода, вытекающем из обеспечительных сделок, по возврату кредита, выданного обществу на приобретение этого же пакета акций Сбербанком.

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что общество являлось так называемой «технической компанией». Оно не вело реальную хозяйственную деятельность, не имело материальных ресурсов, персонала. Ее руководитель являлся номинальным директором, контролировавшимся руководителем завода. Последний, помимо прочего, управлял счетами общества. Основной истинной целью деятельности общества являлось создание условий для получения необоснованной налоговой выгоды заводом посредством оформления недостоверных документов, не имеющих связи с фактически сложившимися отношениями.

Суды также пришли к выводу о том, что цена, зафиксированная в договоре, многократно превышала рыночную стоимость, по сделке завод не получил актив, ликвидность которого была бы сопоставима с договорной ценой.

Суды первой и апелляционной инстанций проанализировали платежные операции общества и других организаций, вовлеченных в спорные отношения, и пришли к выводу о том, что лицами, подконтрольными одному и тому же центру, была создана лишь видимость оплаты за акции.

Так, суды установили, что фактически расчетными счетами завода и общества распоряжалось одно и то же лицо. Общество, получив от Сбербанка кредитные средства в сумме 1 628 000 000 рублей, перевело их на счет завода, который направил полученное на погашение ранее выданных кредитов и одновременно поручился по новому кредиту, по которому обществу выдавались названные 1 628 000 000 рублей. Все перечисленные операции совершены в течение нескольких дней. Тем самым в действительности была осуществлена реструктуризация прежней задолженности перед кредитными организациями, а не оплата за акции. Оставшиеся средства, формально отнесенные к расчетам за пакет акций, перемещались исключительно по зарубежным счетам, открытым в одном и том же кипрском банке: они были получены обществом от иностранной компании, в тот же день транзитом прошли через счет завода и вновь вернулись иностранной компании. Суды указали на то, что в данной части был создан искусственный оборот безналичных денежных средств. Связанные друг с другом общество и завод основания получения средств от иностранной компании и их возврата не раскрыли.

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что в момент заключения договора купли-продажи 75-процентного пакета акций генерирующей компании у завода уже имелись неисполненные обязательства перед другими кредиторами, в том числе перед уполномоченным органом, чьи требования в настоящее время включены в реестр требований кредиторов и остаются неудовлетворенными. Общество не могло не знать об этом, поскольку являлось связанной с заводом организацией.

При таких обстоятельствах суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о недействительности договора купли-продажи 75-процентного пакета акций.

Вывод судов первой и апелляционной инстанций о наличии у общества признаков «технической компании» основан на результатах оценки, непровергнутых заинтересованными лицами в рамках настоящего обособленного спора материалов, проведенных в отношении завода и его контрагентов мероприятий налогового контроля, а также обстоятельств, установленных вступившим в законную силу решением Арбитражного суда Тверской области от 18.12.2015.

Устанавливая фактические обстоятельства спора в этой части, суды приняли во внимание правовую позицию, изложенную в пункте 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016, согласно которой материалы проведенных в отношении должника или его контрагента мероприятий налогового контроля могут быть использованы в качестве средств доказывания при рассмотрении в рамках дела о банкротстве обособленных споров. В частности, такие материалы могут служить доказательственной базой при оспаривании уполномоченным органом сделки, на которой основано требование кредитора.

Вопреки утверждению окружного суда, сам по себе факт получения обществом в 2011 году кредита в Сбербанке на приобретение 75-процентного пакета акций генерирующей компании не свидетельствует об отсутствии у общества признаков «технической компании». Так, Сбербанк, будучи коммерческой кредитной организацией, не обладает тем набором административных средств контроля, который имеется в распоряжении фискальных государственных органов, поэтому он при принятии решения о выдаче кредита мог и не выявить у заемщика сомнительные признаки. Более того, один лишь факт вступления двух частных организаций в договорные отношения не опровергает совокупность согласующихся между собой доказательств, указывающих на порочность модели ведения бизнеса, выбранной одной из этих организаций.

Суды первой и апелляционной инстанций, по сути, рассмотрели сложившиеся отношения как в аспекте взаимодействия членов группы, объединяющей, в том числе завод, общество и генерирующую компанию, с внешними по отношению к этой группе участниками оборота, так и с внутригрупповой точки зрения.

Совершая мнимые сделки их стороны, будучи заинтересованными в сокрытии от третьих лиц истинных мотивов своего поведения, как правило, верно оформляют все деловые бумаги, но создавать реальные правовые последствия, соответствующие тем, что указаны в составленных ими документах, не стремятся.

Суд округа, делая вывод о том, что ФНС России не опровергла факт исполнения заводом и обществом оспариваемого договора купли-продажи акций, этого не учел. Положившись исключительно на подписанные

сторонами документы, окружной суд проигнорировал установленные судами первой и апелляционной инстанций фактические обстоятельства, свидетельствующие о совершении продавцом и покупателем действий, создающих лишь видимость исполнения.

Так, судами первой и апелляционной инстанций установлено, что 75-процентный пакет акций сначала был передан заводом обществу под видом исполнения обязательств, предусмотренных договором купли-продажи, а затем возвращен обществом заводу по мотиву несоблюдения корпоративной процедуры одобрения данного договора как крупной сделки.

Денежные средства, транзитом прошедшие по счетам завода, на самом деле относились не к расчетам за пакет акций, а к реструктуризации задолженности группы компаний перед кредитными организациями (в части 1 628 000 000 рублей, полученных от Сбербанка) и к искусственному обороту безналичных денежных средств по счетам, открытым в кипрском банке (в части оставшейся суммы). Суды первой и апелляционной инстанций при этом правильно распределили бремя доказывания, возложив на контролировавшихся одним и тем же лицом и входящих в одну группу покупателя и продавца негативные последствия нераскрытия ими реальных оснований получения заводом средств от иностранной компании и их возврата.

Совокупность установленных судами первой и апелляционной инстанций фактов, свидетельствовала о том, что договор купли-продажи реально не исполнялся его сторонами не вследствие каких-либо возникших после его заключения обстоятельств, а из-за очевидного отсутствия у этих сторон намерения исполнять данную сделку. На это указывают:

участие в сделке «технической компании» в качестве покупателя; поведение продавца акций, не имеющее какого-либо разумного обоснования с точки зрения целей осуществления предпринимательской деятельности: он согласился реализовать акции «технической компании», не располагающей средствами на покупку, получившей кредит со ссылкой на необходимость приобретения акций, и одновременно поручился за возврат этого кредита; принятие решения о переводе долга по кредитному договору на эмитента 75-процентного пакета акций с последующим возвратом этого пакета акций продавцу, что в совокупности с поручительством продавца привело к образованию двух солидарных должников (продавца и его дочернего хозяйственного общества – эмитента), обязанных возместить финансирование, привлеченное покупателем якобы для выкупа акций; многократное завышение цены акций; имитация расчетов за акции с использованием счетов, открытых в иностранном банке; поведение продавца и покупателя в ходе рассмотрения корпоративного спора, в рамках которого ими было явно выражено намерение через признание иска создать видимость реальности исполнения договора купли-продажи.

Исходя из установленных судами первой и апелляционной инстанций обстоятельств спора договор купли-продажи акций является ничтожным на основании пункта 1 статьи 170 Гражданского кодекса как мнимая сделка.

Доводы ФНС России о нерыночном характере цены договора купли-продажи акций имели правовое значение как одно из свидетельств мнимости сделки: ими косвенно подтверждалось, что сторонам договора, не имевшим намерения его исполнять, был не особо важен объект, который они назовут в тексте договора в качестве продаваемого. Вопреки позиции суда округа, суды первой и апелляционной инстанций правомерно согласились с утверждением уполномоченного органа о несоответствии цены сделки рыночной стоимости пакета акций, приняв во внимание размер дисконта при залоге акций.

Суды правильно отклонили ссылки на то, что договор купли-продажи ранее уже признавался недействительным по корпоративным основаниям и его нельзя признать недействительным повторно. Как верно отметили суды, оспоримая сделка, одобренная в порядке, установленном законодательством о хозяйственных обществах, может иметь и иные пороки, свидетельствующие о ее ничтожности по другим основаниям. При рассмотрении корпоративного спора кредиторы завода к участию в деле не привлекались, а действовавшие в ущерб их интересам общество и завод, подконтрольные одному и тому же лицу, скрыли от суда обстоятельства, указывающие на мнимый характер договора, в связи с чем эти обстоятельства не были предметом судебного исследования и оценки. Судебная коллегия считает, что кредиторы, не участвовавшие в корпоративном деле, рассмотренном до банкротства завода, не могут быть лишены права на обращение в суд с самостоятельным иском о признании мнимой сделки ничтожной, поскольку иное означало бы отказ в эффективной судебной защите их нарушенных прав.

[Определение ВС РФ от 20.05.2019 № 305-ЭС18-5703 \(6\)](#)

1. При оценке действительности договора уступки права требования, цедентом в котором выступает банк (впоследствии банкрот) суду стоит исследовать следующие обстоятельства: был ли

цессионарий осведомлен о трансформации безналичных денежных средств в права требования; поступил бы цессионарий аналогичным образом в отсутствие процедуры банкротства банка; имели ли место попытки реализации цессионарием своих кредиторских полномочий в отношении должника по обязательству; насколько равноценны права требования, которыми обменялись cedent и цессионарий, имел ли место дисконт относительно номинала; существовала ли в банке в период, когда произошла уступка, картотека неисполненных платежей; имеется ли ликвидное обеспечение переданных по уступке прав; не имеется ли у должника по кредитору и цессионария общих экономических интересов.

2. Для определения признаков неплатежеспособности банка может быть учтена картотека поручений клиентов, номинированных в иной валюте, нежели валюта оспариваемой сделки.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительными договора уступки требования от 25.08.2017, заключенного между должником и Мельниченко В.И., банковской операции от 25.08.2017 по перечислению со счета Мельниченко В.И. в пользу должника денежных средств в сумме 8 380 000 долларов США, применении последствий недействительности сделок.

Судами первой и апелляционной инстанций заявление удовлетворено. Судом округа спор направлен на новое рассмотрение.

Судебная коллегия считает, что судебный акт суда округа подлежит отмене.

25.08.2017 между банком (цедентом) и Мельниченко В.И. (цессионарием) заключен договор, на основании которого к цессионарию от цедента перешло право требования к компании Риверпонт Холдингс Лтд (заемщику) на сумму 12 976 750,27 долларов США, возникшее из кредитного договора от 11.07.2014, а также обеспечительные права. Стоимость уступки составила 8 380 000 долларов США, что в рублевом эквиваленте на дату совершения сделки соответствовало 495 590 686 руб.

В тот же день, 25.08.2017, была совершена оплата права требования посредством проведения банковской операции по перечислению Мельниченко В.И. со своего счета, открытого в банке, денежных средств в пользу цедента в размере 8 380 000 долларов США.

Приказами Банка России от 04.09.2017 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией.

Обращаясь в суд, ГК АСВ просило признать недействительными две сделки: договор уступки права требования от 25.08.2017 и совершенную в ту же дату операцию по оплате цессионарием (ответчиком) приобретенного права со своего счета, открытого у должника.

В условиях неплатежеспособности банка безналичные денежные средства клиентов, находящиеся на его счетах, утрачивают свое назначение как средство платежа и фактически трансформируются в права требования к этому банку (постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2014 № 2953/14, определение ВС РФ от 19.03.2018 № 306-ЭС17-17686).

Для целей применения разъяснений абзаца пятого пункта 8 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», при квалификации спорного соглашения об уступке на предмет действительности необходимо учитывать следующее. Поскольку деньги сами по себе являются универсальной мерой стоимости (то есть эквивалентность денежного предоставления определяется исходя из номинала), объективно произошедшая трансформация денег в права требования не влечет признания сделки неравноценной (пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве), если у клиента банка сохранялись основания полагаться на платежную способность записей по банковским счетам. В таком случае отсутствует признак заведомого осознания неравноценности денежного предоставления, а произошедшая трансформация находится вне воли лица, намеренного исполнить свое обязательство средствами на счете.

Однако, если клиент банка знал или должен был знать о том, что деньги как средство платежа утратили своё назначение, то соглашение об уступке, внешне построенное по модели купли-продажи имущественного права (пункт 4 статьи 454 ГК РФ, абзац третий пункта 1 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»), изначально не предполагало оплаты, не являлось куплей-продажей, а значит, подлежит оценке исходя из равноценности переданных другу друг прав.

Тот факт, что банк в обозначенный период обладал признаками неплатежеспособности, установлен судами первой и апелляционной инстанций, в том числе с учетом существования на 22.08.2017 картотеки неисполненных платежных документов иных клиентов.

При этом является ошибочным вывод суда округа о необходимости проверки картотеки в долларах США. Даже несмотря на то, что оплата по цессии совершалась в долларах США, для определения признаков неплатежеспособности банка в обозначенный период может быть учтена картотека поручений клиентов, номинированных в иной валюте.

При разрешении вопроса о том, должна ли Мельниченко В.И. была знать о неплатежеспособности банка, об утрате безналичными деньгами своей платежной функции, во внимание может быть принято, насколько ее поведение как участника гражданского оборота, хотя бы и обладающего крупной суммой денежных средств, являлось типичным в схожих условиях, в частности, есть ли основания полагать, что Мельниченко В.И. совершила подобную сделку, если бы банкротства банка не было. Судебная коллегия соглашается с выводами судов первой и апелляционной инстанций о том, что структура отношений сторон и поведение Мельниченко В.И. как владельца депозитного счета в банке являлись необычными для нормального гражданского оборота.

В обмен на 8,38 млн. долларов США ответчик по сделке получил право требования в размере 12,98 млн. долларов США (с существенным дисконтом относительно номинала), исполнение обязательства по которому было обеспечено залогом дорогостоящего недвижимого имущества, то есть при явной для банка невыгодности, которая сама по себе должна быть очевидна как для ответчика, так и для любого иного разумного участника оборота. Если Мельниченко В.И. являлась независимым по отношению к заемщику лицом и действительно желала извлечь прибыль из состоявшейся уступки, то после заключения сделки она бы предприняла меры для реализации своих кредиторских полномочий в отношении компании Риверпонт Холдингс Лтд. Однако, как установили суды первой и апелляционной инстанций, цессионарием даже не были осуществлены действия по переоформлению обеспечительных прав. Фактически в результате совершения спорных сделок, во-первых, был предотвращен риск неполучения ответчиком остатка с депозита с последующей необходимостью включения требований в реестр, а во-вторых, произошло списание кредитной задолженности заемщика перед банком, что, по сути, указывает на существование общих экономических интересов у цессионария и должника по кредиту, а также на наличие между банком и Мельниченко В.И. отношений, результатом которых явилось предоставление последней необоснованных преимуществ по сравнению с иными клиентами кредитной организации.

[Определение ВС РФ от 28.05.2019 № 302-ЭС18-8995 \(2\)](#)

Ликвидация цедента – стороны по оспариваемой сделке с должником не должна противопоставляться независимым кредиторам, арбитражному управляющему и препятствовать их праву на защиту от необоснованных притязаний. Иной подход нарушает баланс юридических возможностей заинтересованных лиц и применительно к процедурам банкротства повышает вероятность включения необоснованного требования правопреемника (цессионария) ввиду устранения одного из механизмов его проверки, что недопустимо.

В таком случае надлежащим ответчиком по спору о признании недействительным договора, по которому были уступлены права, является цессионарий.

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора оказания услуг от 28.07.2015, заключенного между должником и обществом «Вихрь».

Судами трех инстанций производство по заявлению прекращено.

28.07.2015 между должником (заказчиком) и обществом «Вихрь» заключен договор оказания услуг, по условиям которого исполнитель обязался предоставить заказчику за плату услуги специальной техники, а заказчик – произвести оплату оказанных услуг.

08.07.2016 общество «Вихрь» (цедент) уступило обществу «СибДорСтрой» (цессионарий) своё право требования оплаты за оказанные должнику услуги в размере 24 799 918,35 руб. по договору цессии.

Судами трех инстанций задолженность должника за оказанные услуги, переданная по договору цессии, взыскана в пользу общества «СибДорСтрой» в размере 24 799 918,35 руб.

03.10.2016 возбуждено производство по настоящему делу о банкротстве должника, а решением от 19.07.2017 должник признан несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство.

Определением от 20.01.2017 по настоящему делу о несостоятельности (банкротстве) должника требование общества «СибДорСтрой» наряду с иным включено в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

В процессе рассмотрения данного обособленного спора в суде первой инстанции, 03.04.2018 общество «Вихрь» прекратило свою деятельность, юридическое лицо исключено из ЕГРЮЛ, что явилось основанием для прекращения производства по спору о признании недействительным договора оказания услуг в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 150 АПК РФ.

Действительно, по общему правилу, при ликвидации одной из сторон сделки спор о признании этой сделки недействительной не может быть рассмотрен судом и дело подлежит прекращению. Данное правило основано на объективной невозможности рассмотрения иска в ситуации, когда надлежащий ответчик утратил правоспособность и по этой причине не может защищаться против предъявленного требования.

Однако в рассматриваемом случае общество «Вихрь» до своей ликвидации уступило по договору цессии право требования взыскания задолженности по договору оказания услуг обществу «СибДорСтрой», которое через арбитражный суд взыскало долг с заказчика и включилось к нему с требованием в реестр.

Ликвидация цедента – стороны по оспариваемой сделке с должником не должна противопоставляться независимым кредиторам, арбитражному управляющему и препятствовать их праву на защиту от необоснованных притязаний. Иной подход нарушает баланс юридических возможностей заинтересованных лиц и применительно к процедурам банкротства повышает вероятность включения необоснованного требования правопреемника (цессионария) ввиду устранения одного из механизмов его проверки, что недопустимо.

Общество «СибДорСтрой», претендующее по получению исполнения по оспариваемой сделке и являющееся конечным приобретателем требования к должнику, правоспособность не утратило. В такой ситуации именно оно должно быть надлежащим ответчиком по спору о признании недействительной сделки, на которой основано его требование к должнику.

[Определение ВС РФ от 30.05.2019 № 305-ЭС19-924 \(1,2\)](#)

При рассмотрении заявления о признании недействительными договоров об открытии кредитных линий (на приобретение права требования) и договоров цессии (об уступке этого права требования, на основании которых банку-цеденту фактически были возвращены денежные средства, полученные от него по договорам об открытии кредитной линии) судам надлежит исследовать, не прикрывался ли такими договорами перевод долга на лицо, возможность погашения долга которым являлась более вероятной.

Оспаривание фактического перевода долга является целесообразным при условии, что должник изначально не являлся поручителем перед банком по кредитным обязательствам, переданным по оспариваемым договорам цессии.

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными договоров о предоставлении кредита от 13.11.2015 и от 29.01.2016, договоров уступки права требования (цессии) от 15.11.2015 и от 29.01.2016; применении последствий недействительности сделок.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

13.11.2015 должник и банк заключили договор о предоставлении кредита, по условиям которого банк предоставил должнику кредит в размере 113 808 219,17 руб. на приобретение у него права требования к АО «Алеутстрой» (имело наименование до 2015 года – ЗАО «Группа компаний «Жилищный капитал», далее – общество «Алеутстрой») по договору об открытии кредитной линии и предоставлении кредита от 05.12.2013, заключенному между банком и обществом «Алеутстрой».

В тот же день должник (цессионарий) и банк (цедент) заключили договор уступки права требования (цессии), по условиям которого цедент уступил цессионарию право требования к обществу «Алеутстрой» в размере 100 000 000 руб. – суммы просроченного долга, 13 808 219,17 руб. просроченных процентов.

Представленными в дело документами (выпиской по счёту должника, банковским ордером и платёжным поручением) подтверждается, что банк предоставил должнику денежные средства в размере 113 808 219,17 руб., а тот перечислил их банку в качестве оплаты за приобретаемое право требования к обществу «Алеутстрой».

29.01.2016 между должником и банком заключен договор об открытии кредитной линии и предоставлении кредита, по условиям которого банк предоставил должнику кредит в форме кредитной линии с лимитом выдачи в размере 224 981 095,92 руб. для следующих целей: на пополнение оборотных средств в размере суммы не более 2 000 000 руб.; на приобретение права требования по договору о предоставлении кредита от 01.07.2014, по договору об открытии кредитной линии и предоставлении кредита от 13.02.2014, заключенных между банком и обществом «Алеутстрой» в размере 222 981 095,92 руб.

В тот же день между должником (цессионарием) и банком (цедентом) заключен договор уступки права требования (цессии), по условиям которого цедент уступил цессионарию право требования к обществу «Алеутстрой» в размере 222 981 095,92 руб., обеспеченное поручительством Пиганова А.А. и Жука В.А. по договорам поручительства от 01.07.2014, от 13.02.2014.

Банк предоставил должнику денежные средства в размере 222 981 095,92 руб., а тот перечислил их банку в качестве оплаты за приобретаемое право требования, что сторонами не оспаривается.

Определением от 01.12.2015 в отношении должника возбуждено настоящее дело о несостоятельности (банкротстве), 26.01.2017 введена процедура наблюдения, а 29.06.2017 должник признан несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий последовательно ссылался на взаимосвязанность оспариваемых сделок по предоставлению кредита для приобретения по договору цессии права требования кредитной задолженности перед этим же банком у общества «Алеутстрой», указывая на то, что действительным волеизъявлением сторон являлось заключение соглашений о переводе долга с общества «Алеутстрой», априори не имеющего возможности погасить кредитную задолженность перед банком, на должника, возможность погашения долга которым являлась более вероятной. Оспариваемыми сделками банк и должник прикрывали отчуждение принадлежащего банку неликвидного актива (требования к обществу «Алеутстрой») в обмен на более реальное к погашению, в том числе текущее (по смыслу статьи 5 Закона о банкротстве) право требования к более финансово-устойчивому должнику, тем самым фактически лишив иных кредиторов должника возможности удовлетворения установленных судом реестровых требований, что свидетельствует о причинении вреда кредиторам должника.

При этом следует отметить, что в рассматриваемом случае оспаривание фактического перевода долга является целесообразным при условии, что должник изначально не являлся поручителем перед банком по кредитным обязательствам общества «Алеутстрой», переданным по оспариваемым договорам цессии. Однако эти обстоятельства также не проверены.

У судов должны были возникнуть обоснованные сомнения, касающиеся получения должником равноценного встречного исполнения по оспариваемым сделкам, требующие более тщательной проверки и надлежащего документального опровержения.

Если подозрительная сделка была совершена в течение одного года до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия этого заявления, то для признания её недействительной достаточно обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, в связи с чем, наличие иных обстоятельств, определенных пунктом 2 данной статьи (в частности, наличия у должника признаков неплатёжеспособности или недостаточности имущества, на недоказанность которых как основание для отказа в признании оспариваемых сделок недействительными указали суды), не требуется.

Но и сама по себе недоказанность признаков неплатёжеспособности или недостаточности имущества на момент совершения сделки (как одной из составляющих презумпции цели причинения вреда при оспаривании сделки по основанию пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве) также не исключает возможность квалификации такой сделки в качестве подозрительной.

Таким образом, выводы судов о равноценном предоставлении по оспариваемым сделкам без проверки доводов конкурсного управляющего являются преждевременными.

[Определение ВС РФ от 06.06.2019 № 307-ЭС18-10383 \(3\)](#)

В случае, если в рамках дела о банкротстве по правилам главы III.1 Закона о банкротстве оспаривается не само мировое соглашение, заключенное должником в ином деле, а его исполнение, в признании такого исполнения недействительным не может быть отказано по мотиву оказания предпочтения со ссылкой на то, что оспаривание мирового соглашения без обжалования судебного акта об утверждении мирового соглашения невозможно.

В рамках дела о банкротстве должника в процедуре реструктуризации его долгов финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительной сделки должника по отчуждению в пользу общества квартиры по договору купли-продажи.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судебная коллегия считает, что судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами, в порядке обеспечения исполнения кредитных обязательств третьего лица должник заключил с банком договор об ипотеке (залоге недвижимого имущества) от 02.05.2012, по условиям которого передал последнему в залог земельный участок.

По договору цессии от 27.02.2014 банк уступил права требования по кредитному договору, а также по договорам, обеспечивающим его исполнение (в том числе по договору ипотеки), в пользу компании.

Компания и должник заключили дополнительное соглашение от 11.06.2014 к договору ипотеки о передаче компании в залог квартиры.

Компания обратилась в суд общей юрисдикции с иском к должнику и иным лицам о взыскании задолженности по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество. Впоследствии компания по договору цессии от 28.12.2015 уступила обществу права требования, в том числе к должнику.

Определением суда общей юрисдикции от 28.12.2015 утверждено мировое соглашение, по условиям которого общество обращает взыскание, в том числе на квартиру путем оставления ее за собой по цене 20 740 000 руб.

Переход права собственности на квартиру к обществу подтвержден регистрирующим органом 31.03.2017 после возбуждения в отношении должника дела о банкротстве (09.09.2016). Впоследствии спорная квартира отчуждена обществом в пользу третьего лица.

Отказывая в признании сделки недействительной, суды исходили из того, что оставление обществом квартиры за собой предусмотрено утвержденным судом мировым соглашением, оспаривание которого без обжалования соответствующего судебного акта невозможно.

Между тем судами не учтено следующее.

Оспаривая действия по исполнению сторонами мирового соглашения, финансовый управляющий ссылался на отчуждение спорного имущества после возбуждения в отношении должника дела о банкротстве без соблюдения установленной Законом о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов. Доводов о недействительности самого мирового соглашения, утвержденного судом общей юрисдикции, не приводилось.

По соглашению сторон обязательство может быть прекращено предоставлением взамен исполнения отступного (уплатой денег, передачей имущества и т.п.) (статья 409 ГК РФ).

Поскольку заключенное между сторонами соглашение предусматривает предоставление в качестве отступного недвижимого имущества (квартиры), право собственности на которое в соответствии с пунктом 2 статьи 223 ГК РФ возникает у приобретателя этого имущества с момента регистрации перехода права, оно считается исполненным только после перехода к кредитору титула собственника недвижимого имущества в установленном законом порядке. Само по себе утверждение судом мирового соглашения в отсутствие регистрации перехода права собственности не влечет наступления правовых последствий, на создание которых была направлена воля сторон при его заключении.

После признания гражданина банкротом и введения процедуры реструктуризации его долгов арбитражный управляющий осуществляет предусмотренные Законом о банкротстве мероприятия в целях удовлетворения требований всех кредиторов должника. При этом кредиторы, предъявившие требования к должнику в рамках дела о банкротстве до регистрации перехода права собственности на отчужденное должником недвижимое имущество, должны находиться в равном положении с кредитором, заключившим соглашение об отступном. Иной подход противоречит задачам регулирования отношений несостоятельности.

В рассматриваемом случае исполнение мирового соглашения (регистрация перехода права собственности на спорное имущество от должника к обществу) привело, по мнению финансового управляющего, к преимущественному удовлетворению требований общества перед другими кредиторами должника, в связи с чем могло быть оспорено по правилам главы III.1 Закона о банкротстве (подпункт 6 пункта 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 305-ЭС18-18294](#)

При разрешении спора о признании сделки недействительной суду надлежит учитывать выводы судов об обстоятельствах совершения данной сделки, сделанные ранее при рассмотрении дел, решения по которым имеют преюдициальное значение для рассмотрения обособленного спора в рамках банкротства.

В рамках дела о банкротстве банка его конкурсный управляющий – агентство – обратился в суд с заявлением о признании недействительными трех банковских операций по выдаче обществу наличных денежных средств со счета, открытого в банке, через кассу банка, а именно, операций: от 28.03.2017 по выдаче 808 500 рублей; от 28.03.2017 по выдаче 810 000 рублей; от 30.03.2017 по выдаче 5 600 000 рублей.

Агентство просило применить последствия недействительности этих операций, взыскав в конкурсную массу полученные обществом суммы, а также взыскать с общества проценты за пользование чужими денежными средствами, начисленные на полученные суммы.

Судом первой инстанции заявление агентства удовлетворено в части: признаны недействительными спорные банковские операции от 28.03.2017 и от 30.03.2017 на общую сумму 7 218 500 рублей. Судом апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено в части отказа во взыскании с общества процентов за пользование чужими денежными средствами. Суд округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной оставил без изменения.

Судебная коллегия считает, что кассационная жалоба подлежит частичному удовлетворению по следующим основаниям.

28.03.2017 и 30.03.2017 оформлены документы о выдаче обществу (клиенту банка по договору банковского счета) через кассу банка денежных средств, находившихся на счете общества, в сумме 808 500 рублей, 810 000 рублей и 5 600 000 рублей.

Приказами Банка России с 10.04.2017 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией.

Впоследствии решением от 30.06.2017 банк признан банкротом.

В рамках дела о банкротстве агентство оспорило названные операции по выдаче денежных средств, полагая что вследствие их совершения общество получило предпочтительное удовлетворение своего требования, вытекающего из договора банковского счета, по отношению к требованиям иных клиентов должника.

Удовлетворяя заявление агентства о признании недействительными банковских операций от 28.03.2017 и от 30.03.2017 и о применении последствий их недействительности, суды исходили из того, что данные операции совершены менее чем за месяц до назначения временной администрации по управлению банком, распоряжения общества о выдаче денежных средств исполнены в обход других ожидающих исполнения распоряжений клиентов.

При этом суд округа отклонил довод общества о наличии взаимоисключающих выводов в судебных актах арбитражных судов и судов общей юрисдикции (в определении суда первой инстанции, постановлении суда апелляционной инстанции по настоящему делу и в решениях суда общей юрисдикции от 18.12.2017, от 29.01.2018), сославшись на то, что решения суда общей юрисдикции вступили в законную силу после принятия определения арбитражным судом первой инстанции.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу пункта 6 части 1 статьи 185 АПК РФ арбитражным судам надлежало оценить возражения общества относительно противоречивой позиции агентства по вопросу о реальности получения 5 600 000 рублей через кассу банка.

Так, в рамках настоящего дела агентство в обоснование своего требования указало на то, что денежные средства в указанной сумме были реально получены обществом, при этом имело место предпочтительное удовлетворение требования данного клиента о возврате остатка на счете.

Однако в суде общей юрисдикции при рассмотрении дел по искам Игрунова М.М., Игруновой Л.Н., Чудакова С.Л. и Чудаковой Н.М., предъявленным ими к агентству, отказавшему в выплате упомянутым гражданам страхового возмещения, агентство занимало иную позицию и доказывало, что кассовая операция на сумму 5 600 000 рублей носила технический характер, фактически выдача средств обществу не производилась. Истинной целью совершения совокупности названных технических операций являлось искусственное создание остатка на счетах физических лиц вместо остатка на счете юридического лица для последующего получения страховой выплаты. Суд общей юрисдикции признал доводы агентства обоснованными и подтвержденными документально, в связи с чем отказал в удовлетворении исков граждан.

Решения были приняты судом общей юрисдикции 18.12.2017 и 29.01.2018, то есть до вынесения оспариваемого определения суда первой инстанции о признании банковской операции недействительной. Они вступили в законную силу 18.06.2018 и 04.06.2018 – до рассмотрения судом апелляционной инстанции жалобы на определение.

Суд первой инстанции реальность операции по получению обществом 5 600 000 рублей не проверил, несмотря на то, что это входило в предмет доказывания по спору о признании банковской операции недействительной и применении последствий ее недействительности. Суды апелляционной инстанции и округа не привели мотивы, по которым они не согласились с выводами, изложенными во вступивших к тому времени в законную силу решениях суда общей юрисдикции, имеющих преюдициальное значение для участвующих в обособленном споре лиц.

В настоящее время агентство в отзыве на кассационную жалобу признает притворный характер операции по выдаче обществу 5 600 000 рублей из кассы банка. Соответствующие обстоятельства были установлены судом общей юрисдикции и не опровергнуты арбитражными судами.

При таких обстоятельствах данная банковская операция является ничтожной в силу статьи 170 ГК РФ как притворная. Фактически техническими операциями по получению 5 600 000 рублей из кассы банка и по внесению их через ту же кассу на счета физических лиц оформлена уступка обществом требования о возврате банком, находящимся в ситуации объективного банкротства, остатка средств на расчетном счете организации четырем физическим лицам (статья 382 ГК РФ).

Поскольку обществом не были получены какие-либо денежные средства, а требование к банку оно уступило физическим лицам, у судов не имелось оснований ни для взыскания с общества 5 600 000 рублей, ни для восстановления обязательств банка перед обществом на эту сумму. Ввиду неправомерности основного требования о возврате 5 600 000 рублей не подлежало удовлетворению и дополнительное требование о выплате обществом процентов, начисляемых на указанную сумму.

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 305-ЭС19-4021](#)

При предоставлении участником дела о банкротстве доказательств, указывающих на то, что сделки, совершённые должником и заинтересованными лицами, использованы в качестве механизма формального наращивания кредиторской задолженности с противоправной целью, у судов должны возникнуть обоснованные сомнения о мотивах сделок, наличии экономической необходимости их совершать и должны быть исследованы такие аспекты спорных отношений, как использование полученных денежных средств и реальность намерений исполнить обязательства по сделкам.

В рамках дела о банкротстве должника его кредитор обратился в суд с заявлением о признании недействительной сделкой договора поручительства от 12.04.2016, заключенного между должником и обществом (далее – займодавец).

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судебная коллегия полагает, что судебные акты подлежат отмене.

12.04.2016 между займодавцем и должником заключен договор поручительства, который обеспечивал исполнение обязательств общества «Риверсайд» (далее – заёмщик) перед займодавцем по договору займа от 12.04.2016.

Отказывая в удовлетворении требования, суды указали, что оснований для признания договора поручительства недействительной сделкой не имеется ввиду его безвозмездности, уменьшения конкурсной массы вследствие заключения договора поручительства не произошло.

Между тем судами не учтено следующее.

Согласно сложившейся судебной практике наличие корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и должником объясняет мотивы совершения обеспечительных сделок (постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 № 14510/13). Получение поручительства от компании, входящей в одну группу лиц с заёмщиком, с точки зрения нормального гражданского оборота, является стандартной практикой и потому указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении кредитора даже в ситуации, когда поручитель испытывает финансовые сложности (определение ВС РФ от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475). Предполагается, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счёте, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

В такой ситуации для констатации сомнительности поручительства должны быть приведены достаточно веские аргументы, свидетельствующие о значительном отклонении поведения займодавца от стандартов разумного и добросовестного осуществления гражданских прав, то есть фактически о злоупотреблении данным займодавцем своими правами во вред иным участникам оборота, в частности, остальным кредиторам должника (пункт 4 статьи 1 и пункт 1 статьи 10 ГК РФ).

В ситуации, когда кредитор является независимым от группы заемщика лицом, предоставленные в виде займа денежные средства, как правило, выбывают из-под контроля кредитора, поэтому предполагается, что главная цель поручительства заключается в создании дополнительных гарантий реального погашения долговых обязательств. Следовательно, доказывание недобросовестности кредитора осуществляется лицом, ссылающимся на данный факт (часть 1 статьи 65 АПК РФ).

Если же заём является внутригрупповым, денежные средства остаются под контролем группы лиц, в силу чего, с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат финансирования. Поэтому в условиях заинтересованности займодавца, заемщика и поручителя между собою на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки, в том числе выдачи поручительства. В обратном случае следует исходить из того, что выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого участника группы лиц (определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6)).

При рассмотрении настоящего спора кредитор ссылался на то, что займодавец, заёмщик и поручитель входят в одну группу компаний и контролируются одними лицами. В связи с этим кредитор ставил под сомнение наличие экономической целесообразности для сторон спорных сделок в предоставлении поручительства, поскольку в такой ситуации, учитывая подконтрольность данных лиц одной группе, поручительство фактически выдавалось по долгу перед «самим собой».

Кроме того, кредитор обращал внимание суда на происхождение денежных средств, перечисленных заёмщику. Кредитор отмечал, что 18.12.2015 им был выдан кредит обществу «ТТК Чечёрский 16» в размере 250 млн. рублей.

Далее эти денежные средства 12.04.2016 общество «ТТК Чечёрский 16» перечислило в пользу акционерного общества «Щебень Карелии» по договору купли-продажи акций.

В этот же день акционерное общество «Щебень Карелии» перечислило денежные средства в аналогичной сумме по договору займа обществу (займодавцу по настоящему спору), которое также 12.04.2016 направляет средства по спорному договору займа обществу «Риверсайд», за которое и поручился должник.

Далее общество «Риверсайд» тоже 12.04.2016 направляет полученные средства в пользу кредитора (банка) в погашение ранее возникших кредитных обязательств закрытому акционерному обществу «Прионежский габбродиабаз» (поручительское исполнение).

Тем самым, по мнению кредитора, имело место транзитное движение денежных средств, которое позволило в отсутствие реальных хозяйственных отношений искусственно создать и нарастить внутригрупповую задолженность; оспариваемый договор поручительства заключён с целью прикрытия притворного договора займа при условии заинтересованности всех сторон данных договоров (в том числе и займодавца), что требует более тщательной проверки и надлежащего документального опровержения.

Однако суды в нарушение положений статей 71, 168 и 170 АПК РФ названным доводам правовой оценки не дали.

При предоставлении участником дела о банкротстве доказательств, указывающих на наличие признаков злоупотребления правом при совершении указанных сделок займа и поручительства, а именно на то, что сделки, совершённые заинтересованными лицами, использованы в качестве механизма формального наращивания кредиторской задолженности с противоправной целью (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), у судов должны были возникнуть обоснованные сомнения о мотивах сделок, наличии экономической необходимости их совершать и исследованы такие аспекты спорных отношений, как использование заёмщиком полученных денежных средств, реальность намерений исполнить обязательства по сделкам.

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 305-ЭС18-19945 \(8\)](#)

Оценка действительности сделки по переводу долга должна производиться с учетом всей совокупности отношений сторон, судами не должна даваться квалификация одной сделки обособленно от иных сделок, опосредовавших перевод долга.

В ситуации, когда отношения сторон являются сложноструктурированными, оспаривание лишь одной из взаимосвязанных сделок (к примеру, спорного перечисления денежных средств, даже при наличии условий для признания ее недействительной) не может приводить к полноценному восстановлению положения, существовавшего до совершения всех сделок, в связи с чем такой способ защиты нельзя признать надлежащим.

В рамках дела о банкротстве банка его конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительной банковской операции от 09.09.2016 по погашению кредитной задолженности Юрченко Е.В. перед банком на сумму 584 701 700,65 руб.

При новом рассмотрении обособленного спора судами первой и апелляционной инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением суда округа названные судебные акты отменены, оспариваемая банковская операция признана недействительной. Применены последствия недействительности сделки: восстановлена задолженность Юрченко Е.В. по кредитному договору от 26.03.2013 в сумме 584 701 700,65 руб.; восстановлен остаток денежных средств по текущему счету Юрченко Е.В. на аналогичную сумму.

Судебная коллегия считает, что как обжалуемое постановление, так и иные принятые по спору судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Между банком и Юрченко Е.В. был заключен кредитный договор 26.03.2013, согласно которому банк предоставил ответчику денежные средства в сумме 16 300 000 долларов США.

В результате заключения дополнительных соглашений к указанному договору окончательный срок возврата кредита был установлен до 09.09.2016.

За день до обозначенного срока (08.09.2016) между банком и Гончаровым А.А. (председателем совета директоров банка) заключен кредитный договор на сумму 584 700 000 руб. на срок до 06.09.2019 с целью погашения ссудной задолженности третьих лиц.

На следующий день (соответствующий дню возврата кредита Юрченко Е.В. – 09.09.2016) кредит был получен Гончаровым А.А., далее денежные средства были направлены на счет ответчика, после чего банк списал их с названного счета в целях погашения кредита Юрченко Е.В.

Заявители указывали, что основанием платежа Гончарова А.А. в пользу ответчика являлся возврат беспроцентных займов по договорам от 30.03.2016 № 30-03-2016/ФЛ и № 30-03-2016/ФЛ-1 на общую сумму 584 701 700,65 руб.

Приказами Банка России от 19.09.2016 у должника отозвана лицензия на осуществление банковских операций.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 25.10.2016 по настоящему делу банк признан банкротом, конкурсным управляющим утверждено агентство.

Разрешая спор при новом рассмотрении дела, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что в материалы дела не представлены доказательства, свидетельствующие о предъявлении должнику по состоянию на 09.09.2016 требований (поручений) других клиентов, которые в соответствии с положениями гражданского законодательства должны были быть исполнены ранее платежа Юрченко Е.В.

Кроме того, суды фактически указали, что в день совершения оспариваемой сделки записи банка по счетам не утратили своей платежной функции. Так, в рамках иного дела внутрибанковская операция по выдаче в этот день кредита Гончарову А.А. признана реальной, суд взыскал с него соответствующий долг, включив требование банка в реестр к заемщику (определение Арбитражного суда города Москвы от 23.10.2017 по делу № А40-135510/2017). Из указанного факта суды сделали вывод, что денежные средства, полученные Гончаровым А.А. по кредитному договору и перечисленные им в пользу Юрченко Е.В., являются одними и теми же денежными средствами, за счет которых Юрченко Е.В. погасил кредит перед банком, что опровергает довод конкурсного управляющего о формальном (фиктивном) характере совершенной операции.

Суды указали, что выдача кредита Гончарову А.А. и безакцептное списание этих денежных средств со счета Юрченко Е.В. не привели к уменьшению конкурсной массы банка и преимущественному удовлетворению требования отдельного кредитора, поскольку денежные средства фактически остались у должника. Датой полного погашения задолженности по кредитному договору с Юрченко Е.В. являлось 09.09.2016, названный срок был определен более чем за шесть месяцев до признания банка банкротом, и

именно 09.09.2016 кредит был погашен. Суды сделали вывод, что совокупность названных обстоятельств свидетельствует о совершении сделки в пределах обычной хозяйственной деятельности должника, ввиду чего отказали в удовлетворении заявленных требований.

Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, суд округа отметил, что материалами дела подтверждается наличие неисполненных требований иных кредиторов по состоянию на 09.09.2016. В частности, из последней представленной в Банк России отчетности по форме следует, что кредитной организацией не исполнены в срок, превышающий 14 дней, 612 требований клиентов на общую сумму 1 299 303 306,03 руб.

Судами установлено и участвующими в обособленном споре лицами не отрицается, что по состоянию на 09.09.2016 Юрченко Е.В. имел задолженность перед банком по кредитному соглашению.

В этот же день Гончаров А.А. получил у банка кредит на аналогичную сумму, перевел эти средства на счет Юрченко Е.В., затем со счета последнего деньги были списаны для погашения его долга по кредиту.

Таким образом, на начало 09.09.2016 должником перед банком на сумму 584 млн. руб. являлся Юрченко Е.В., а на конец данного дня – Гончаров А.А., из чего судебная коллегия заключает, что в результате всех названных действий и операций фактически произошел перевод долга с Юрченко Е.В. на Гончарова А.А. (статья 391 ГК РФ).

При этом такой перевод долга был осуществлен с согласия кредитора, поскольку соглашение с Гончаровым А.А. (председателем совета директоров) от имени банка было подписано председателем правления Спиридоновым С.Г., в соглашении указана цель выдачи кредита – погашение ссудной задолженности третьих лиц. Следовательно, для всех заинтересованных лиц, участвующих в цепочке сделок, было очевидно, что Юрченко Е.В. выбывал из отношений с банком в качестве должника, его место в обязательстве занимал Гончаров А.А.

В то же время конкурсный управляющий оспаривал лишь последнюю операцию по перечислению денежных средств со счета Юрченко Е.В. Однако при изложенных выше обстоятельствах, установленных судами, оценка действительности данной сделки не могла производиться без учета всей совокупности отношений, так как спорное перечисление являлось одним из элементов реализации намерений сторон по переводу долга (определение ВС РФ от 23.03.2017 по делу № 307-ЭС16-3765 (4, 5)). В ситуации, когда отношения сторон являются сложноструктурированными, оспаривание одной из взаимосвязанных сделок (даже при наличии условий для признания ее недействительной) не может приводить к полноценному восстановлению положения, существовавшего до совершения всех сделок, в связи с чем такой способ защиты нельзя признать надлежащим.

Ни судом округа, ни судами первой и апелляционной инстанций данное обстоятельство во внимание не принято, в связи с чем ими ошибочно дана квалификация операции по списанию средств со счета Юрченко Е.В. обособленно от иных сделок, опосредовавших перевод долга на Гончарова А.А. Сложившееся положение вещей, при котором была оценена только последняя сделка из всей цепочки, привело к тому, что по результатам судебных разбирательств задолженность фактически взыскана с двух лиц – с Юрченко Е.В. и Гончарова А.А. (определением Арбитражного суда города Москвы от 23.10.2017 по делу № А40-135510/2017 о банкротстве Гончарова А.А. задолженность по кредиту включена в третью очередь реестра требований кредиторов), при этом конкурсный управляющий не приводил доводов о том, что Гончаров А.А. желал вступить в обязательство без выбытия Юрченко Е.В. либо выдать за последнего поручительство.

В случае, когда банкротящееся лицо являлось кредитором в обязательстве, оспаривание соглашения о переводе долга по специальным основаниям законодательства о несостоятельности возможно, в частности, по мотиву причинения вреда имущественным правам и интересам кредиторов такого лица (статья 61.2 Закона о банкротстве). Ссылка же агентства на то, что Гончаров А.А. в настоящее время находится в процедуре банкротства, сама по себе не может служить основанием для вывода о его неплатежеспособности на момент перевода долга, поскольку именно названная задолженность перед банком явилась поводом для инициирования его несостоятельности. Не исключено, что при несовершении замены должника в обязательстве банк бы потребовал возбудить дело о банкротстве Юрченко Е.В.

Делая вывод о наличии картотеки неисполненных платежных документов по состоянию на день совершения спорной операции (09.09.2016), суд округа сослался на имеющиеся в материалах дела выписки по счетам, а также на представленную в Банк России отчетность о наличии в кредитной организации неудовлетворенных требований отдельных кредиторов по денежным обязательствам и неисполнении обязанности по уплате обязательных платежей. Однако проанализировав эти же документы, суды первой и апелляционной инстанций пришли к иным выводам – об отсутствии на 09.09.2016 в банке неисполненных

требований других клиентов. Тем самым суд округа фактически переоценил доказательства и установил иные обстоятельства по делу, чем нарушил положения части 2 статьи 287 АПК РФ. При этом, делая соответствующие выводы, суд округа не указал мотивы, по которым он счел ошибочными и отклонил обратные выводы судов первой и апелляционной инстанций.

Однако, поскольку в данном случае имел место перевод долга, то даже возможность наличия картотеки не имеет принципиального значения. Существенным является установление обстоятельств, связанных с состоявшимся переводом долга, которые судами не устанавливались.

[Определение ВС РФ от 12.07.2019 № 303-ЭС18-18778](#)

1. При рассмотрении заявления о признании недействительной сделки должника суд не связан выводами другого суда о правовой квалификации рассматриваемых отношений и толковании правовых норм.

2. При невозможности получить исполнение по сделке должник вправе требования возмещения убытков на основании статьи 393, пункта 2 статьи 567, пункта 2 статьи 463, статьи 398 и пункта 1 статьи 568 ГК РФ, по меньшей мере, в размере стоимости переданного по такой сделке.

В рамках дела о банкротстве общества «Алмикс» его конкурсный управляющий и конкурсный кредитор Плахов Н.В. обратились в суд с заявлениями о признании недействительным соглашения от 29.04.2015 о передаче прав и обязанностей по договору аренды земельного участка от 27.11.2014, заключенного обществом «Алмикс» (прежним арендатором) и обществом «Владстройзаказчик» (новым арендатором), и о применении последствий недействительности этой сделки в виде взыскания с общества «Владстройзаказчик» в пользу общества «Алмикс» 29 264 000 рублей.

Судами трех инстанций заявления удовлетворены. Судебная коллегия считает, что судебные акты подлежат оставлению в силе.

Обществом «Алмикс» (арендатором) и Администрацией Артемовского городского округа (арендодателем) заключен договор от 27.11.2014 аренды земельного участка для комплексного освоения в целях жилищного строительства на срок до 26.05.2016.

Данный договор заключен по результатам аукциона. За приобретенное на торгах право на заключение договора аренды общество «Алмикс» уплатило 8 355 200 рублей.

Впоследствии общество «Алмикс», общество «Владстройзаказчик», общество «Партнеры» заключили договор от 29.04.2015, поименованный договором об инвестиционной деятельности. По условиям этой сделки упомянутые хозяйственные общества обязались реализовать инвестиционный проект по строительству пяти многоквартирных жилых домов на арендуемом обществом «Алмикс» земельном участке.

Согласно договору общество «Алмикс» обязалось передать в качестве вклада право аренды земельного участка, которое оценено сторонами договора в 40 000 000 рублей, в обмен на предоставление ему в будущем части недвижимого имущества, созданного другими сторонами договора на этом участке.

Вкладом общества «Партнеры» являются денежные средства, необходимые для финансирования работ по сбору исходных данных, разработке проектной документации, прохождению государственной экспертизы, а также для финансирования мероприятий по получению технических условий для присоединения возводимых объектов к инженерным сетям. Общество «Партнеры» также обязалось принять участие совместно с обществом «Владстройзаказчик» в деятельности, связанной с выполнением проектно-исследовательских работ, получением разрешения на строительство.

На общество «Владстройзаказчик» договором возложены функции застройщика, обязавшегося осуществить строительство домов, провести мероприятия по вводу их в эксплуатацию.

В день подписания договора об инвестиционной деятельности общество «Алмикс» (прежний арендатор) и общество «Владстройзаказчик» (новый арендатор) заключили соглашение от 29.04.2015 о передаче последнему прав и обязанностей по договору аренды земельного участка от 27.11.2014. Соглашение заключено с согласия собственника земельного участка.

Впоследствии арбитражным судом был разрешен иск общества «Алмикс» к обществам «Партнеры» и «Владстройзаказчик» об обязанности общества «Владстройзаказчик» вернуть земельный участок обществу «Алмикс». Вступившим в законную силу решением суда от 10.03.2017 в удовлетворении этого иска отказано. Суд квалифицировал договор об инвестиционной деятельности от 29.04.2015 как договор простого товарищества (глава 55 ГК РФ) и признал данный договор прекращенным на основании пункта 1 статьи 1050 ГК РФ вследствие объявления обществ «Алмикс» и «Партнеры» (товарищей) несостоятельными

(банкротами). Вместе с тем, указав на недоказанность обществом «Алмикс» того, что во исполнение договоренностей, достигнутых при заключении инвестиционного договора, право аренды земельного участка вошло в состав общего имущества товарищей и участок использовался ими на условиях множественности лиц на стороне арендатора, суд признал требование о возврате земельного участка необоснованным.

Удовлетворяя заявления управляющего и кредитора, суды исходили из того, что соглашение от 29.04.2015 заключено менее чем за год до возбуждения дела о банкротстве общества «Алмикс». Оно является соглашением о перенайме (пункт 2 статьи 615 ГК РФ). Суды указали на то, что при наличии спроса на земельный участок перенаем не мог быть осуществлен без взимания с нового арендатора платы за вступление в арендные отношения, оспариваемое соглашение от 29.04.2015 не содержало условия об осуществлении каких-либо выплат в пользу общества «Алмикс» (прежнего арендатора), тогда как рыночная стоимость права аренды согласно заключению судебной экспертизы составляла 29 264 000 рублей.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1041 ГК РФ существенными условиями договора простого товарищества являются совместные действия, направленные на достижение общей цели, и соединение участниками товарищества своих вкладов. Кроме того, при ведении общих дел и в отношениях с третьими лицами участники простого товарищества действуют совместно (статья 1044 ГК РФ).

Согласно части 2 статьи 69 АПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица.

Вместе с тем арбитражный суд не связан выводами другого суда о правовой квалификации рассматриваемых отношений и толковании правовых норм.

Судебная коллегия считает, что не имеется оснований для квалификации отношений, возникших между обществами «Алмикс» и «Владстройзаказчик» из договора об инвестиционной деятельности, как отношений двух товарищей (глава 55 ГК РФ).

По упомянутому договору общество «Алмикс» не принимало на себя обязательств о совершении тех или иных конкретных действий совместно с иными сторонами для извлечения прибыли или достижения иной цели, в том числе направленных на создание недвижимости. В соответствии с договором единственным обязательством общества «Алмикс» являлась передача права аренды земельного участка под строящимися объектами в обмен на недвижимое имущество, которое будет создано в будущем. Общество «Алмикс» было наделено лишь полномочиями, характерными для приобретателя будущей вещи (дача согласия на изменение проектного решения, замену используемых при строительстве материалов, право на получение информации о ходе строительства и т.п.).

При этом общества «Владстройзаказчик» и «Партнеры», действительно, выступили товарищами, как это и было констатировано в ходе рассмотрения дела № А51-18206/2016, заключившими соглашение об осуществлении совместных действий, нацеленных на реализацию инвестиционного проекта по строительству многоквартирных домов.

С учетом изложенного, судебная коллегия приходит к выводу о том, что общество «Алмикс» заключило с участниками товарищества договор, по которому оно предоставило право аренды земельного участка, а в качестве встречного предоставления должно было получить недвижимые вещи, которые будут созданы в будущем. К такому договору подлежат применению правила главы 31 и субсидиарно главы 30 ГК РФ.

Общество «Алмикс», выполнившее свои обязательства по передаче права аренды, встречное предоставление не получило, и не получит его в дальнейшем, так как строительство на земельном участке не осуществлялось, он возвращен публичному образованию в виде пустыря с зелеными насаждениями.

Следовательно, общество «Алмикс» вправе требовать возмещения убытков обществом «Владстройзаказчик» (солидарным должником) на основании статьи 393, пункта 2 статьи 567, пункта 2 статьи 463, статьи 398 и пункта 1 статьи 568 ГК РФ, по меньшей мере, в размере стоимости переданного обществом «Алмикс» права аренды.

[Определение ВС РФ от 22.07.2019 № 308-ЭС19-4372](#)

1. Для применения презумпции наличия цели причинения вреда имущественным правам кредиторов достаточно, в частности, установить совокупность двух обстоятельств: недостаточность имущества должника на момент совершения сделки и безвозмездный характер этой сделки.

2. Вопрос о том, какое из жилых помещений, принадлежащих должнику, будет защищено исполнительским иммунитетом, подлежит разрешению только после рассмотрения всех споров,

касающихся применения последствий недействительности сделок с жилыми помещениями должника и окончательного определения перечня жилья, возвращенного по реституционным требованиям.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Мацанова А.А. финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными двух заключенных должником с Гайденоко М.А. договоров дарения от 30.04.2015.

Суд первой инстанции требования финансового управляющего удовлетворил. Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом округа, в удовлетворении заявления отказано.

Удовлетворяя заявление управляющего, суд первой инстанции указал, что должник произвел безвозмездное отчуждение недвижимости в пользу дочери своей супруги в целях предотвращения возможного обращения взыскания на эту недвижимость в процедурах банкротства; совершение данных сделок привело к невозможности наиболее полного удовлетворения требований кредиторов должника, что свидетельствует о причинении договорами дарения вреда кредиторам должника. На момент заключения оспариваемых сделок Мацанов А.А., будучи одним из бенефициаров группы компаний «Орбита», имел обязательства по нескольким договорам поручительства, обеспечивающим возврат значительных сумм, полученных по кредитным договорам, заключенным входящими в данную группу компаниями (заемщиками) с несколькими кредитными организациями. Суд обратил внимание на отсутствие в деле доказательств того, что в момент дарения стоимость имущества Мацанова А.А. была достаточна для исполнения обязательств перед кредиторами, о чем не могла не знать Гайденоко М.А.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что на день заключения договоров дарения основные должники (заемщики) не находились в просрочке по тем обязательствам, по которым Мацанов А.А. выдал поручительства. Суд апелляционной инстанции констатировал отсутствие у Мацанова А.А. признаков неплатежеспособности на момент дарения. Суд также счел, что и у заемщиков в это время отсутствовали признаки неплатежеспособности и недостаточности имущества, а должник подарил жилой дом и земельные участки дочери своей супруги в рамках обычных семейных отношений.

Суд округа дополнительно указал на то, что Мацанов А.А. и член его семьи Гайденоко М.А. зарегистрированы и проживают в спорном доме, при этом в материалах дела отсутствуют доказательства наличия у должника и члена его семьи иного помещения, пригодного для проживания, поэтому при возврате дома в конкурсную массу он будет защищен исполнительским иммунитетом.

Между тем судами апелляционной инстанции и округа не учтено следующее.

Для применения презумпции наличия цели причинения вреда имущественным правам кредиторов достаточно, в частности, установить совокупность двух обстоятельств: недостаточность имущества должника на момент совершения сделки и безвозмездный характер этой сделки (абз. 2 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Под недостаточностью имущества должника в силу ст. 2 Закона о банкротстве понимается превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей над стоимостью имущества.

Суд первой инстанции констатировал отсутствие в материалах дела доказательств того, что в момент дарения недвижимости активов Мацанова А.А. хватало для покрытия его совокупного долга, который многократно превышал величину годового дохода Мацанова А.А., определенного судом апелляционной инстанции.

Суд первой инстанции правильно указал на то, что Мацанов А.А. не мог не знать о неудовлетворительном экономическом состоянии заемщиков и поэтому не имел разумных ожиданий относительно того, что кредитные обязательства будут исполнены основными должниками. Судебная коллегия не может согласиться с выводом суда апелляционной инстанции о стабильном финансовом положении заемщиков вплоть до возбуждения дел об их банкротстве. Кризисная ситуация, как правило, возникает не одномоментно, ей предшествует период снижения прибыльности, который переходит в стадию объективного банкротства. Мацанов А.А., являвшихся, в частности, руководителем и участником ряда организаций, входящих в группу «Орбита», не представил доказательств того, что в преддверии банкротства заемщиков имелась реальная возможность исполнения ими кредитных обязательств, которая была утрачена в относительно короткий промежуток времени.

Вывод суда апелляционной инстанции о совершении обычной внутрисемейной сделки ошибочен. С точки зрения принципа добросовестности в ситуации существования значительных долговых обязательств, указывающих на возникновение у гражданина-должника признака недостаточности имущества, его

стремление одарить родственника или свойственника не может иметь приоритет над необходимостью удовлетворения интересов кредиторов за счет имущества должника.

Вывод суда округа о том, что признание сделок недействительными не приведет к восстановлению прав кредиторов, поскольку жилой дом защищен исполнительским иммунитетом, судебная коллегия находит неправильным.

Как разъяснено в абз. 2 п. 3 постановления № 48, при наличии у должника нескольких жилых помещений, принадлежащих ему на праве собственности, помещение, в отношении которого предоставляется исполнительский иммунитет, определяется судом, рассматривающим дело о банкротстве, исходя из необходимости как удовлетворения требований кредиторов, так и защиты конституционного права на жилище самого гражданина-должника и членов его семьи.

Как следует из материалов дела о банкротстве Мацанова А.А., помимо настоящего спора на разрешение суда переданы другие заявления о признании недействительными иных сделок по отчуждению жилых помещений, совершенных супругой должника в преддверии банкротства. Кредиторы считают реализованную супругой должника недвижимость общим имуществом супругов.

Вопрос о том, какое из помещений будет защищено исполнительском иммунитетом, подлежал разрешению судом только после рассмотрения всех споров, касающихся применения последствий недействительности сделок с жилыми помещениями, и окончательного определения перечня жилья, возвращенного по реституционным требованиям.

[Определение ВС РФ от 23.08.2019 № 304-ЭС15-2412 \(19\)](#)

Положения статьи 61.2 Закона о банкротстве необходимы, в первую очередь, для того, чтобы посредством аннулирования подозрительных сделок ликвидировать последствия вреда, причиненного кредиторам должника после вывода активов последнего. Квалифицирующим признаком таких сделок является именно наличие вреда кредиторам, умаление конкурсной массы в той или иной форме.

В целях определения того, повлекла ли сделка вред, поведение должника может быть соотнесено с предполагаемым поведением действующего в своем интересе и в своей выгоде добросовестного и разумного участника гражданского оборота. Так, если сделка, скорее всего, не могла быть совершена таким участником оборота, в первую очередь, по причине ее невыгодности (расточительности для имущественной массы), то наиболее вероятно, что сделка является подозрительной. И напротив, если есть основания допустить, что разумным участником оборота могла быть совершена подобная сделка, то предполагается, что условий для ее аннулирования не имеется.

Необходимо также учитывать, что помимо стоимостных величин при квалификации сделки во внимание должны приниматься и все обстоятельства ее совершения, указывающие на возможность получения взаимной выгоды сторонами, то есть суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным.

В случае, если уменьшение процентной ставки по кредиту и продление срока его возврата незначительно изменяли условия кредитования (отклонение параметров финансирования менее чем на 14%), то дополнительное соглашение, внесшее такие изменения в кредитный договор, не подлежит признанию недействительным применительно к ст. 61.2 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве банка конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительным дополнительного соглашения от 09.12.2013 к кредитному договору от 17.01.2013, заключенного между банком и Касатенковой В.А.

Судами трех инстанций оспариваемое дополнительное соглашение признано недействительным.

Касатенкова В.А. являлась сотрудником банка (экономистом по вкладным операциям).

17.01.2013 между ней (заемщиком) и банком (кредитором) был заключен договор, на основании которого банк предоставил Касатенковой В.А. кредит в размере 1 030 000 руб. на приобретение квартиры. Кредит был предоставлен под 11 % годовых сроком до 2038 года, его исполнение обеспечивалось ипотекой названной квартиры.

09.12.2013 стороны подписали дополнительное соглашение к кредитному договору. По условиям названного соглашения срок возврата кредита продлен до 2043 года, процентная ставка снижена до 7 % годовых.

Приказами Банка России от 09.01.2014 у должника отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией.

В связи с ненадлежащим исполнением заемщиком Касатенковой В.А. обязательств перед банком по погашению кредита в период с 31.01.2014 по 01.04.2018 (исходя из условий первоначальной редакции договора) последний в лице конкурсного управляющего обратился в районный суд с иском о взыскании задолженности по кредитному договору и обращении взыскания на заложенное имущество.

Решением районного суда от 05.06.2018 в удовлетворении иска отказано, суд сослался на изменение условий кредитного договора в результате заключения оспариваемого дополнительного соглашения.

Полагая, что дополнительное соглашение заключено в пределах месяца до назначения временной администрации на заведомо невыгодных для банка условиях в целях причинения имущественного вреда кредиторам должника, конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением по настоящему обособленному спору.

Положения статьи 61.2 Закона о банкротстве необходимы, в первую очередь, для того, чтобы посредством аннулирования подозрительных сделок ликвидировать последствия вреда, причиненного кредиторам должника после вывода активов последнего. Квалифицирующим признаком таких сделок является именно наличие вреда кредиторам, умаление конкурсной массы в той или иной форме.

В целях определения того, повлекла ли сделка вред, поведение должника может быть соотнесено с предполагаемым поведением действующего в своем интересе и в своей выгоде добросовестного и разумного участника гражданского оборота. Так, если сделка, скорее всего, не могла быть совершена таким участником оборота, в первую очередь, по причине ее невыгодности (расточительности для имущественной массы), то наиболее вероятно, что сделка является подозрительной. И напротив, если есть основания допустить, что разумным участником оборота могла быть совершена подобная сделка, то предполагается, что условий для ее аннулирования не имеется.

Необходимо также учитывать, что помимо стоимостных величин при квалификации сделки во внимание должны приниматься и все обстоятельства ее совершения, указывающие на возможность получения взаимной выгоды сторонами, то есть суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным (определение ВС РФ от 15.02.2019 № 305-ЭС18-8671 (2)).

Из этого следует, что несущественное отклонение стоимостных параметров сделки от аналогичных сделок само по себе еще не означает, что сделка не являлась для сторон взаимовыгодной и что посредством ее заключения конкурсной массе причинен вред.

Приводя довод об отсутствии вреда от спорной сделки, Касатенкова В.А. ссылаясь на то, что уменьшение процентной ставки по кредиту и продление срока его возврата незначительно изменяли согласованные с банком условия кредитования. Согласно положениям кредитного договора в изначальной редакции заемщик в общей сложности должен был выплатить 2,46 млн. руб., в то время как с учетом дополнительного соглашения эта сумма составила 2,12 млн. руб., что указывает на несущественность изменения параметров финансирования (отклонение на 13,8 %) и, как следствие, отсутствие признака вреда применительно к правилам статьи 61.2 Закона о банкротстве. При таких условиях у судов не имелось оснований для квалификации оспариваемого дополнительного соглашения как подозрительной сделки и признания его недействительным.

[Определение ВС РФ от 26.08.2019 № 305-ЭС16-11128](#)

1. По специальным правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве может быть оспорено и двустороннее соглашение о прекращении обязательств договаривающихся сторон (пункт 3 статьи 407 ГК РФ). Однако обязательным условием недействительности такого рода соглашения по признаку предпочтительности является то, что исполнение по названному в этом соглашении прекращенным требованию должника к другой стороне соглашения действительно причиталось должнику, то есть являлось его активом, подлежащим распределению между всеми кредиторами.

В случае, если соглашения между клиентом и фактором не привели к уменьшению активов должника (клиента), их расходованию на предпочтительное удовлетворение какого-либо требования фактора, они не подлежат признанию недействительными.

2. Само по себе погашение клиентом финансирования по предыдущим траншам, полученным в рамках одной факторинговой сделки с лимитом финансирования, с последующим предоставлением по той же сделке новых траншей не свидетельствует о нарушении прав и законных интересов кредиторов должника (клиента) в ситуации, когда общий объем задолженности перед фактором в результате таких операций остается неизменным.

3. Окончательный размер полученной с предпочтением суммы по обязательствам, не являющимся текущими, невозможно исчислить без анализа совокупности взаимосвязанных операций по выдаче финансовых траншей и погашению образовавшейся задолженности.

4. Сам по себе тот факт, что фактор является профессиональным участником финансового рынка, не может рассматриваться как единственное достаточное обоснование того, что он знал или должен был знать о признаках предпочтительного получения исполнения по текущим обязательствам. Оспаривающие текущие платежи лицо должно представить конкретные доказательства недобросовестности фактора, в частности подтвердить, что полученные от клиента (должника) документы о его финансовом положении содержали конкретные сведения, свидетельствующие об очередности проведения расчетов по текущим платежам (по смыслу пункта 12.2 постановления № 63).

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) буровой компании (должник) его конкурсный управляющий Якимиди Л.Р. обратилась в суд с заявлением о признании недействительными:

операций по перечислению денежных средств в общей сумме 866 618 895 ,05 руб. с расчетного счета буровой компании на счет общества, совершенных при исполнении обязательств по договору финансирования под уступку денежного требования от 14.11.2012;

соглашений о зачете взаимных требований буровой компании и общества на общую сумму 203 386 775,14 руб., подписанных в рамках упомянутого договора.

Управляющий Якимиди Л.Р. также просила применить последствия недействительности спорных операций и соглашений.

Судами трех инстанций заявление конкурсного управляющего удовлетворено.

14.11.2012 общество (фактор) и буровая компания (клиент) заключили договор финансирования под уступку денежных требований к дебиторам с дополнительными соглашениями.

Договором факторинга установлен лимит финансирования – 30 000 000 руб., который дополнительным соглашением от 10.06.2013 был увеличен до 200 000 000 руб.

Договором определен порядок расчета вознаграждения фактора.

В дополнительном соглашении к договору факторинга закреплена обязанность клиента перечислять фактору денежные средства, полученные от дебиторов, в случае если последние после уступки денежного требования произведут исполнение в пользу клиента, а не фактора.

Согласно условиям договора факторинга сумма финансирования определяется отдельно по каждому уступленному требованию и составляет номинальную стоимость требования к дебитору, под уступку которого осуществляется финансирование.

При этом стороны согласовали, что сумма финансирования может быть уменьшена на сумму вознаграждения фактора и сумму причитающихся ему договорных пеней, штрафов, начисленных в связи с ненадлежащим исполнением обязательств клиентом по факторинговой сделке.

В действительности дебиторы об уступках требований к ним не уведомлялись ни клиентом, ни фактором и поэтому производили расчеты напрямую с клиентом.

Определением суда первой инстанции от 04.10.2013 возбуждено производство по настоящему делу о банкротстве буровой компании, решением суда от 10.02.2015 в отношении буровой компании, единственный участник которой 31.10.2014 принял решение о ее ликвидации, введена первая процедура банкротства – конкурсное производство.

В период до возбуждения дела о банкротстве и после 04.10.2013 фактор заключал с буровой компанией соглашения об уступке требований и предоставлял финансирование под эти соглашения, буровая компания, в свою очередь, исполняла обязательства по возврату финансирования и выплате вознаграждения фактору.

Так, в период с 04.04.2013 по 28.07.2014 со счета буровой компании были списаны денежные средства в пользу фактора (как по распоряжению самой буровой компании, так и в безакцептном порядке по инкассовым поручениям фактора, выставленным в соответствии с условиями договора факторинга) в размере:

850 562 837,3 руб. – возврат финансирования за счет платежей, поступивших клиенту от дебиторов;

16 056 057,75 руб. – вознаграждение фактора, неустойка за нарушение клиентом обязательств по договору факторинга.

Кроме того, в ходе исполнения договора факторинга клиент и фактор подписывали соглашения, поименованные ими соглашениями о зачете взаимных требований, в которых они констатировали, что не подлежат исполнению взаимные обязательства фактора и клиента: обязательство фактора по предоставлению клиенту второй части финансирования и частично обязательство клиента по перечислению фактору средств, полученных напрямую от дебиторов, – в размере второй части финансирования.

В период с 04.04.2013 по 28.07.2014 подписаны двусторонние соглашения о зачете на общую сумму 203 386 775,14 руб.

Конкурсный управляющий буровой компанией, полагая, что операции по списанию денежных средств со счета клиента в пользу фактора, совершенные после 04.04.2013, а также соглашения о зачете, подписанные после 04.04.2013, являются недействительными на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве, обратился в суд с заявлением о признании их недействительными и о применении последствий недействительности данных операций, соглашений.

Удовлетворяя заявление управляющего, суды исходили из того, что в преддверии банкротства фактор имел доступ к бухгалтерской документации клиента, свидетельствующей о наличии у буровой компании признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества, несмотря на это он принял исполнение, произвел зачет встречных однородных требований, получив преимущественное удовлетворение своих требований по отношению к требованиям иных реестровых кредиторов. В части текущих платежей, суды сочли, что общество, являющееся профессиональным участником рынка финансовых услуг, осуществляющее постоянный контроль за финансовым состоянием буровой компании, действуя с должной степенью разумности и осмотрительности, должно было узнать о нарушении очередности погашения текущих платежей.

Между тем судами не учтено следующее.

1. В соответствии с пунктом 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве сделка, совершенная должником в отношении отдельного кредитора или иного лица, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка влечет или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований.

По специальным правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве может быть оспорено и двустороннее соглашение о прекращении обязательств договаривающихся сторон (статья 421 ГК РФ (в настоящее время – пункт 3 статьи 407 названного Кодекса)). Однако обязательным условием недействительности такого рода соглашения по признаку предпочтительности является то, что исполнение по названному в этом соглашении прекращенным требованию должника к другой стороне соглашения действительно причиталось должнику, то есть являлось его активом, подлежащим распределению между всеми кредиторами.

В рассматриваемом случае обязательство фактора по перечислению второй части финансирования клиенту, выплачиваемой согласно условиям договора после получения самим фактором денежных средств от дебиторов, не возникло, так как на протяжении всего периода взаимодействия клиента и фактора дебиторы ни разу не перечисляли денежные средства фактору, клиент также никогда не перечислял фактору полученное от дебиторов в полном объеме, оставляя у себя сумму, относящуюся ко второй части финансирования.

Таким образом, какой-либо актив на стороне клиента в виде его требования к фактору о выплате второй части финансирования в действительности не существовал. В спорных соглашениях, по сути, зафиксировано фактически сложившееся состояние отношений между сторонами договора – во-первых, констатировано отсутствие на стороне фактора обязательства по перечислению второй части финансирования ввиду непоступления ему денежных средств от дебиторов и, во-вторых, в целях недопущения неосновательного обогащения фактора, действующего в этой части добросовестно, зафиксировано частичное отступление от договорного условия об обязанности клиента по перечислению фактору всех средств, полученных напрямую от дебиторов, – в размере второй части финансирования.

Поскольку упомянутые соглашения не привели к уменьшению активов должника, их расходованию на предпочтительное удовлетворение какого-либо требования фактора, они не подлежали признанию действительными.

В этой части в удовлетворении заявления конкурсного управляющего буровой компанией следовало отказать.

2. Судебная коллегия не может согласиться и с выводами судов, сделанными по требованию управляющего о признании недействительными операций по списанию денежных средства в пользу фактора.

Законодательное регулирование вопросов недействительности сделок с предпочтением имеет целью создание правового механизма, обеспечивающего защиту прав всех кредиторов в ситуации, когда один кредитор получает удовлетворение, превышающее причитающееся ему по правилам законодательства о несостоятельности, вследствие чего уменьшается конкурсная масса и нарушаются права и законные интересы иных кредиторов, которые получают меньше причитающегося им.

По рассматриваемому договору факторинга буровая компания (клиент) была вправе получить от общества (фактора) сумму очередного финансирования лишь при условии, что общий размер ее долга по договору не превышает установленный сделкой лимит финансирования клиента (зафиксированную сторонами в договоре верхнюю долговую границу).

В ходе исполнения договора буровая компания получила первые транши, частично погасила задолженность перед обществом по ним, а затем вновь неоднократно финансировалась, периодически погашая долги.

Однако кредиторы буровой компании в принципе не могли претендовать на удовлетворение своих требований за счет всей совокупности платежей, внесенных обществу в погашение задолженности, поскольку если бы данная задолженность перед обществом периодически не погашалась, невнесенные клиентом суммы не могли бы ему вновь предоставляться в качестве финансирования. Поэтому само по себе погашение буровой компанией финансирования по предыдущим траншам, полученным в рамках одной факторинговой сделки с лимитом финансирования, с последующим предоставлением по той же сделке новых траншей не свидетельствует о нарушении прав и законных интересов кредиторов должника в ситуации, когда общий объем задолженности перед обществом в результате таких операций остается неизменным.

3. Вопреки выводам судов к спорным отношениям подлежали применению разъяснения, данные в пункте 12.1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», на что неоднократно указывало общество. Окончательный размер полученной с предпочтением суммы по обязательствам, не являющимся текущими, невозможно было исчислить без анализа совокупности взаимосвязанных операций по выдаче финансовых траншей и погашению образовавшейся задолженности, что судами не было сделано.

4. В отношении платежей, направленных на погашение текущей задолженности буровой компании перед обществом судами неверно истолкованы разъяснения, приведенные в пункте 13 постановления № 63. Согласно данным разъяснениям сделка по удовлетворению текущего платежа, совершенная с нарушением очередности, установленной пунктом 2 статьи 134 Закона о банкротстве, может быть признана недействительной на основании пункта 2 статьи 61.3 Закона, если в результате этой сделки у должника отсутствуют денежные средства, достаточные для удовлетворения текущих платежей, имевших приоритет над погашенным требованием, в размере, на который они имели право до совершения оспариваемой сделки, при условии доказанности того, что получивший удовлетворение кредитор знал или должен был знать о нарушении такой очередности. Если к моменту рассмотрения заявления об оспаривании такой сделки имевшие приоритет кредиторы получают удовлетворение в соответствующем размере или будут представлены доказательства наличия в конкурсной массе необходимых для этого средств, эта сделка не может быть признана недействительной.

Суды, по сути, исходили только из того, что общество, принимая исполнение по текущим платежам, располагало сведениями о наличии других неисполненных текущих обязательств перед иными лицами.

Применительно к моменту возврата финансирования по каждому текущему траншу судам следовало определить:

конкретные текущие обязательства перед другими лицами, которые уже подлежали исполнению в момент списания средств со счета буровой компании в пользу общества;

очередность удовлетворения этих текущих обязательств перед третьими лицами и возможность их погашения за счет оставшейся конкурсной массы;

должно ли было общество знать о сроке исполнения данных обязательств перед несвязанными с ним участниками оборота и об очередности их погашения.

Сам по себе тот факт, что общество является профессиональным участником финансового рынка, не может рассматриваться как единственное достаточное обоснование того, что оно знало или должно было знать о признаках предпочтительного получения исполнения по текущим обязательствам. Оспаривающий текущие платежи конкурсный управляющий должен был представить конкретные доказательства недобросовестности фактора, в частности подтвердить, что полученные от клиента документы о его финансовом положении содержали конкретные сведения, свидетельствующие об очередности проведения расчетов по текущим платежам (по смыслу пункта 12.2 постановления № 63).

[Определение ВС РФ от 29.08.2019 № 305-ЭС19-10075](#)

Действия сторон договора подряда, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений (перерасчет итогового платежа заказчика путем уменьшения цены договора на сумму убытков заказчика, возникших вследствие просрочки подрядчика), не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования.

Конкурсный управляющий общества обратился в суд с заявлением о признании недействительной сделки по прекращению взаимных обязательств общества и института на 2 107 987,44 руб., а также о применении последствий недействительности этой сделки.

Судами апелляционной инстанции и округа спорная сделка признана недействительной, применены последствия ее недействительности.

Общество (подрядчик) и институт (заказчик) заключили государственный контракт от 05.11.2015 на выполнение работ по ремонту винтов самолетов. Согласованный срок выполнения работ – до 20.12.2015. Цена контракта составила 4 017 509,9 руб.

За нарушение сроков выполнения работ договором предусмотрена ответственность подрядчика в виде уплаты пеней.

В договор включено положение о том, что институт вправе уменьшить сумму, подлежащую выплате по контракту, на сумму причитающихся ему пеней.

Институт перечислил обществу авансовый платеж в размере 1 205 252,97 руб.

Работы сданы подрядчиком с просрочкой в 159 дней и приняты заказчиком по акту приема-передачи от 27.05.2016 без замечаний по объему и качеству.

После этого институт перечислил обществу в счет оплаты выполненных работ еще 704 269,49 руб.

Определением арбитражного суда от 23.09.2016 возбуждено дело о банкротстве общества, определением того же суда от 05.12.2016 в отношении общества введена процедура наблюдения, а решением от 31.08.2017 оно признано несостоятельным (банкротом).

Конкурсный управляющий обществом направил институту претензию, в которой потребовал погасить остаток задолженности по государственному контракту (2 107 987,44 руб.).

Институт счел претензию необоснованной и сообщил, что в связи с допущенной подрядчиком просрочкой в соответствии с условиями договора сумма, подлежащая выплате подрядчику за выполненные работы, уменьшена заказчиком на сумму неустойки, которая составила 2 107 987 рублей 44 копейки.

Общество и институт согласовали срок выполнения работ и их цену. При этом обычно при установлении подрядных отношений стороны исходят из того, что потребность заказчика в наиболее быстром выполнении работ повышает цену этих работ. Таким образом, при вступлении в договор общество не имело разумных ожиданий относительно того, что цена сделки осталась бы неизменной и в том случае, если бы институт устроил более продолжительный срок ремонта винтов самолетов.

Более того, в соответствии со статьями 702, 708, 709 и 720 ГК РФ обязательственное правоотношение по договору подряда состоит из двух основных встречных обязательств, определяющих тип этого договора (далее – основные обязательства): обязательства подрядчика выполнить в натуре работы надлежащего качества в согласованный срок и обязательства заказчика уплатить обусловленную договором цену в порядке, предусмотренном сделкой (статья 328 ГК РФ).

Из встречного характера указанных основных обязательств и положений пунктов 1 и 2 статьи 328, а также статьи 393 ГК РФ, согласно которым при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должник обязан возместить причиненные кредитору убытки, следует, что в случае ненадлежащего исполнения принятого подрядчиком основного обязательства им не может быть получена та сумма, на которую он мог рассчитывать, если бы исполнил это обязательство должным образом.

Следовательно, просрочка подрядчика в выполнении работ не позволяет признать его лицом, которому действительно причитаются денежные средства в размере всей договорной цены.

Поскольку согласованные в договоре подряда предоставления общества (подрядчика) и института (заказчика) презюмируются как равные (эквивалентные): 4 017 509,9 руб. за доброкачественный ремонт винтов самолетов, произведенный в срок до 20.12.2015, просрочка подрядчика в выполнении ремонтных работ порождает необходимость перерасчета итогового платежа заказчика путем уменьшения цены договора на сумму убытков заказчика, возникших вследствие просрочки. Подобное сальдирование происходит в силу встречного характера основных обязательств заказчика и подрядчика.

Действия, направленные на установление указанного сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования. Аналогичный вывод вытекает из смысла разъяснений, данных в абзаце четвертом пункта 13 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве».

В рассматриваемом случае стороны договора подряда установили ответственность за нарушение срока выполнения работ в виде зачетной неустойки, имеющей своей основной целью покрытие убытков заказчика, вызванных просрочкой передачи ему результата работ (пункт 1 статьи 394 ГК РФ).

На недобросовестность действий института при определении сальдо, их направленность на причинение вреда имущественным правам кредиторов общество не ссылалось и соответствующие обстоятельства не доказывало (пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве). Само же по себе применение при сальдировании неустойки в качестве упрощенного механизма компенсации потерь кредитора, вызванных ненадлежащим исполнением должником основного обязательства, не является основанием для признания недействительными действий по сальдированию как сделки с предпочтением.

Полагая, что сумма учтенной при сальдировании неустойки явно несоразмерна последствиям допущенного обществом нарушения основного обязательства, оно имело возможность предъявить институту иск о взыскании излишне учтенных денежных средств со ссылкой на статью 333 Гражданского кодекса (пункт 79 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). Однако такой иск не был передан на разрешение суда. На несоразмерность неустойки общество не указывало.

Залог и поручительство при банкротстве.

[Определение ВС РФ от 20.05.2019 № 308-ЭС19-449](#)

1. Предоставленное Законом о банкротстве право залогового кредитора на утверждение положения о порядке, сроках и условиях продажи залогового имущества не является безусловным.

Коль скоро разногласия передаются на разрешение суда, он должен определить наиболее целесообразные правила продажи заложенного имущества, учитывающие баланс интересов всех вовлеченных в процесс несостоятельности должника лиц, а не только интересы залогового кредитора.

2. Установление размера вознаграждения организатора торгов в проценте от вырученного, а не в твердой сумме, может иметь место в случае, если лицо, предлагающее включение в Положение соответствующего условия, приведет конкретные доводы, опровергающие необходимость применения общего подхода (твердая цена) и указывающие на то, что итоговая выручка будет зависеть от качества услуг организатора торгов или оператора электронной торговой площадки, например, что организатор торгов имеет эксклюзивную возможность осуществить какие-либо действия по поиску и привлечению покупателей с учетом особенностей выставленного на торги имущества, что приведет к существенному увеличению итоговой цены.

3. Непредложение арбитражным управляющим собственной кандидатуры в качестве организатора торгов не препятствует суду утвердить его в качестве такового, если такое решение представляется наиболее разумным, целесообразным и сбалансированным, потому как по общему правилу организация торгов возлагается именно на управляющего.

В рамках дела о банкротстве должника на рассмотрение суда был передан обособленный спор о разрешении разногласий, возникших между банком и финансовым управляющим относительно содержания Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника, являющегося предметом залога (далее – Положение).

Суды трех инстанций утвердили Положение в редакции, предложенной банком.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене.

Суды пришли к выводу, что предложенная банком редакция Положения не противоречит действующему законодательству и является экономически целесообразной, отметив также, что установление вознаграждения организатора торгов в процентном отношении от цены реализации (3 %) само по себе не свидетельствует о завышенном размере такого вознаграждения и не может негативно отразиться на правах иных незалоговых кредиторов.

При разрешении спора суды фактически исходили из того, что предоставленное залоговому кредитору право утверждать Положение о продаже (пункт 6 статьи 18.1, абзац второй пункта 4 статьи 138, абзац второй пункта 4 статьи 213.26 Закона о банкротстве) является безусловным, то есть по существу связывает как лиц, участвующих в деле о банкротстве, так и суд при принятии соответствующего решения. Однако такой подход ошибочен. Коль скоро разногласия передаются на разрешение суда, он должен определить наиболее целесообразные правила продажи заложенного имущества, учитывающие баланс интересов всех вовлеченных в процесс несостоятельности должника лиц, а не только интересы залогового кредитора.

На протяжении рассмотрения обособленного спора финансовый управляющий приводил доводы о том, что сумма вознаграждения как организатора торгов, так и оператора электронной площадки является завышенной, поскольку поставлена в зависимость от размера выручки при продаже имущества. Само по себе такое условие не является неправомерным, с точки зрения действующего правового регулирования. Однако по общему правилу размер подобного вознаграждения должен устанавливаться в твердой фиксированной сумме, так как набор действий организатора торгов или оператора электронной площадки является стандартным (абзацы со второго по девятый пункта 8, пункт 20 статьи 110 Закона о банкротстве). Учитывая, что в конечном счете (косвенно) расходы по организации и проведению торгов переносятся на должника или его кредиторов, произвольное установление вознаграждения в процентном отношении от суммы продажи, зависящей от такого фактора как спрос третьих лиц на реализуемое имущество, является неразумным и необоснованным.

Тем не менее, в исключительных случаях такой порядок определения размера вознаграждения может быть применен, если лицо, предлагающее включение в Положение соответствующего условия, приведет конкретные доводы, опровергающие необходимость применения общего подхода и указывающие на то, что итоговая выручка будет зависеть от качества услуг организатора торгов или оператора электронной торговой площадки, например, что организатор торгов имеет эксклюзивную (недоступную иным потенциальным организаторам) возможность осуществить какие-либо действия по поиску и привлечению покупателей с учетом особенностей выставленного на торги имущества (применительно к абзацу второму пункта 9 статьи 110 Закона о банкротстве), что приведет к существенному увеличению итоговой цены.

Кроме того, разрешая спор и отклоняя доводы управляющего, суды также отметили, что проведение торгов с минимальными расходами могло быть осуществлено, если бы финансовый управляющий предложил в качестве организатора торгов свою кандидатуру, чего им сделано не было.

Вместе с тем, как указано выше, при разрешении разногласий суд не связан исключительно позицией сторон спора, в том числе относительно личностей организатора торгов или оператора электронной площадки. Непредложение управляющим своей кандидатуры не препятствовало суду утвердить его в качестве организатора торгов, если такое решение спора представлялось наиболее разумным, целесообразным и сбалансированным.

Так, согласно абзацу второму пункта 5 статьи 18.1 и абзацу первому пункта 8 статьи 110 Закона о банкротстве в качестве организатора торгов выступает арбитражный управляющий или привлекаемая для этих целей специализированная организация. По смыслу названных норм предполагается, что организация торгов по общему правилу возлагается на арбитражного управляющего. Привлечение сторонней организации

для этих целей должно быть обосновано какими-либо дополнительными аргументами, например, указывающими на то, что использование ее услуг сократит расходы должника на проведение торгов либо даст иные положительные эффекты, которые не могут быть достигнуты при проведении торгов арбитражным управляющим.

[Определение ВС РФ от 11.07.2019 № 310-ЭС18-17700 \(2\)](#)

По смыслу пункта 7.1 статьи 16, пункта 5 статьи 18.1 Закона о банкротстве в ситуации, когда стоимости залогового имущества недостаточно, залоговый кредитор занимает место рядового кредитора третьей очереди и имеет право претендовать на удовлетворение своих требований из общей массы необремененного имущества.

Если до реализации залогового имущества имеются основания полагать, что стоимости такого имущества будет недостаточно для покрытия требования залогового кредитора, арбитражный управляющий как профессиональный антикризисный менеджер имеет реальную возможность заранее осознать (должен знать), что появится необходимость направить денежные средства, не связанные с продажей предмета залога, на удовлетворение требований залогодержателя.

Разрешая вопрос о том, следует ли направлять такие денежные средства до или после реализации предмета залога, необходимо оправданным является направление денежных средств, не связанных с реализацией предмета залога, на удовлетворение требований залогового кредитора после продажи заложенного имущества и распределения выручки по правилам статьи 138 Закона о банкротстве; от оставшихся непогашенными требований залогового кредитора подлежит расчету пропорция при распределении выручки от продажи незаложенного имущества.

При этом до момента продажи предмета залога средства, поступившие в конкурсную массу не в связи с реализацией заложенного имущества, подлежат резервированию применительно к правилам пункта 6 статьи 142 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего Нуриева В.Б., выразившиеся в преимущественном погашении требований отдельного кредитора – общества «Мурметалл» – перед иными кредиторами должника.

Обращаясь с жалобой на действия управляющего, заявитель указывал, что он является кредитором третьей очереди с требованием в размере 635 278 282,06 руб., обеспеченным залогом имущества должника. Общая сумма требований кредиторов третьей очереди составляет 887 963 599, 55 руб.

В 2016-2017 г. в конкурсную массу поступили денежные средства (в том числе арендные платежи, исполнение по реституции и т.д.) в сумме 40,25 млн. руб., которые распределены управляющим Нуриевым В.Б. только между незалоговыми кредиторами, в частности, в пользу общества «Мурметалл» было перечислено 30,4 млн. руб.

Обязанность действовать добросовестно является универсальным гражданско-правовым принципом, получившим свое отражение в нормах действующего права (пункт 4 статьи 1, пункт 2 статьи 6, статья 10 ГК РФ). Применительно к деятельности арбитражного управляющего названный общий принцип ретранслирован в законодательство о банкротстве в качестве специальной нормы (с аналогичным содержанием).

Согласно пункту 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Учитывая существование объективно обусловленной повышенной конфликтности между заинтересованными лицами в отношениях, связанных с институтом банкротства, возложение на арбитражного управляющего соответствующей обязанности в числе прочего означает, что он как профессиональный антикризисный менеджер в ситуации неопределенности правового регулирования должен действовать исходя из баланса объективно противопоставленных интересов вовлеченных в процесс несостоятельности лиц с учетом заложенных в действующих нормах права ценностных ориентиров, предопределяющих цели законодательного регулирования.

Именно с этой позиции суд в дальнейшем должен оценивать поведение управляющего при поступлении соответствующей жалобы на его действия (бездействие).

По смыслу пункта 7.1 статьи 16, пункта 5 статьи 18.1 Закона о банкротстве не удовлетворенные за счет стоимости предмета залога требования конкурсного кредитора по обязательствам, которые были обеспечены залогом имущества должника, удовлетворяются в составе требований кредиторов третьей

очереди. Таким образом, в ситуации, когда стоимости заложенного имущества недостаточно, залоговый кредитор занимает место рядового кредитора третьей очереди и имеет право претендовать на удовлетворение своих требований из общей массы необремененного имущества.

Поэтому если до реализации заложенного имущества имеются основания полагать, что стоимости такого имущества будет недостаточно для покрытия требования залогового кредитора, арбитражный управляющий имеет реальную возможность заранее осознать (должен знать), что появится необходимость направить денежные средства, не связанные с продажей предмета залога, на удовлетворение требований залогодержателя.

Предполагается, что цена имущества на торгах определяется исходя из объективно действующих рыночных законов, на основе спроса и предложения, в силу чего она не может быть спрогнозирована с высокой степенью точности. Поэтому указывая на предположительный характер доводов банка о недостаточности стоимости заложенного имущества для удовлетворения его требований, суды не учли, что их вывод об обратном также основан на предположении. Решающее значение при выяснении вопроса о том, действовал ли управляющий добросовестно, имеет степень убедительности того или иного предположения, то есть имелись ли у управляющего разумные основания предполагать, что залогового имущества достаточно либо недостаточно для погашения требований залогового кредитора.

В связи с этим следовало исходить из того, что денежные средства, поступившие в конкурсную массу не в результате продажи предмета залога, потребуются для удовлетворения требований банка.

Разрешая вопрос о том, следует ли направлять такие денежные средства до или после реализации предмета залога, необходимо учитывать, что исчисление доли залогового кредитора от всех его требований (до продажи заложенного имущества) являлось бы неправильным, поскольку в подсчете при вычислении пропорции участвовали бы те требования, которые впоследствии погашены за счет предмета залога, то есть эти требования искусственно увеличивали бы долю удовлетворения залогового кредитора от незалогового имущества, что очевидно несправедливо. Поэтому в подобной ситуации оправданным является направление денежных средств, не связанных с реализацией предмета залога, на удовлетворение требований залогового кредитора после продажи заложенного имущества и распределения выручки по правилам статьи 138 Закона о банкротстве; от оставшихся непогашенными требований залогового кредитора подлежит расчету пропорция при распределении выручки от продажи незалогового имущества.

При этом до момента продажи предмета залога средства, поступившие в конкурсную массу не в связи с реализацией заложенного имущества, подлежат резервированию применительно к правилам пункта б статьи 142 Закона о банкротстве.

Таким образом, погасив после поступления в массу средств, не связанных с продажей предмета залога, требования кредиторов третьей очереди, за исключением банка, арбитражный управляющий фактически нарушил закрепленные в пунктах 2 и 3 статьи 142 Закона о банкротстве принципы очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов, что указывает на правомерность предъявленной банком жалобы.

Банкротство граждан.

[Определение ВС РФ от 23.05.2019 № 305-ЭС18-25248](#)

1. В рамках банкротства гражданина как имущество должника, так и перешедшее вследствие раздела супругу общее имущество включаются в конкурсную массу должника. Включенное таким образом в конкурсную массу общее имущество подлежит реализации финансовым управляющим в общем порядке с дальнейшей выплатой супругу должника части выручки, полученной от реализации общего имущества.

При этом для проведения финансовым управляющим мероприятий по реализации общего имущества супругов не имеет правового значения тот факт, что ранее ему было отказано в признании недействительным брачного договора.

2. Не может быть завершена процедура реализации имущества должника при непроведении финансовым управляющим мероприятий по реализации общего имущества супругов при его наличии.

Судами трех инстанций процедура реализации имущества Андрусенко В.В. (далее также – должник) завершена, должник освобожден от дальнейшего исполнения требований кредиторов.

Судебная коллегия считает, что указанные судебные акты судов трех инстанций подлежат отмене по следующим основаниям.

В реестр требований кредиторов должника включено требование Локшина М.А. на сумму 4 028 664,40 руб., основанное на заключенных между Андрусенко В.В. и Локшиным М.А. договорах займа от 06.09.2012 и от 26.09.2012, задолженность по которым взыскана в пользу последнего вступившим в законную силу судебным актом суда общей юрисдикции. Какое-либо имущество должника, подлежащее реализации в процедуре банкротства, не выявлено, расчет с кредитором не производился.

Судами также установлено, что между должником и Малининой Е.П. заключен брачный договор от 26.07.2013, которым супруги определили правовой режим отдельных видов имущества.

В рамках настоящего дела вступившим в законную силу определением суда от 21.11.2017 финансовому управляющему имуществом должника отказано в признании брачного договора недействительной сделкой в связи с отсутствием доказательств ее мнимости и указано на наличие у кредиторов права требовать обращения взыскания на имущество, перешедшее к супруге должника.

Статьей 46 СК РФ предусмотрены специальные гарантии прав кредиторов супругов в случае заключения последними брачного договора.

По смыслу данной нормы, являясь двусторонней сделкой, такого рода соглашение связывает только супругов, при этом ухудшение имущественного положения супруга-должника в результате исполнения такого договора не влечет правовых последствий для не участвовавших в нем кредиторов должника (пункт 3 статьи 308 ГК РФ).

Аналогичный подход содержит пункт 9 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», исходя из которого, если во внесудебном порядке осуществлены раздел имущества, определение долей супругов в общем имуществе, кредитеры, обязательства перед которыми возникли до такого раздела имущества, определения долей и переоформления прав на имущество в публичном реестре (пункт 6 статьи 8.1 ГК РФ), изменением режима имущества супругов юридически не связаны (статья 5, пункт 1 статьи 46 СК РФ). В силу пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве это означает, что как имущество должника, так и перешедшее вследствие раздела супругу общее имущество включаются в конкурсную массу должника. Включенное таким образом в конкурсную массу общее имущество подлежит реализации финансовым управляющим в общем порядке с дальнейшей выплатой супругу должника части выручки, полученной от реализации общего имущества.

Таким образом, перешедшее по брачному договору супруге Андрусенко В.В. общее имущество подлежало включению в конкурсную массу и реализации в процедуре банкротства должника по правилам статьи 213.26 Закона о банкротстве. Однако соответствующие мероприятия в данном случае финансовым управляющим имуществом должника не осуществлены.

При таких обстоятельствах суд завершил процедуру реализации имущества должника преждевременно.

[Определение ВС РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429](#)

1. В отличие от недобросовестности неразумность поведения физического лица не является основанием для неосвобождения его от долгов по итогам завершения процедуры реализации имущества.

2. В случае положительного решения о выдаче кредита, основанного на достоверной информации, представленной гражданином, последующая ссылка банка на неразумные действия заемщика, взявшего на себя чрезмерные обязательства в отсутствие соответствующего источника погашения кредита, не может быть принята во внимание для целей применения положений пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

Вопреки выводу судов последовательное наращивание гражданином кредиторской задолженности путем получения денежных средств в различных кредитных организациях может быть квалифицировано как его недобросовестное поведение, влекущее отказ в освобождении гражданина от обязательств, лишь в случае сокрытия им необходимых сведений (размер дохода, место работы, кредитные обязательства в других кредитных организациях и т.п.) либо предоставления заведомо недостоверной информации.

Финансовый управляющий имуществом должника обратился в арбитражный суд с ходатайством о завершении процедуры реализации имущества должника.

Судами трех инстанций процедура реализации имущества завершена без применения правил об освобождении должника от обязательств.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

В процедуре реализации имущества собранием кредиторов принято решение о заключении мирового соглашения для реструктуризации задолженности на предложенных Сбербанком условиях, предусматривающих погашение задолженности в течение 10 лет с установлением минимальной процентной ставки и ежемесячными аннуитентными платежами в размере 45 926,54 руб. Должник от заключения мирового соглашения отказался со ссылкой на невыгодные условия.

Отказывая в применении правил об освобождении должника от исполнения обязательств, суды указали на недобросовестное поведение должника, выразившееся в последовательном наращивании задолженности перед кредиторами (увеличение суммы заведомо неисполнимых кредитных обязательств в период 2012-2015 гг. при отсутствии необходимого уровня доходов), а также на отказ должника от заключения мирового соглашения.

Основной задачей института потребительского банкротства является социальная реабилитация гражданина – предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам, что в определенной степени ущемляет права кредиторов должника.

Вследствие этого к гражданину-должнику законодателем предъявляются повышенные требования в части добросовестности, подразумевающие помимо прочего честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами, открытое взаимодействие с судом (определение ВС РФ от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013).

При этом по смыслу пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве принятие на себя непосильных долговых обязательств ввиду необъективной оценки собственных финансовых возможностей и жизненных обстоятельств не может являться основанием для не освобождения от долгов. В отличие от недобросовестности неразумность поведения физического лица сама по себе таким препятствием не является.

В рассматриваемом случае анализ финансового состояния должника признаков преднамеренного и фиктивного банкротства не выявил. Соккрытие или уничтожение принадлежащего должнику имущества, равно как сообщение им недостоверных сведений финансовому управляющему также не установлено.

Вместе с тем суды отметили принятие должником на себя заведомо неисполнимых обязательств по кредитам Банка ВТБ в 2015 году при наличии иных неисполненных кредитных обязательств с 2012 года на значительные суммы.

Должник в свою очередь обращал внимание на то, что при получении кредитов предоставлял банкам полные и достоверные сведения о своем финансовом состоянии, имел в данный период времени стабильный и достаточный для своевременного возврата кредитных средств доход, осуществлял платежи в установленный договорами срок. Прекращение расчетов с кредиторами за три месяца до возбуждения дела о банкротстве вызвано объективными причинами – снижением оклада более чем на 30 %.

Указанные доводы суды оставили без оценки.

Кроме этого необходимо учитывать, что банки, являясь профессиональными участниками кредитного рынка, имеют широкие возможности для оценки кредитоспособности гражданина, в том числе посредством разработки стандартных форм кредитных анкет-заявок для заполнения их потенциальным заемщиком на стадии обращения в кредитную организацию с указанием сведений о его имущественном и социальном положении, ликвидности предлагаемого обеспечения и т.п., а также проверки предоставленного им необходимого для получения кредита пакета документов. Одновременно банки вправе запрашивать информацию о кредитной истории обратившегося к ним лица на основании Федерального закона от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях» в соответствующих бюро. По результатам проверок в каждом конкретном случае кредитная организация принимает решение по вопросу о выдаче денежных средств.

В случае положительного решения о выдаче кредита, основанного на достоверной информации, представленной гражданином, последующая ссылка банка на неразумные действия заемщика, взявшего на себя чрезмерные обязательства в отсутствие соответствующего источника погашения кредита, не может быть принята во внимание для целей применения положений пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

Вопреки выводу судов последовательное наращивание гражданином кредиторской задолженности путем получения денежных средств в различных кредитных организациях может быть квалифицировано как его недобросовестное поведение, влекущее отказ в освобождении гражданина от обязательств, лишь в случае сокрытия им необходимых сведений (размер дохода, место работы, кредитные обязательства в других кредитных организациях и т.п.) либо предоставления заведомо недостоверной информации.

При этом отказ должника от заключения мирового соглашения на предложенных в нем условиях не может расцениваться как злоупотребление правом, учитывая, что оставшаяся после предусмотренного мировым соглашением ежемесячного платежа за счет текущего дохода должника сумма денежных средств меньше установленной в рамках настоящего дела о банкротстве судом суммы в размере 30 000 руб. для достойного проживания должника и его семьи.

Определение ВС РФ от 13.06.2019 № 304-ЭС18-26241

1. Право залога в обеспечение исполнения обязательств гражданина-должника прекращается в момент освобождения такого гражданина от обязательств по итогам завершения процедуры реализации имущества, если требование залогодержателя не было предъявлено к залогодателю-третьему лицу до момента освобождения основного должника от обязательств.

2. Если договор залога не предусматривает срока действия обеспечения, право залога прекращается по истечении года после наступления срока исполнения обеспеченного обязательства, если залогодержатель не предъявил в указанный срок требование к залогодателю.

Банк предъявил иск к предпринимателю Халиману Л.В. об обращении взыскания на заложенное имущество (автомобиль), определении способа продажи заложенного имущества посредством проведения публичных торгов и установлении начальной продажной цены в размере 2 659 000 руб.

Судами трех инстанций иски удовлетворены. Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Между банком и ИП Гамаюновой А.Н. (заемщиком) был заключен кредитный договор от 06.06.2013. В целях обеспечения исполнения кредитных обязательств заемщика компания выдала поручительство, а также предоставила в залог автомобиль и нежилое помещение.

Решением арбитражного суда от 15.03.2016 Гамаюнова А.Н. была признана банкротом, в отношении ее имущества введена процедура реализации. Определением суда от 19.07.2016 требования банка из указанного договора включены в реестр.

Решением арбитражного суда от 11.04.2016 компания признана банкротом, в отношении нее введена процедура конкурсного производства. Определением от 19.01.2017 требования банка включены в реестр как поручителя за Гамаюнову А.Н., а также признаны обеспеченными залогом нежилого помещения.

Требования банка не были признаны обеспеченным залогом автомобиля, поскольку данный предмет залога был отчужден компанией в пользу Козловой М.А. по договору купли-продажи от 15.07.2015. Впоследствии Козлова М.А. продала автомобиль ответчику по договору купли-продажи от 13.07.2016.

Определением арбитражного суда от 23.01.2017 процедура реализации имущества в отношении основного заемщика Гамаюновой А.Н. завершена, она освобождена от исполнения обязательств.

Ссылаясь на то, что обязательства Гамаюновой А.Н. по договору кредитной линии не исполнены, а заложенное имущество было реализовано компанией без согласия залогодержателя, банк обратился в арбитражный суд с настоящим иском, требуя обращения взыскания на автомобиль, обременение в отношении которого сохранилось при переходе права собственности к Халиману Л.В.

1. Залоговое обязательство по своей природе является самостоятельным, его реализация не зависит от осуществления прав из иных обеспечительных сделок. В этой связи факт предъявления к компании денежного требования из поручительства до освобождения заемщика от долга сам по себе не может свидетельствовать о соблюдении аналогичного срока в отношении параллельного залогового обязательства. Момент реализации банком своих прав в отношении компании как поручителя не имеет решающего значения, так как залог обеспечивал кредитные обязательства Гамаюновой А.Н., а не поручительские обязательства компании. Суды должны были дать самостоятельную правовую оценку своевременности предъявления иска по настоящему делу.

Как указано выше, 23.01.2017 завершена процедура реализации имущества Гамаюновой А.Н. (должника по основному обязательству), она освобождена от исполнения обязательств.

Согласно правовой позиции, изложенной в Определении ВС РФ от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013, освобождение гражданина от долгов по итогам банкротства (статья 213.28 Закона о банкротстве) является экстраординарным способом прекращения обязательств. Закрепленный названной нормой правовой институт по своей природе обладает схожестью с ликвидацией юридических лиц (пункт 1 статьи 6 ГК РФ), так как данная процедура предполагает достаточное количество времени для предъявления кредиторами своих требований к должнику, предусматривает меры по удовлетворению таких требований, а по ее окончании – происходит списание задолженности.

Из этого следует, что как завершение ликвидации основного должника - юридического лица, так и освобождение от обязательств должника - гражданина должны опосредовать схожие правовые последствия в отношении сохранения обеспечительных требований.

Когда залогодателем является третье лицо, к отношениям между залогодателем, должником и залогодержателем применяются правила о поручительстве (абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК РФ).

Согласно пункту 1 статьи 367 ГК РФ прекращение обеспеченного обязательства в связи с ликвидацией должника после того, как кредитор предъявил в суд или в ином установленном законом порядке требование к поручителю, не прекращает.

Такие же разъяснения даны и в отношении залога пунктом 21 постановления № 58, согласно которому, если залог предоставлен в обеспечение обязательства не залогодателя, а иного лица (должника по основному обязательству), завершение конкурсного производства в отношении должника по основному обязательству и его исключение из единого государственного реестра юридических лиц не влекут прекращения залога в том случае, когда к этому моменту предъявлено требование об обращении взыскания на заложенное имущество.

Совокупность названных норм и разъяснений указывает на следующее: если кредитор предъявил требование к поручителю или залогодателю - третьему лицу до того, как основной должник освобожден от долгов (гражданин) или ликвидирован (юридическое лицо), то обеспечительное обязательство не прекращается, и кредитор вправе реализовать свои права, вытекающие из обеспечения. И напротив, если кредитор не предъявил свои требования до названного момента, то поручительство или залог прекращаются в связи с прекращением обеспеченного ими обязательства (подпункт 1 пункта 1 статьи 352, пункт 1 статьи 367 ГК РФ).

Банк обратился в суд с иском по настоящему делу 22.07.2017, в то время как Гамаюнова А.Н. освобождена от долгов за полгода до этого – 23.01.2017, следовательно, оснований для удовлетворения заявленных требований не имелось – залоговое обязательство прекратилось в связи с прекращением основного.

2. Равным образом прекращение залогового обязательства могло быть констатировано и следующим образом. Абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК РФ распространяет нормы о поручительстве на залогодателей - третьих лиц.

Самостоятельным основанием прекращения поручительства является истечение срока его действия. Согласно пункту 6 статьи 367 ГК РФ поручительство прекращается по истечении указанного в договоре поручительства срока, на который оно дано. Если такой срок не установлен, оно прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю.

Коль скоро правила о поручительстве распространяются на залог, выданный третьим лицом, следует признать, что истечение срока действия такого залога равным образом является основанием для его прекращения.

Имеющийся в материалах дела договор банка с компанией о залоге транспортного средства не предусматривал срока действия обеспечения, поэтому в силу указанной выше нормы он составлял один год со дня наступления срока исполнения кредитного обязательства заемщика.

Решением от 15.03.2016 Гамаюнова А.Н. признана несостоятельной, в связи с чем в данной ситуации ее денежное обязательство перед банком считалось наступившим в любом случае. Поскольку, как указано выше, иск был предъявлен 22.07.2017, то есть более чем через год после признания основного должника банкротом, залог в отношении спорного автомобиля прекратился и по мотиву истечения срока его действия.

[Определение ВС РФ от 13.06.2019 № 307-ЭС19-358](#)

Единственное пригодное для проживания должника-гражданина жилое помещение, находящееся в залоге, подлежит исключению из конкурсной массы, если залогодержатель предъявил свое требование для его включения в реестр требований кредиторов с пропуском срока.

Требование такого пропустившего срок залогодержателя не может удовлетворяться из выручки от реализации указанного жилого помещения, оставшейся после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, равно как не может утверждаться положение об условиях продажи в отношении такого жилого помещения, а помещение не подлежит реализации.

Финансовый управляющий имуществом должника Поляруш И.С. обратился в арбитражный суд с заявлением об утверждении Положения о порядке, об условиях и о сроках реализации имущества должника, находящегося в залоге (далее – Положение о продаже) – квартиры.

Для совместного рассмотрения с названным заявлением принято требование должника об исключении из конкурсной массы указанной квартиры.

Судами трех инстанций отказано в удовлетворении ходатайства об исключении квартиры из конкурсной массы, утверждено Положение о продаже, предусматривающее начальную продажную цену квартиры в размере 16 891 000 руб.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Решением от 16.02.2017 Попов Р.А. признан несостоятельным (банкротом), в отношении его имущества введена процедура реализации.

Вступившим в законную силу определением от 31.10.2017 признаны обоснованными вытекающие из договора займа требования Чаурова И.А. и Чауровой Н.В. в размере 7 777 957,37 руб. как обеспеченные залогом спорной квартиры. Данные требования признаны подлежащими удовлетворению преимущественно из суммы, вырученной от продажи предмета залога и оставшейся после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов.

Финансовый управляющий обратился в суд ходатайством об утверждении Положения о продаже. Должник, ссылаясь на то, что квартира является единственным пригодным для проживания помещением, обратился в суд с ходатайством об исключении ее из конкурсной массы.

Разрешая спор, суды пришли к выводу, что квартира, находящаяся в ипотеке, даже будучи единственным жильем, не может быть исключена из конкурсной массы должника и, следовательно, подлежит реализации в деле о его банкротстве. При таких условиях суды отказали в удовлетворении ходатайства должника об исключении квартиры из конкурсной массы и утвердили Положение о продаже.

Действительно, наличие у квартиры свойств единственного пригодного для постоянного проживания помещения не влечет ее исключение из конкурсной массы, если она является предметом действующей ипотеки.

Между тем, как разъяснено в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», если кредитор по требованию, обеспеченному залогом единственного пригодного для постоянного проживания должника и членов его семьи жилого помещения, не предъявил это требование должнику в рамках дела о банкротстве либо обратился за установлением статуса залогового кредитора с пропуском срока, определенного пунктом 1 статьи 142 Закона о банкротстве, и судом было отказано в восстановлении пропущенного срока, такой кредитор не вправе рассчитывать на удовлетворение своего требования за счет предмета залога, в том числе посредством обращения взыскания на данное имущество вне рамок дела о банкротстве. В этом случае жилое помещение считается не вошедшим в конкурсную массу в силу пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве, право залога на него прекращается после завершения процедуры реализации имущества при условии освобождения должника от дальнейшего исполнения обязательств (пункт 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве, статья 352 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Указанные разъяснения направлены на недопущение ситуации, когда вопреки смыслу положений статьи 446 ГПК РФ и Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение фактически будет реализовываться в целях приоритетного удовлетворения требований по текущим обязательствам и требований незалоговых

кредиторов, получивших в силу законодательства о несостоятельности приоритет над опоздавшим залогодержателем.

[Определение ВС РФ от 25.07.2019 № 306-ЭС19-3574](#)

В целях проверки достоверности сведений о месте жительства гражданина, указанных в заявлении о признании должника банкротом, арбитражный суд вправе не ограничиваться запросом данных о его месте жительства в органах регистрационного учета, а провести более глубокую проверку.

В таком случае суд, среди прочего, может учесть сокрытие должником сведений о смене места жительства, многолетнее проживание и наличие экономических интересов в другом регионе, а также выявление противоречивых, парадоксальных, необъяснимых обстоятельств, несогласованности в доказательствах, нелогичности доводов о смене места жительства должника.

Как следует из материалов дела в Арбитражный суд Волгоградской области обратился Элишакашвили Ш. с заявлением о признании Шамира Р.И. банкротом. На дату подачи заявления в суд Шамир Р.И. был зарегистрирован по месту жительства в Волгоградской области, до этой даты должник проживал и был зарегистрирован в Москве.

Банк как один из кредиторов должника указал на нарушение правил подсудности при рассмотрении дела. Суды трех инстанций сочли, что правила подсудности соблюдены.

Между тем судами не учтено следующее.

Для определения арбитражным судом территориальной подсудности дела о банкротстве гражданина по общему правилу достаточно наличие документов, удостоверяющих регистрацию должника в органах регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту жительства в пределах Российской Федерации или выписки из единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан", далее - постановление № 45).

Презумпция проживания по месту регистрации может быть опровергнута, если заинтересованное лицо (например, кредитор) докажет, что содержащаяся в документах регистрационного учета информация не отражает сведения о настоящем месте жительства должника. В целях выяснения соответствующих обстоятельств во внимание, в первую очередь, могут приниматься факты, свидетельствующие о необычном характере поведения должника при смене регистрационного учета в период инициирования дела о несостоятельности.

Цель закона, установившего подсудность дела о банкротстве гражданина по месту его жительства, создание благоприятных условий как для должника-банкрота, так и для его кредиторов для быстрого и правильного разрешения дела, поскольку в этом регионе, как правило, сосредоточены экономические интересы указанных лиц. Здесь же находится имущество должника или, по крайней мере, его значительная часть; открыты его банковские счета; расположены управленческие подразделения кредиторов - юридических лиц.

Злоупотребление как явление проявляется в большинстве случаев в том, что при внешне формальном следовании нормам права нарушитель пытается достичь противоправной цели. Формальному подходу, в частности, может быть противопоставлено выявление противоречивых, парадоксальных, необъяснимых обстоятельств, несогласованности в доказательствах, нелогичности доводов.

В целях проверки достоверности сведений о месте жительства гражданина, указанных в заявлении о признании должника банкротом, арбитражный суд вправе не ограничиваться запросом данных о его месте жительства в органах регистрационного учета (п. 5 постановления № 45), а провести более глубокую проверку.

Не усмотрев в действиях Шамира Р.И. признаков злоупотребления правом, суды в основу выводов о его проживании в Волгоградской области положили данные о регистрационном учете, пояснения финансового управляющего об общении с представителем должника по месту регистрации Шамира Р.И., а также сведения об аренде земельного участка в этом регионе с целью ведения бизнеса.

Однако, данные обстоятельства использованы Шамиром Р.И. для формального создания видимости проживания в Волгоградской области. Совокупность прочих обстоятельств, указанных банком и не проверенных в судах, подтверждает этот вывод.

Так, Шамир Р.И. вместе со своими компаньонами по бизнесу является бенефициаром группы компаний "Г.М.Р. Планета гостеприимства", центр экономических интересов которых сосредоточен в городе Москве. Там же должники проживали, о чем свидетельствует их многолетняя регистрация в этом городе. После вступления в законную силу судебного решения о взыскании с должника и его компаньонов более семисот тысяч рублей, все трое синхронно изменили место жительства с города Москвы на Волгоградскую область, не уведомив кредиторов о смене места жительства.

Сразу же после оформления регистрации по новому месту жительства в Арбитражный суд Волгоградской области от единственного кредитора, уведомленного о переезде должников, одновременно поступило три заявления о признании банкротами Шамира Р.И. и его компаньонов.

Действия по регистрации бизнеса в Волгоградской области должник предпринял сразу же после того, как впервые в арбитражном суде был озвучен довод банка о фиктивном переезде к новому месту жительства. К тому же сам факт начала ведения лицом бизнеса, требующего вложения капиталов, при одновременном банкротстве того же лица парадоксален. Необъяснимым осталась и разумность намерения ведения в ноябре сельскохозяйственного бизнеса, связанного с растениеводством. Сомнителен факт заключения договора аренды с точки зрения даты его заключения при том, что сам Шамир Р.И. в описи его имущества, представленной вместе с отзывом на заявление о признании его должником, права аренды на земельный участок не указал.

Таким образом, согласованные действия Шамира Р.И. с компаньонами при схожих экономических обстоятельствах, сокрытие сведений о смене места жительства перед кредиторами (по крайней мере, неупоминание последних), наличие экономических интересов у должника в г. Москве и многолетнее проживание в этом городе, отсутствие достоверных данных о его фактическом проживании в Волгоградской области и противоречивые объяснения о намерении вести бизнес в этом регионе в совокупности подтверждают доводы банка о фиктивном характере переезда Шамира Р.И. в Волгоградскую область.

[Определение ВС РФ от 05.08.2019 № 308-ЭС17-21032\(2, 3\)](#)

Не может быть отказано в процессуальном правопреемстве кредитора в деле о банкротстве на третье лицо по мотивам завершения процедуры реализации имущества гражданина, потому как обстоятельства, препятствующие освобождению гражданина от исполнения обязательств, могут быть установлены в том числе и после завершения процедуры банкротства, а указание на данные обстоятельства суду возможно лишь при обладании лицом процессуального статуса участника по делу о банкротстве.

Таким образом, в описанной ситуации подлежит удовлетворению заявление о правопреемстве в целях возможности указания цессионарием суду в том числе на обстоятельства, препятствующие освобождению гражданина от обязательств.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Озеровой Т.Н. (далее – должник) агрофирма обратилась в арбитражный суд с заявлением о замене в третьей очереди реестра требований кредиторов должника кредитора – банка на его правопреемника – агрофирму.

Судами первой и апелляционной инстанций заявление удовлетворено. Судом округа в удовлетворении заявления отказано.

Как установлено судами и следует из материалов дела, определением арбитражного суда от 04.05.2016 в третью очередь реестра включены требования банка в размере 127 500 000 руб. основного долга, 39 507 534,3 руб. процентов за пользование кредитом, 42 500 руб. комиссии, 3 325 443,13 руб. пеней.

Определением того же суда от 05.05.2017 процедура реализации имущества должника завершена, Озеровой Т.Н. отказано в применении правила об освобождении от исполнения обязательств.

Вступившим в законную силу постановлением арбитражного апелляционного суда от 04.08.2017 должник освобожден от исполнения требований кредиторов.

Впоследствии между банком и агрофирмой заключен договор уступки требования (цессии) от 24.01.2018, по условиям которого банк уступил агрофирме право требования к должнику в полном объеме. Обязательство по оплате стоимости уступленных прав (требований) агрофирмой исполнено.

Данное обстоятельство послужило основанием для обращения агрофирмы в арбитражный суд с настоящим заявлением.

Отменяя судебные акты судов нижестоящих инстанций и отказывая в удовлетворении заявления, суд округа, ссылаясь на пункт 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве, исходил из того, что материальное

правопреемство в гражданско-правовом отношении не возникло, поскольку банк передал агрофирме требование, от исполнения которого Озерова Т.Н. освобождена.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Действительно, закрепленное в статье 213.28 Закона о банкротстве правило об освобождении гражданина от исполнения требований кредиторов (долгов) по итогам процедуры банкротства, является, по сути, экстраординарным способом прекращения обязательств несостоятельного физического лица, отвечающего критериям добросовестности.

Вместе с тем названной нормой предусмотрены случаи, при которых списание задолженности гражданина - банкрота не допускается. Обстоятельства, препятствующие должнику освободиться от имеющихся обязательств (пункт 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве) могут быть установлены и после завершения реализации имущества должника.

Так, в случае выявления фактов сокрытия гражданином - должником имущества или незаконной передачи имущества третьим лицам по заявлению конкурсного кредитора, уполномоченного органа или финансового управляющего определение суда о завершении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина может быть пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам с возобновлением производства по делу о банкротстве должника. Такое заявление может быть подано указанными лицами в порядке и сроки, предусмотренные статьей 312 АПК РФ.

Реализация конкурсным кредитором указанного права непосредственно связана с наличием у него процессуального статуса как такового, при этом завершение процедуры банкротства гражданина не является препятствием для разрешения вопроса о правопреемстве по требованию, от исполнения которого должник освобожден.

Банкротство застройщиков.

[Определение ВС РФ от 06.05.2019 № 302-ЭС18-24434](#)

1. В случае, если многоквартирный дом введен в эксплуатацию, требование дольщика-залогодержателя становится обеспеченным залогом не всех помещений в доме, а лишь того помещения, которое подлежало передаче по условиям договора участия в долевом строительстве.

2. Однако в случае, если строительство объекта не завершено, требования дольщика считаются обеспеченными залогом всего незавершенного строительством объекта.

3. Требования дольщика, включенные в реестр, считаются обеспеченными залогом независимо от того, было им заявлено о необходимости установления залогового статуса при предъявлении денежного требования или нет. Это, однако, не означает, что дольщики, не настаивавшие на фиксации статуса залогодержателя в судебном акте в рамках дела о банкротстве должника, утратили право на залоговый приоритет по сравнению с настоявшими. Напротив, все они в равной мере вправе рассчитывать на распределение денежных средств, вырученных от реализации объекта строительства по правилам статьи 201.14 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника-застройщика банк обратился в суд с заявлением о включении его денежных требований в сумму 242 306 325,16 руб. (основной долг по договорам участия в долевом строительстве и неустойка за просрочку передачи строящихся объектов) в реестр требований кредиторов должника.

При этом банк просил признать его требования обеспеченными залогом: права аренды земельного участка; трех нежилых помещений (первая очередь строительства); незавершенного строительством многоквартирного жилого дома (вторая очередь строительства).

Суд апелляционной инстанции указал на то, что требование банка о признании его залогодержателем в отношении незавершенного строительством многоквартирного дома (вторая очередь) не основано на положениях гражданского законодательства и Закона о банкротстве и удовлетворению не подлежит.

Материальные основания возникновения права залога у лиц, заключивших с застройщиком договоры участия в долевом строительстве, регулируются специальными положениями гражданского законодательства, в частности Законом № 214-ФЗ, а не Законом о банкротстве.

По смыслу пункта 2 статьи 2, статьи 4 Закона № 214-ФЗ положения статей 12.1 и 13 этого Закона об обеспечении исполнения обязательств застройщика применяются независимо от конкретного вида объекта долевого строительства (жилое или нежилое помещение).

Законодательством о несостоятельности предусмотрены определенные правила, в результате использования которых к дольщикам в итоге может перейти право собственности на оплаченные ими жилые помещения.

В отношении обычных нежилых помещений подобные правила не установлены. Лица, вложившие свои средства в приобретение будущих офисных помещений, законодательно лишены возможности потребовать от несостоятельного застройщика неденежного исполнения имущественного характера (передать нежилые помещения в натуре). Они вправе лишь заявить о включении в реестр денежного требования на общих основаниях. Такое требование подлежит включению в четвертую очередь реестра (подпункт 4 пункта 1 статьи 201.9 Закона о банкротстве). Однако каких-либо законных оснований полагать, что залоговое обеспечение в банкротстве застройщика сохраняется только в отношении жилых помещений, вопреки выводам судов первой инстанции и округа не имеется. Ни Гражданский кодекс Российской Федерации, ни Закон № 214-ФЗ, ни Закон о банкротстве не предусматривают такого основания прекращения права залога как возбуждение в отношении залогодателя дела о банкротстве. Примененный судами подход вошел в противоречие с существом залога как обеспечительной конструкции, устанавливаемой, в первую очередь, на случай невозможности исполнения обязательства должником, в том числе ввиду его несостоятельности.

Залоговый кредитор по денежному требованию, преобразовавшемуся из требования о передаче нежилого офисного помещения, вправе претендовать на распределение вырученных от реализации предмета залога денежных средств по правилам пункта 1 статьи 201.14 Закона о банкротстве, то есть на приоритетное получение шестидесяти процентов от стоимости предмета залога.

В ситуации, когда многоквартирный дом введен в эксплуатацию, а нежилое помещение не может быть передано дольщику в натуре вследствие банкротства застройщика, оно включается в конкурсную массу. Застройщик обязан зарегистрировать за собой право собственности на такое нежилое помещение. В этом случае право залога дольщика подвергается дальнейшей трансформации по сравнению с тем, как это предусмотрено статьей 13 Закона № 214-ФЗ, не рассчитанной в полной мере на ситуацию банкротства, а именно: его требование становится обеспеченным залогом не всех помещений в доме (как общее обеспечение одного из созалогодержателей), а лишь того помещения, которое подлежало передаче по условиям договора участия в долевом строительстве (как единоличное обеспечение залогодержателя, если только на данное помещение не установлены другие залоговые третьих лиц).

Наличие претендентов на получение статуса залогодержателя в отношении оконченных строительством нежилых офисных помещений первой очереди строительства, входивших в предмет договоров участия в долевом строительстве от 16.12.2013 (номера договоров 93, 94 и 95), заключенных с банком, судами не установлено.

С учетом изложенного, по первой очереди строительства суд апелляционной инстанции принял правильное, по сути, постановление, в отношении залогового обеспечения о том, что требования банка по договорам от 16.12.2013 будут являться обеспеченными залогом нежилых помещений, входивших в предмет этих договоров, с момента регистрации застройщиком права собственности на них за собой.

В отношении второй очереди строительства имеется в натуре незавершенный строительством объект, который прошел инвентаризацию со стороны конкурсного управляющего. Управляющий включил этот объект в инвентаризационную опись объектов незавершенного капитального строительства, размещенную на ЕФРСБ.

В указанной части требования банка, вытекающие из договоров участия в долевом строительстве жилого дома от 11.02.2015 (№№ 120, 121 и 122), в настоящее время в силу части 1 статьи 13 Закона № 214-ФЗ считаются обеспеченными залогом всего незавершенного строительством объекта второй очереди строительства.

При этом дополнительно необходимо отметить следующее.

В деле о банкротстве застройщика, исходя из особенностей правового регулирования отношений по участию в долевом строительстве и положений параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве, основанные на зарегистрированных договорах участия в долевом строительстве требования дольщика, включенные в реестр, считаются обеспеченными залогом независимо от того, было им заявлено о необходимости установления залогового статуса при предъявлении денежного требования или нет, если только такой кредитор явно не выразил волю на отказ от залогового обеспечения или суд прямо не указал на отсутствие права залога в судебном акте.

Поскольку в рассматриваемом случае банк настаивал на том, чтобы в судебном акте о включении его требований в реестр требований кредиторов должника был отражен их залоговый статус, а суды при

разрешении спора пришли к выводу об отсутствии у кредитной организации прав залогодержателя по объектам, относящимся ко второй очереди строительства, постановление суда апелляционной инстанции подлежит отмене в части с указанием на то, что требования банка, вытекающие из договоров участия в долевом строительстве жилого дома от 11.02.2015 (№№ 120, 121 и 122), являются обеспеченными залогом (в частности, в настоящее время они считаются обеспеченными залогом всего незавершенного строительством объекта второй очереди строительства). Вместе с тем, это не означает, что иные дольщики (при их наличии), обладающие тем же статусом, что и банк, но не настаивавшие на фиксации статуса залогодержателя в судебном акте в рамках дела о банкротстве должника, утратили право на залоговый приоритет. Напротив, все они в равной мере вправе рассчитывать на распределение денежных средств, вырученных от реализации незавершенного строительством объекта либо нежилых помещений (при условии окончания второй очереди строительства) по правилам статьи 201.14 Закона о банкротстве.

Работники должника.

[Определение ВС РФ от 08.05.2019 № 306-ЭС18-26294](#)

1. Модель исполнения обязательств перед работниками собственником должника с использованием гражданско-правового механизма уступки прав требований не противоречит закону и обеспечивает выполнение социальной функции в процедурах банкротства. Запрет такой модели дестимулирует (лишает правового смысла) намерение собственника к исполнению обязательств перед работниками в условиях неплатежеспособности предприятия.

После включения судом требований об оплате труда лиц, работавших по трудовому договору, в реестр требований кредиторов должника, они становятся требованиями кредиторов в деле о банкротстве и не обладают требуемой неразрывной связью с личностью кредитора, в связи с чем, установленный статьей 383 ГК РФ запрет уступки права не нарушается.

Отказ в процессуальном правопреемстве собственнику должника, погасившему по цессии задолженность перед работниками предприятия, фактически предрешает исход спора о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, не устанавливая при этом соответствующих оснований.

2. Уступка прав требования задолженности по заработной плате и последующее процессуальное правопреемство не приведут к изменению объема прав, а также возможности контроля за процедурой со стороны собственника, поскольку кредиторам второй очереди (работникам) не предоставлено право голоса на собрании кредиторов.

В рамках дела о банкротстве должника Администрация обратилась в арбитражный суд с заявлением о замене во второй очереди реестра требований кредиторов должника кредиторов – работников должника в количестве 56 человек, на их правопреемника – Администрацию.

Судами апелляционной инстанции и округа в удовлетворении заявления Администрации о процессуальном правопреемстве отказано.

Судебная коллегия считает, что судебные акты судов апелляционной инстанции и округа подлежат отмене по следующим основаниям.

Между Администрацией и работниками должника в количестве 56 человек в сентябре 2017 года были заключены договоры уступки права требования (цессии), по условиям которых работники уступили Администрации право требования взыскания с должника задолженности по заработной плате в размере, включенном в реестр требований кредиторов должника (вторая очередь), а Администрация обязалась оплатить за уступаемые права денежные средства в размере, соответствующем их номиналу (в размере передаваемых прав), до 31.12.2017.

В соответствии с условиями указанных договоров права требования работников (бывших работников) к должнику о взыскании задолженности в общей сумме 1 587 978,10 руб. перешло в полном объеме к Администрации с момента их подписания.

Принятые на себя в соответствии с условиями договоров цессии обязательства по оплате стоимости уступленных прав (требований) Администрацией исполнены в полном объеме.

Отказывая в удовлетворении заявления Администрации о процессуальной замене, суд апелляционной инстанции, сославшись на правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, изложенную в определении от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556, в том числе исходил из того, что коль скоро Администрация

является учредителем и собственником имущества должника, то именно она должна нести негативные последствия, связанные с банкротством предприятия, в том числе путем погашения задолженности перед работниками по заработной плате. В связи с чем, суд апелляционной инстанции признал, что своими действиями Администрация фактически компенсировала негативные последствия своего ненадлежащего управления должником и его имуществом, используя при этом гражданско-правовой механизм заключения договоров уступки права требования, что не приводит к процессуальной замене указанных кредиторов на Администрацию.

После включения судом требований об оплате труда лиц, работавших по трудовому договору, в реестр требований кредиторов должника они становятся требованиями кредиторов в деле о банкротстве и не обладают требуемой неразрывной связью с личностью кредитора, в связи с чем, установленный статьей 383 ГК РФ запрет уступки права не нарушается.

Таким образом, избранная Администрацией модель исполнения обязательств перед работниками с использованием гражданско-правового механизма уступки прав требований не противоречит закону и обеспечивает выполнение социальной функции в процедурах банкротства, запрет которой дестимулирует (лишает правового смысла) намерение собственника к исполнению обязательств перед работниками в условиях неплатежеспособности предприятия.

Уступка прав требования задолженности по заработной плате и последующее процессуальное правопреемство не приведут к изменению объема прав, а также возможности контроля за процедурой со стороны Администрации, поскольку по смыслу положений статьи 12 Закона о банкротстве кредиторам второй очереди (работникам) не предоставлено право голоса на собрании кредиторов, на что правильно указал суд первой инстанции.

Более того, положениями статьи 7 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» предусмотрено, что в случаях, когда несостоятельность (банкротство) государственного или муниципального предприятия вызвана собственником его имущества, то на последнего может быть возложена субсидиарная ответственность при недостаточности имущества должника. Таким образом, отказав в процессуальном правопреемстве по мотивам того, что Администрация как собственник имущества должника должна нести негативные последствия, связанные с банкротством предприятия, суды апелляционной инстанции и округа фактически предрешили исход спора о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности применительно к обязательствам должника перед кредиторами второй очереди (работниками), не устанавливая при этом соответствующих оснований.

[Определение ВС РФ от 03.06.2019 № 306-ЭС17-13670\(10\)](#)

В случае противопоставления законных интересов одних работников должника перед другими осуществление работниками своих прав через выборного представителя противоречит сути предназначения последнего, которая заключается исключительно в защите их общих интересов.

В такой ситуации адекватным механизмом защиты интересов отдельных работников должника является самостоятельное представление своих прав работниками должника, полагающими, что их права нарушены.

В рамках дела о банкротстве завода (далее – должник) его кредиторы – несколько бывших работников – обратились в арбитражный суд с жалобой на действия конкурсного управляющего должника Белякова Д.Е., выразившиеся в нарушении очередности погашения требований кредиторов второй очереди реестра требований кредиторов должника, а также с требованием о возмещении Беляковым Д.Е. убытков.

Судом первой инстанции производство по жалобе на действия конкурсного управляющего должником Белякова Д.Е. прекращено; в удовлетворении требований в остальной части отказано.

Постановлениями судов апелляционной инстанции и округа указанное определение оставлено без изменения.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Обращаясь с настоящей жалобой, заявители ссылались на то, что конкурсным управляющим произведены частичные выплаты в пользу иных бывших работников должника с менее приоритетной очередью удовлетворения.

Прекращая производство по жалобе на действия конкурсного управляющего, суд первой инстанции исходил из того, что заявители, имеющие по отношению к должнику права требования о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих по трудовому договору, не наделены правом на самостоятельное обращение в арбитражный суд с соответствующей жалобой. Их права и законные интересы в настоящем деле о банкротстве представляет представитель работников должника – Бронникова Н.И.

Действительно, по общему правилу работники должника не относятся к числу лиц, участвующих в деле о банкротстве и (или) в арбитражном процессе по делу о банкротстве (статьи 34, 35 Закона о банкротстве), пункты 14, 15 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»). Для представления своих законных интересов при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, работники должника вправе избрать представителя, который обладает правами лица, участвующего в арбитражном процессе по делу о банкротстве.

Представитель работников должника при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей, предусмотренных федеральными законами, действует в интересах всех работников, бывших работников должника (абзац 31 статьи 2, пункт 10 статьи 12.1 Закона о банкротстве).

Названные положения закона направлены, в том числе на формирование и представление в рамках дела о банкротстве коллективных интересов всех работников, бывших работников должника, а при невозможности выработки единой позиции – их большинства с целью предотвращения несогласованного участия большого количества работников должника в деле о его несостоятельности.

Однако в случае противопоставления законных интересов одних работников должника перед другими (например, преимущественного удовлетворения требований по оплате труда части трудового коллектива перед иными, имеющими приоритетную очередность погашения задолженности работниками) осуществление своих прав через выборного представителя противоречит самой сути предназначения последнего, которая заключается исключительно в защите их общих интересов.

Обращение заявителей с жалобой на действия арбитражного управляющего обусловлено защитой их прав по отношению к иным бывшим работникам должника, а именно, нарушением календарной очередности удовлетворения требований по выплате заработной платы. В такой ситуации адекватным механизмом защиты интересов отдельных работников должника является самостоятельное обжалование ими незаконных, по их мнению, действий арбитражного управляющего по преимущественному удовлетворению требований одних кредиторов второй очереди перед другими.

Прекращение производства по настоящей жалобе фактически лишает заявителей судебной защиты, что недопустимо.

[Определение ВС РФ от 22.08.2019 № 306-ЭС19-6168](#)

Мораторий на исполнение исполнительных документов в процедуре наблюдения не распространяется на исполнительные документы о взыскании задолженности по заработной плате независимо от момента возникновения этой задолженности. Кредиторы по таким обязательствам вправе направить исполнительные документы о взыскании денежных средств непосредственно в кредитную организацию, обслуживающую счет должника, а кредитная организация обязана их исполнить.

В случае, если кредитная организация при исполнении требований о списании задолженности по заработной плате на основании исполнительных документов не нарушила ни правила ведения банковских счетов лиц, находящихся в процедуре банкротства, ни условия договора банковского счета, она не может быть привлечена к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков (статьи 393, 856 ГК РФ).

Предприятие в лице конкурсного управляющего Емелина Д.С. обратилось в суд с иском к банку о возмещении убытков, причиненных необоснованным списанием с расчетного счета предприятия 1 147 144,08 руб.

Судами трех инстанций иск удовлетворен.

Определением арбитражного суда от 20.06.2016 возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) предприятия. Определением того же суда от 28.12.2016 в отношении предприятия введена процедура наблюдения.

В процедуре наблюдения (06.03.2017) банк списал 1 147 144,08 руб. с расчетного счета предприятия на основании исполнительных документов, выданных для принудительного исполнения актов судов общей юрисдикции о взыскании в пользу граждан задолженности предприятия по заработной плате, возникшей до возбуждения дела о его банкротстве.

Как разъяснено в пункте 2 постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства» (далее – постановление № 36), если вследствие нарушения кредитной организацией положений Закона о банкротстве денежные средства должника будут перечислены или выданы кредитору, требование которого не относится к разрешенным платежам, то должник вправе потребовать от кредитной организации возмещения убытков, причиненных неправомерным списанием денежных средств со счета, в размере списанной суммы в связи с нарушением банком своих обязательств по договору банковского счета (статьи 15, 393, 401 ГК РФ).

Статьей 63 Закона о банкротстве определены последствия введения процедуры наблюдения.

Согласно абзацу четвертому пункта 1 названной статьи к числу таких последствий относится приостановление исполнения исполнительных документов по имущественным взысканиям. Однако эта норма содержит ряд исключений. В частности, в силу прямого указания Закона о банкротстве из числа исполнительных документов, по которым приостанавливается исполнение, исключены исполнительные документы, выданные на основании судебных актов о взыскании задолженности по заработной плате, вступивших в законную силу до дня введения процедуры наблюдения.

Из содержания части 1 статьи 96 Закона об исполнительном производстве также следует, что исполнение исполнительных документов о взыскании задолженности по заработной плате не приостанавливается в процедуре наблюдения.

В соответствии с приведенными нормами и разъяснениями, данными в пункте 1 постановления № 36 и абзаце втором пункта 33 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», мораторий на исполнение исполнительных документов в процедуре наблюдения не распространяется на исполнительные документы о взыскании задолженности по заработной плате независимо от момента возникновения этой задолженности. Кредиторы по таким обязательствам вправе направить исполнительные документы о взыскании денежных средств непосредственно в кредитную организацию, обслуживающую счет должника, а кредитная организация обязана их исполнить (части 1 статьи 8, статья 70 Закона об исполнительном производстве, пункт 2 статьи 854 ГК РФ).

Поскольку платежи по исполнительным документам о взыскании задолженности по заработной плате в пользу граждан относились к числу разрешенных, банк был обязан принять к исполнению требования взыскателей и исполнить их.

Кредитная организация, осуществляя контроль за соблюдением очередности совершения разрешенных платежей в процедуре банкротства, производит проверку по формальным признакам и определяет очередность списания денежных средств со счета исходя из тех требований, которые реально предъявлены к счету. Поступающие от арбитражного управляющего или кредиторов по текущим платежам документы, не являющиеся распоряжениями о перечислении денежных средств, а только информирующие кредитную организацию о наличии у должника текущих обязательств, не учитываются кредитной организацией при определении очередности исполнения распоряжений.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий предприятием при обращении в суд и в ходе рассмотрения дела не ссылаясь на нарушение банком очередности исполнения предъявленных к счету предприятия распоряжений (требований) о совершении разрешенных платежей, в том числе не ссылаясь на списание кредитной организацией денежных средств в погашение задолженности перед работниками, возникшей до возбуждения дела о банкротстве, в обход предъявленных к тому же счету и ожидающих исполнения требований по текущим платежам. Соответствующие обстоятельства не были установлены судами.

Так как банк при исполнении требований о списании задолженности по заработной плате на основании исполнительных документов не нарушил ни правила ведения банковских счетов лиц, находящихся в процедуре банкротства, ни условия договора банковского счета, он не мог быть привлечен к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков (статьи 393, 856 ГК РФ).

Прочие вопросы.

[Определение ВС РФ от 20.05.2019 № 309-ЭС19-987](#)

Списание налоговой задолженности как безнадежной по основанию, предусмотренному статьей 12 Закона № 436-ФЗ, неприменимо к лицам, осведомленным о наличии у них неисполненных (неисполняемых/недекларируемых) налоговых обязанностей и совершающим действия во вред кредитору по сокрытию и выводу имущества с целью недопущения обращения на него взыскания. Подобный характер задолженности не исключает возможность ее удовлетворения в процедуре несостоятельности.

В рамках дела о его банкротстве Спиридонов Ю.В. обратился в арбитражный суд с заявлением об исключении из реестра требований кредиторов должника требования уполномоченного органа и прекращении производства по указанному делу о банкротстве.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Решением от 26.10.2017 Спиридонов Ю.В. признан банкротом; в третью очередь реестра требований кредиторов должника включено требование уполномоченного органа в общей сумме 124 975 118,28 руб. - задолженность по налогам и обязательным платежам, пени и штрафам (ЕЧН, НДС, НДФЛ, страховым взносам в ПФ РФ и ФОМС) за 2009 - 2011 годы, которая образовалась, в том числе в связи с вынесением решения о привлечении должника к налоговой ответственности по итогам выездной налоговой проверки от 02.09.2009.

Разрешая спор, суды пришли к выводу, что задолженность, положенная в основу заявления о признании должника банкротом и ранее включенная в реестр требований кредиторов, является безнадежной к взысканию, что исключает возможность ее удовлетворения в процедуре несостоятельности.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» признается безнадежной к взысканию и подлежит списанию задолженность физических лиц (по транспортному налогу, налогу на имущество физических лиц, земельному налогу) и индивидуальных предпринимателей (по всем налогам, за исключением налога на добычу полезных ископаемых, акцизов и налогов, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через границу Российской Федерации), пеням и штрафам, образовавшаяся на 01.01.2015.

Данная статья сформулирована как устанавливающая специальные основания для списания безнадежной задолженности перед бюджетом и не содержит указания на невозможность ее применения в зависимости от того, нарушение каких именно положений законодательства о налогах и сборах при исчислении налогов привело к возникновению недоимки, какова форма вины в совершении налогового правонарушения.

В то же время по смыслу статьи 59 НК РФ институт признания налоговой задолженности безнадежной к взысканию не тождественен прекращению обязанности по уплате налогов и предполагает, что списание задолженности производится в связи с существованием юридических или фактических препятствий к реальному исполнению обязанности по уплате налогов (пени, штрафов).

В данном случае в качестве признака безнадежности задолженности к взысканию законодателем рассматривается сам по себе факт ее непогашения в течение трех лет (2015 - 2017 гг.), имея в виду, что неограниченное во времени нахождение налогоплательщиков под риском применения мер принудительного взыскания является обременительным для граждан (индивидуальных предпринимателей) и дальнейшее сохранение такой ситуации признано государством нецелесообразным. При этом предполагается, что причины, по которым меры принудительного взыскания налоговой задолженности не привели к ее погашению, обусловлены возникшими у граждан (индивидуальных предпринимателей) обстоятельствами, не позволяющими в течение длительного периода полностью исполнить обязанность по уплате налогов (Определение ВС РФ от 22.11.2018 № 306-КГ18-10607).

Соответственно, исходя из системного толкования положений Закона № 436-ФЗ во взаимосвязи со сложившейся правоприменительной практикой Верховного Суда Российской Федерации, следует признать, что списание налоговой задолженности как безнадежной по основанию, предусмотренному статьей 12 Закона № 436-ФЗ, неприменимо к лицам, осведомленным о наличии у них неисполненных (неисполняемых/недекларируемых) налоговых обязанностей и совершающим действия во вред кредитору по

сокрытию и выводу имущества с целью недопущения обращения на него взыскания, в том числе в преддверии оформления результатов налоговой проверки.

Иной подход (распространяющий действие спорной нормы на подобных лиц) способствовал бы поощрению со стороны государства поведения налогоплательщиков, задолженность которых перед бюджетом в действительности является реальной к взысканию, но заведомые действия которых не позволили произвести ее погашение, что не соотносится с целями законодательного регулирования и не отвечает правовой природе института безнадежной задолженности (статья 59 НК РФ).

Из установленных судами обстоятельств следует, что спорная задолженность по налогам, обязательным платежам, пеням и штрафам образовалась в связи с вынесением решения о привлечении Спиридонова Ю.В. к налоговой ответственности по итогам выездной налоговой проверки от 02.09.2009, которая по состоянию на 28.12.2017 взыскана не была. Таким образом, Спиридонов Ю.В. соответствовал формальным критериям для применения в отношении него положений статьи 12 Закона № 436-ФЗ.

Однако, распространив действие статьи 12 Закона № 436-ФЗ на рассматриваемую ситуацию, суды первой и апелляционной инстанций оставили без правовой оценки доводы уполномоченного органа о совершении Спиридоновым Ю.В. действий, направленных на уменьшение своей имущественной массы, за счет которой должны были уплачиваться суммы налогов, ставшие предметом доначисления по результатам налоговой проверки, в том числе, доводы о совершении хозяйственных операций, не связанных с осуществлением реальной предпринимательской деятельности, но приведших к выводу денежных средств из Российской Федерации в иностранные юрисдикции.

[Определение ВС РФ от 27.05.2019 № 305-ЭС18-25601](#)

Не может быть утверждено в деле о банкротстве мировое соглашение, устанавливающее более долгий срок погашения обязательных платежей, нежели предельный срок, установленный законодательством о налогах и сборах (один год).

В реестр требований кредиторов общества "Русские системы" должника включены требования двух конкурсных кредиторов: налоговой службы и Сухолитко В.А.

18.04.2018 собрание кредиторов должника приняло большинством голосов решение о заключении мирового соглашения (налоговая служба голосовала против), а административный управляющий заявил в арбитражный суд ходатайство об его утверждении.

По условиям мирового соглашения общество "Русские системы" обязалось добровольно исполнить свои обязательства перед кредиторами по уплате имеющейся задолженности в размере, указанном в реестре требований кредиторов должника на день заключения мирового соглашения, в течение трех лет после подписания мирового соглашения в соответствии с графиком начисления и погашения задолженности. В отношении уплаты штрафов, пеней установлен срок погашения – не позднее 31.03.2022.

Определением от 22.06.2018 (оставлено в силе судом округа) мировое соглашение утверждено, в связи с чем производство по делу о банкротстве прекращено.

Суд первой инстанции исходил из того, что мировое соглашение подписано полномочными лицами конкурсных кредиторов, не противоречит закону и не нарушает права других лиц. Суд отклонил доводы налоговой службы о нарушении срока уплаты налогов и невозможности рассрочки уплаты на срок, установленный в мировом соглашении, сославшись на специальный характер норм законодательства о банкротстве по отношению к законодательству о налогах и сборах, в связи с чем при заключении мирового соглашения в деле о банкротстве кредиторы имеют право включить положения о сроках и порядке погашения задолженности по обязательным платежам вне зависимости от сроков отсрочки или рассрочки, предусмотренных налоговым законодательством.

В соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 150 Закона о банкротстве на любой стадии рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве должник, его конкурсные кредиторы и уполномоченные органы вправе заключить мировое соглашение, которое подлежит утверждению арбитражным судом.

Противоречие условий мирового соглашения Закону о банкротстве, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам является основанием для отказа арбитражным судом в утверждении мирового соглашения (пункт 2 статьи 160 Закона о банкротстве, часть 6 статьи 141 АПК РФ).

Из пункта 1 статьи 156 Закона о банкротстве следует, что мировое соглашение должно содержать положения о порядке и сроках исполнения обязательств должника в денежной форме. Сроки и порядок уплаты обязательных платежей, включенных в реестр требований кредиторов, условиями мирового

соглашения могут быть изменены. В то же время условия мирового соглашения, касающиеся погашения задолженности по обязательным платежам, взимаемым в соответствии с законодательством о налогах и сборах, не должны противоречить требованиям этого законодательства.

Условия предоставления отсрочки или рассрочки по уплате налога регулируются статьей 64 НК РФ, согласно пункту 1 которой изменение срока уплаты (отсрочка или рассрочка) федеральных налогов в части, зачисляемой в федеральный бюджет, а также страховых взносов допускается на срок до трех лет, остальных налогов – на срок, не превышающий одного года соответственно с единовременной или поэтапной уплатой суммы задолженности.

Из взаимосвязанных положений пункта 1 статьи 156 Закона о банкротстве и статьи 64 НК РФ следует, что в мировом соглашении допускается изменение срока уплаты обязательных платежей (отсрочки или рассрочки) в пределах одного года. Для федеральных налогов в части, зачисляемой в федеральный бюджет, а также страховых взносов этот срок не может превышать трех лет. При этом указанные сроки начинают течь не позднее даты утверждения мирового соглашения судом.

Требования налоговой службы по обязательным платежам в значительной части касались задолженности общества "Русские системы" по налогу на прибыль, зачисляемому в бюджет субъекта Российской Федерации, что не оспаривалось участвующими в деле лицами. Следовательно, в силу пункта 1 статьи 64 НК РФ отсрочка по уплате этого налога не могла превышать одного года, в то время как по условиям мирового соглашения обществу "Русские системы" предоставлен больший период.

Утвердив мировое соглашение, условия которого явно противоречили законодательству о налогах и сборах, суды нарушили пункт 2 статьи 160 Закона о банкротстве и часть 6 статьи 141 АПК РФ.

[Определение ВС РФ от 28.05.2019 № 304-ЭС19-1129](#)

Списание налоговой задолженности как безнадежной по основанию, предусмотренному статьей 12 Закона № 436-ФЗ, неприменимо к лицам, осведомленным о наличии у них неисполненных (неисполняемых/недекларируемых) налоговых обязанностей и совершающим действия во вред кредитору по сокрытию и выводу имущества с целью недопущения обращения на него взыскания, а также к задолженности, которая пусть и сформировалась до 01.01.2015 г., однако о которой налоговому органу стало известно (и стало возможно ее взыскание) после указанной даты. Подобный характер задолженности не исключает возможность ее удовлетворения в процедуре несостоятельности.

ФНС обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании ИП Бекира А.Э. банкротом. Суды трех инстанций прекратили производство по делу.

Основная часть денежных требований уполномоченного органа к предпринимателю основана на решении № 10, принятом налоговым органом 25.05.2015 по результатам выездной налоговой проверки по вопросам правильности исчисления и полноты уплаты Бекиром А.Э. налогов за 2012 – 2013 годы.

Вступившим в законную силу решением от 25.03.2016 отказано в удовлетворении заявления Бекира А.Э. о признании недействительным решения № 10.

Признавая денежные требования уполномоченного органа, подтвержденные решением № 10, необоснованными, суды сочли, что задолженность, отраженная в этом решении, в силу части 2 статьи 12 Федерального закона от 28.12.2017 № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 436-ФЗ) как безнадежная к взысканию подлежала списанию налоговым органом с лицевого счета предпринимателя без участия налогоплательщика, что, в свою очередь, исключает возможность ее погашения в процедурах банкротства за счет имущества должника.

Суды пришли к выводу о том, что для целей применения части 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ не имеет правового значения момент, с которого налоговому органу стало известно о наличии долга перед бюджетом. Списанию подлежит любой долг, образовавшийся за налоговые либо отчетные периоды, истекшие до 01.01.2015.

Установив, что оставшаяся сумма основного долга перед бюджетом, предъявленная уполномоченным органом к включению в реестр требований кредиторов Бекира А.Э., составляет менее 500 000 руб., другие заявления о банкротстве предпринимателя отсутствуют, суды прекратили производство по делу о его банкротстве.

В Законе № 436-ФЗ не содержатся правила, согласно которым возможность применения пунктов 1 и 2 статьи 12 указанного Закона зависела бы от того, нарушение каких именно положений законодательства о налогах и сборах привело к возникновению задолженности, или от формы вины должника, совершившего налоговое правонарушение.

В то же время в приведенных нормах для определения вида введенного ими нового основания списания долга перед бюджетом использован термин «задолженность безнадежная к взысканию». С учетом этого пункты 1 и 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ не могли быть применены судами в отрыве от положений статьи 59 НК РФ, регулирующей институт признания налоговой задолженности безнадежной к взысканию. По смыслу статьи 59 НК РФ списание безнадежной задолженности производится в связи с возникновением юридических или фактических препятствий реального исполнения обязанности по уплате налогов (пеней, штрафов).

По сути, в пунктах 1 и 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ федеральный законодатель таким препятствием (признаком безнадежности) назвал факт непогашения задолженности, по меньшей мере, в течение трех лет (2015 – 2017 годы), основываясь на предположении о том, что причины, по которым меры принудительного взыскания не привели к положительному для бюджета результату, обусловлены сложившимися у граждан (индивидуальных предпринимателей) жизненными обстоятельствами, не позволившими в течение столь продолжительного периода исполнить обязанность по уплате налогов, признав неограниченное по времени нахождение налогоплательщиков под риском применения мер принудительного истребования долга обременительным для граждан (индивидуальных предпринимателей), а дальнейшее сохранение такой ситуации – нецелесообразным.

Таким образом, исходя из системного толкования положений пунктов 1 и 2 статьи 12 Закона № 436-ФЗ во взаимосвязи со статьей 59 НК РФ следует признать, что списание налоговой задолженности как безнадежной по основаниям, предусмотренным названными пунктами статьи 12 Закона № 436-ФЗ, допустимо в ситуации, когда на протяжении 2015 – 2017 годов налоговый орган имел объективную возможность принимать предусмотренные законом меры к получению долга путем обращения взыскания на имущество налогоплательщика, то есть при наличии совокупности следующих обстоятельств:

— задолженность была известна налоговому органу на 01.01.2015 и подлежала взысканию в период с 01.01.2015 до дня вступления в силу статьи 12 Закона № 436-ФЗ;

— налогоплательщик не совершал недобросовестные действия во вред ФНС России (кредитору по обязательным платежам), направленные на сокрытие своего имущества, вывод активов с целью недопущения обращения взыскания по требованиям налогового органа (в том числе, до начала налоговой проверки, осознавая неправомерность своего поведения при исчислении сумм налогов и предвидя возможное доначисление).

Иной подход способствовал бы поощрению со стороны государства таких налогоплательщиков, имевших задолженность перед бюджетом, являющуюся в действительности реальной к взысканию, которые своими умышленными действиями искусственно создали ситуацию, не позволившую произвести ее погашение, что не соотносится с целями законодательного регулирования и не отвечает правовой природе института списания безнадежной к взысканию задолженности (статья 59 НК РФ).

Из установленных судами обстоятельств дела следует, что спорная задолженность Бекира А.Э. перед бюджетом по налогам, пеням и штрафам доначислена 25.05.2015 решением № 10, то есть ее взыскание стало возможно после 01.01.2015. Такая задолженность не могла быть признана безнадежной, поскольку она не соответствовала формальным критериям, необходимым для применения положений статьи 12 Закона № 436-ФЗ.

[Определением ВС РФ от 22.07.2019 № 306-ЭС19-2986](#)

При обращении в суд с заявлением об обязанности бывшего руководителя передать документацию должника конкурсный управляющий должен сформулировать предмет своего требования, конкретизировав перечень и виды запрашиваемых документов.

Неполнота сведений, содержащихся в протоколе выемки документации должника правоохранительными органами, не подлежит истолкованию как свидетельство неисполнения бывшим руководителем обязанности по передаче документации.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества «Новая нефтехимия» конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об обязанности бывшего руководителя общества Тумакаева А.Ф.

передать управляющему бухгалтерскую и иную документацию должника, а также материальные и иные ценности. Перечень истребуемых документов уточнен управляющим в порядке ст. 49 АПК РФ.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанции, требования арбитражного управляющего удовлетворены.

Между тем судами не учтено следующее.

Разрешая спор и признавая заявление обоснованным в части, суды отклонили возражения Тумакаева А.Ф. об отсутствии у него других документов ввиду их изъятия правоохранительными органами со ссылкой на то, что из протокола выемки от 13.03.2017 невозможно установить точный перечень изъятых документов (составившим протокол должностным лицом изъятая документация была недостаточно описана для целей ее идентификации).

Суды сочли, что Законом о банкротстве на руководителя возложена безусловная обязанность по передаче документов и имущества должника, а конкурсный управляющий объективно не мог оценить полноту имеющихся в его распоряжении документов на день подачи заявления в суд и в период его рассмотрения.

Суд округа признал ошибочными доводы Тумакаева А.Ф. о неисполнимости судебного акта суда первой инстанции, указав, что вопрос о наличии либо отсутствии у бывшего руководителя конкретных документов и ценностей подлежит разрешению на стадии исполнительного производства.

На заявление арбитражного управляющего об обязанности передать документацию распространяются общие требования процессуального законодательства, предъявляемые к форме и содержанию иска. Так, при обращении в суд с соответствующим заявлением конкурсный управляющий должен сформулировать предмет своего требования, конкретизировав перечень и виды запрашиваемых документов. При этом степень должной конкретизации требования арбитражного управляющего об обязанности передать документы оценивается судом с учетом обстоятельств рассматриваемого дела и необходимости обеспечения реальной возможности осуществления управляющим возложенных на него полномочий. Например, обращенное к бывшему руководителю требование о предоставлении договоров за определенный период не обязательно предполагает указание точных дат составления договоров и их номеров, которые управляющий может не знать.

Вывод суда округа о конкретизации перечня документов, подлежащих передаче, на стадии исполнительного производства ошибочен.

Судебный пристав-исполнитель ответственен лишь за принудительное исполнение судебного решения. Получив для исполнения исполнительный лист об обязанности одного лица передать документы другому лицу, он должен истребовать ту документацию, которая была присуждена (ч. 2 ст. 318 АПК РФ, ст. 2, ч. 1 ст. 12 ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Подход, занятый окружным судом, по сути, влечет за собой установление существования неисполненного бывшим руководителем обязательства судебным приставом-исполнителем, а не судом, что нарушает принципы правовой определенности и исполнимости судебного акта.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий уточнил свое требование, конкретизировав перечень и виды истребуемой им документации. Однако в дальнейшем суд уклонился от разрешения уточненного требования, не рассмотрел вопрос о том, сохранность и передачу каких из указанных управляющим в уточненном заявлении документов, образующихся в процессе деятельности должника, обязан был обеспечить его руководитель.

Судебная коллегия также отмечает, что при изъятии документации должника правоохранительными органами возникает объективная невозможность исполнения руководителем обязанности по ее передаче арбитражному управляющему. Это, в свою очередь, исключает возможность удовлетворения судом требования об исполнении им в натуре обязанности, предусмотренной абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве.

Неполнота сведений, содержащихся в протоколе выемки, не подлежала истолкованию судами как свидетельство неисполнения бывшим руководителем упомянутой обязанности. Вопрос о том, в какой части обязанность по передаче документации не была исполнена Тумакаевым А.Ф., не мог быть разрешен без установления конкретного перечня изъятых документов.

Конкурсный управляющий не лишен возможности обратиться в правоохранительные органы с ходатайством о выдаче копий изъятых документов, а при невозможности их самостоятельного получения – за содействием в получении документации к суду, рассматривающему дело о банкротстве, применительно к правилам ч. 4 ст. 66 АПК РФ. Совершение управляющим такого рода действий позволяет исключить из

перечня истребуемых им документов те, доступ к которым невозможен по обстоятельствам, независящим от бывшего руководителя.

В части истребования у руководителя материальных и иных ценностей, принадлежащих должнику, конкурсный управляющий указал на то, что заявление предъявлено им в порядке ст. 126 Закона о банкротстве.

Вместе с тем в отношении исполнения обязанности по передаче конкурсному управляющему имущества должника специальное средство защиты, предусмотренное п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве, может быть использовано арбитражным управляющим в ситуации, когда бывший руководитель должника уклоняется (отказывается) от участия в приемке-передаче имущества, владение которыми должник не утратил.

Если же имущество должника незаконно получено бывшим руководителем и находится во владении последнего, подлежат применению общие способы защиты – виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ), иск о признании недействительной сделки, на основании которой имущество перешло от должника к руководителю, и о применении последствий ее недействительности (ст. 168 ГК РФ) и т.д. В случае когда из-за противоправных действий руководителя имущество выбыло из собственности возглавляемой им организации и поступило третьим лицам, защита конкурсной массы должна осуществляться путем предъявления иска о возмещении убытков (ст. 53.1 ГК РФ) или о привлечении к субсидиарной ответственности (глава III.2 Закона о банкротстве).

Удовлетворяя требование управляющего об обязанности Тумакаева А.Ф. передать ему материальные и иные ценности, суды не определили, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела, не установили фактические обстоятельства, касающиеся лица, владеющего этими ценностями, и передачи должником прав на них владельцу (если таковая состоялась), оснований этой передачи. При этом ни в заявлении управляющего, ни в обжалуемых судебных актах в нарушение положений п. 4 ч. 2 ст. 125, ч. 2 ст. 171 АПК РФ не указано наименование имущества, подлежащего передаче.

[Определение ВС РФ от 13.08.2019 № 305-ЭС19-4541](#)

Отказ конкурсного управляющего от исполнения должником государственного контракта не относится к основаниям для включения сведений в отношении должника в реестр недобросовестных поставщиков, предусмотренным частью 2 статьи 104 Закона о контрактной системе.

Между учреждением (заказчик) и обществом (победитель электронного аукциона, подрядчик) заключен государственный контракт на строительство и реконструкцию автомобильной дороги.

Решением арбитражного суда от 14.03.2017 общество признано несостоятельным (банкротом) и в отношении должника открыто конкурсное производство.

В связи с признанием несостоятельным (банкротом) общество прекратило исполнять обязательства по государственному контракту.

Неисполнение обязательств по контракту послужило основанием для принятия заказчиком 04.12.2017 решения об одностороннем отказе от исполнения контракта и направления в антимонопольный орган обращения о включении сведений в отношении общества в реестр недобросовестных поставщиков.

Решением ФАС России от 24.01.2018 сведения, представленные в отношении общества, включены в реестр недобросовестных поставщиков.

Считая решение незаконным, общество обратилось в арбитражный суд.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявленного требования отказано.

Согласно части 2 статьи 104 Закона о контрактной системе в реестр недобросовестных поставщиков включается информация об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов, а также о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

В соответствии с частью 6 статьи 104 Закона о контрактной системе в случае расторжения контракта по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта заказчик в течение трех рабочих дней с даты расторжения контракта направляет в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, информацию, предусмотренную частью 3

настоящей статьи, а также копию решения суда о расторжении контракта или в письменной форме обоснование причин одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта.

В течение десяти рабочих дней с даты поступления документов и информации, указанных в частях 4 - 6 настоящей статьи, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, осуществляет проверку содержащихся в указанных документах и информации фактов. В случае подтверждения достоверности этих фактов федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, включает информацию, предусмотренную частью 3 настоящей статьи, в реестр недобросовестных поставщиков в течение трех рабочих дней с даты подтверждения этих фактов (часть 7 статьи 104 Закона о контрактной системе).

В силу пункта 11 Постановления Правительства Российской Федерации от 25.11.2013 № 1062 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)» в реестр недобросовестных поставщиков включаются только проверенные сведения. Необходимым условием является наличие в представленных материалах фактов, подтверждающих недобросовестность поставщика (подрядчика, исполнителя).

При рассмотрении дела в судебных инстанциях заявитель приводил доводы о том, что частью 2 статьи 104 Закона о контрактной системе предусмотрена возможность включения в реестр недобросовестных поставщиков только сведений о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

В рассматриваемом случае данные положения Закона, по мнению заявителя, не применимы, поскольку первоначально отказ от исполнения государственного контракта осуществлен конкурсным управляющим общества на основании решения кредиторов о прекращении хозяйственной деятельности должника и в соответствии с пунктом 2 статьи 102, пунктом 3 статьи 129 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве).

При этом требование заказчика о признании недействительным отказа общества от исполнения государственного контракта решением арбитражного суда от 23.04.2018, вступившим в законную силу, оставлено без удовлетворения.

Основанием для такого вывода суда в рамках данного дела послужило признание общества несостоятельным (банкротом) и наличие в связи с этим у конкурсного управляющего права на отказ от исполнения государственного контракта, предусмотренного пунктами 1 и 2 статьи 102, пунктом 3 статьи 129 Закона о банкротстве. Вместе с тем порядок отказа конкурсного управляющего от исполнения сделки признан судом соблюденным.

При таких обстоятельствах, заявитель полагает, что у антимонопольного органа не имелось правовых оснований для вывода о соблюдении заказчиком порядка одностороннего отказа от исполнения уже расторгнутого контракта и включения в реестр недобросовестных поставщиков сведений об обществе, в действиях которого отсутствует недобросовестность.

По мнению Судебной коллегии, обстоятельства, на которые общество ссылалось в обоснование заявленного требования, надлежащим образом судами не были проверены и какой-либо оценки при рассмотрении дела в судах трех инстанций не получили.

Вместе с тем, в силу пункта 3 статьи 129 Закона о банкротстве конкурсный управляющий вправе заявить отказ от исполнения договоров и иных сделок в порядке, установленном статьей 102 настоящего Федерального закона.

В соответствии со статьей 102 Закона о банкротстве внешний управляющий в течение трех месяцев с даты введения внешнего управления вправе отказаться от исполнения договоров и иных сделок должника. Отказ от исполнения договоров и иных сделок должника может быть заявлен только в отношении сделок, не исполненных сторонами полностью или частично, если такие сделки препятствуют восстановлению платежеспособности должника или если исполнение должником таких сделок повлечет за собой убытки для должника по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми при сравнимых обстоятельствах.

В случаях, предусмотренных пунктом 2 статьи 102 Закона о банкротстве, договор считается расторгнутым с даты получения всеми сторонами по такому договору заявления внешнего управляющего об отказе от исполнения договора.

При этом отказ конкурсного управляющего от исполнения контракта не относится к основаниям для включения сведений в отношении должника в реестр недобросовестных поставщиков, предусмотренным частью 2 статьи 104 Закона о контрактной системе.

[Определение ВС РФ от 19.08.2019 № 301-ЭС17-18814](#)

При рассмотрении иска участника к обществу, впоследствии признанному банкротом, о взыскании действительной стоимости доли судам надлежит исследовать стоимость доли в том числе на основании анализа финансового состояния общества, разницы между активами и пассивами в структуре баланса общества, потому как при сокращении названной разности, составляющей чистые активы общества, предполагается, что стоимость доли должна пропорционально уменьшаться.

Преждевременно основывать судебный акт на таком экспертном заключении, в котором экспертом при определении рыночной стоимости доли фактически в основу своих выводов была положена балансовая стоимость принадлежащего обществу имущества без рассмотрения запасов пообъектно, потому как данные обстоятельства являются основанием для назначения дополнительной или повторной экспертизы.

Тютнев А.М. обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании 96 693 000 руб. действительной стоимости доли в уставном капитале общества.

Судами трех инстанций заявленные истцом требования удовлетворены полностью.

Тютнев А.М. являлся участником общества «Промтех-НН» с долей в размере 25 % уставного капитала.

Истец 30.06.2016 направил в адрес ответчика извещение о намерении продать принадлежащую ему долю в уставном капитале общества третьему лицу.

От другого участника общества «Промышленные технологии и поставки» в адрес истца 29.07.2016 поступило письмо с отказом в предоставлении согласия на продажу доли третьему лицу.

Поскольку Устав общества предусматривал необходимость получения участником общества от других участников согласия на отчуждение доли третьему лицу, после направления указанного выше письма общество стало обязанным выплатить Тютневу А.М. действительную стоимость его доли в уставном капитале (абзацы первый и третий пункта 2 статьи 23 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Неосуществление названной выплаты послужило основанием для обращения Тютнева А.М. в суд с настоящим иском.

При рассмотрении спора с целью определения действительной стоимости спорной доли в размере 25 % по состоянию на 31.03.2016 и 31.10.2016 (с учетом рыночной стоимости имущества) по ходатайству сторон суд назначил судебную экспертизу. В заключении от 26.01.2018 эксперт установил действительную стоимость доли по состоянию на 31.03.2016 в размере 126 046 000 руб., по состоянию на 31.10.2016 – 96 693 000 руб.

Названное экспертное заключение было положено судом первой инстанции в основу вынесенного решения об удовлетворении иска в полном объеме.

Между тем судами не учтено следующее.

Финансовое положение общества является тем объективным и ключевым фактором, который, в первую очередь, влияет на стоимость долей участников такого общества в уставном капитале. Чем больше в структуре баланса (исходя из его рыночных показателей) разница между имуществом (активами) общества и его обязательствами перед третьими лицами (пассивами), тем выше стоимость доли участника. И напротив, при сокращении названной разности, составляющей чистые активы общества, предполагается, что стоимость доли должна пропорционально уменьшаться.

Принимая обжалуемые судебные акты, суды фактически проигнорировали то обстоятельство, что спустя не столь продолжительный период времени после выхода Тютнева А.М. из общества в отношении последнего была инициирована процедура несостоятельности.

Должник 02.04.2018 был признан банкротом (решение от 09.04.2018). При этом как следует из Картотеки арбитражных дел, в рамках дела о банкротстве признаны обоснованными требования, которые возникли и должны были быть погашены до появления у общества обязанности выплатить действительную стоимость доли истцу. В настоящий момент конкурсное производство завершено (определение от 03.06.2019).

Таким образом, последовавшие за выходом Тютнева А.М. из общества события убедительным образом ставят под сомнение финансовое благополучие должника, наличие у него чистых активов и

существование положительной структуры баланса (с точки зрения рыночных цен). Подобные сомнения могли быть опровергнуты, например, указанием на то, что в промежуток времени после выхода участника из общества и до возбуждения дела о банкротстве в деятельности должника произошли какие-либо экстраординарные обстоятельства, спровоцировавшие существенное ухудшение его платежеспособности.

На наличие косвенных оснований сомневаться в выводах эксперта указывал ответчик. В частности, он обращал внимание судов на то, что эксперт, определяя рыночную стоимость доли, фактически в основу своих выводов положил балансовую стоимость принадлежащего обществу имущества, не осматривая запасы пообъектно. Кроме того, эксперт в нарушение позиции Президиума ВС РФ, изложенной в постановлении от 09.11.2016 № 338-ПЭК16, не применил понижающие коэффициенты (так называемые скидки) на неконтрольный характер доли истца и недостаточную ликвидность.

Приведенные доводы в совокупности с вышеперечисленными противоречиями указывают на необходимость назначения дополнительной или повторной экспертизы (статья 87 АПК РФ), о чем заявлял ответчик в суде первой инстанции (однако определением от 02.04.2018 в назначении повторной экспертизы отказано). Поэтому выводы судов о том, что действительная стоимость доли Тютнева А.М. составляла 96 693 000 руб., сделаны преждевременно.

[Определение ВС РФ от 22.08.2019 № 305-ЭС16-20931\(19\)](#)

Определение содержания (условий) мирового соглашения всецело зависит от воли должника и кредиторов, в то время как суд, осуществляя контрольную функцию, проводит лишь проверку соответствия его условий требованиям закона и соблюдения прав лиц, интересы которых затрагиваются данным соглашением.

Приняв решение о заключении нового мирового соглашения в деле о банкротстве должника на иных условиях, собрание кредиторов тем самым выразило волю на изменение его содержания, одновременно отказавшись от ранее достигнутых договоренностей в прежнем соглашении.

При таких обстоятельствах подлежат отмене судебные акты, вынесенные по итогам рассмотрения законности ранее утвержденного собранием кредиторов мирового соглашения.

В рамках настоящего дела о банкротстве определением арбитражного суда от 10.09.2018 утверждено мировое соглашение от 23.03.2018, производство по делу о банкротстве прекращено.

Постановлением арбитражного суда округа от 27.11.2018 определение от 10.09.2018 отменено, в утверждении мирового соглашения отказано, дело направлено в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

Как установлено судами и следует из материалов дела, на состоявшемся 21.03.2018 собрании кредиторов должника большинством голосов (61,5 %) принято решение о заключении мирового соглашения.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в утверждении мирового соглашения, суд округа исходил из экономической нецелесообразности и неисполнимости условий соглашения ввиду длительных сроков погашения задолженности перед кредиторами должника (отсрочка выплаты долга на 3 года и дальнейшая рассрочка на 8 лет). При этом доводы о возможности восстановления платежеспособности за этот период времени признаны судом неподтвержденными и носящими предположительный характер.

Не соглашаясь с выводами окружного суда, в настоящей жалобе должник просит оставить в силе судебный акт, утвердивший заключенное с кредиторами мировое соглашение от 23.03.2018.

Между тем, как пояснили в судебном заседании представители должника и кредиторов, после отмены судом округа определения об утверждении спорного мирового соглашения и возобновления производства по делу о банкротстве компании состоялось очередное собрание кредиторов по аналогичному вопросу, в результате которого принято решение о заключении мирового соглашения на иных (более выгодных для кредиторов) условиях. Вопрос об утверждении данного соглашения находится на рассмотрении суда.

Рассмотрение вопроса о заключении мирового соглашения в деле о банкротстве отнесено к исключительной компетенции собрания кредиторов и осуществляется путем принятия коллегиального решения (абзац десятый пункта 2 статьи 12 Закона о банкротстве). Порядок и условия принятия таких решений определены положениями пункта 2 статьи 15, пункта 2 статьи 150 упомянутого Закона.

При этом действующее законодательство допускает изменение (дополнение) кредиторами ранее достигнутых ими договоренностей по соглашению, если последние придут к выводу о том, что другие условия

наиболее полно учитывают их законные интересы и обеспечивают максимальное удовлетворение требований.

Таким образом, определение содержания (условий) мирового соглашения всецело зависит от воли должника и кредиторов, в то время как суд, осуществляя контрольную функцию, проводит лишь проверку соответствия его условий требованиям закона и соблюдения прав лиц, интересы которых затрагиваются данным соглашением.

Приняв решение о заключении нового мирового соглашения в деле о банкротстве должника на иных условиях, собрание кредиторов тем самым выразило волю на изменение его содержания, одновременно отказавшись от ранее достигнутых договоренностей в прежнем соглашении.

В такой ситуации разрешение судом вопроса об утверждении спорного мирового соглашения нарушает исключительную компетенцию собрания кредиторов должника и противоречит природе данного института права.

[Определение ВС РФ от 27.08.2019 № 305-ЭС19-4324](#)

Для принятия решения по иску о взыскании задолженности по договору репо, заявленному банком-покупателем (впоследствии банкротом) необходима оценка доказательств и установление обстоятельств, связанных с наличием оснований для приостановления ответчиком (продавцом) встречного исполнения, для прекращения обязательств по договору репо, обоснованности требований продавца об исполнении обязательств по оплате ценных бумаг в полном объеме по второй части договора репо и о привлечении продавца к ответственности за неисполнение денежного обязательства.

Банк обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании 228 283 219,94 руб. долга и 23 017 023,48 руб. процентов, ссылаясь на неисполнение ответчиком второй части договора РЕПО от 25.11.2015.

При новом рассмотрении дела судами трех инстанций заявленные истцом требования удовлетворены в полном объеме.

Как усматривается из материалов дела и установлено судами, 25.11.2015 стороны заключили договор репо, по условиям которого банк (покупатель) принимает без прекращения признания, а общество (продавец), передает без прекращения признания с условием обратного выкупа ипотечные сертификаты участия в количестве 161 750 штук.

Общая сумма первой части репо составляла 219 980 000 руб. (пункт 1.2 договора).

В соответствии с пунктом 1.3 договора продавец обязуется выкупить ценные бумаги в полном объеме.

Согласно пункту 1.4 договора репо общая сумма второй части репо составляет 228 283 219,94 руб.

Продавец обязуется осуществить перевод ценных бумаг со счета депо продавца на счет депо покупателя в не позднее 03.12.2015. В день заключения договора покупатель оплачивает продавцу общую сумму первой части репо, указанную в пункте 1.2 договора.

Пунктом 2.3 договора предусмотрено, что денежные средства в размере общей суммы второй части репо должны быть переведены продавцом на счет покупателя 25.02.2016.

Покупатель обязуется не позднее 26.02.2016 предоставить все необходимые документы для перевода ценных бумаг со своего счета депо на счет депо продавца в депозитарии АО «ОСД».

Досрочное проведение второй части репо возможно только по дополнительному соглашению сторон, которым определяются условия такой сделки (пункт 2.5 договора репо).

Первая часть репо сторонами исполнена.

Приказом Банка России от 14.12.2015 у банка была отозвана лицензия на осуществление банковской деятельности; решением арбитражного суда от 24.02.2016 банк признан несостоятельным (банкротом) и в отношении него открыто конкурсное производство.

В связи с отзывом у банка лицензии общество 16.02.2016 обратилось к истцу с письмом, в котором просило подтвердить готовность к исполнению второй части репо и представить документы, подтверждающие полномочия предполагаемых подписантов со стороны Временной администрации по управлению кредитной организацией. Указанное обращение ответчиком оставлено без ответа.

В ходе проведенной инвентаризации выявлено имущество, не учтенное на балансовых счетах банка, вместе с тем зачисленное на его лицевые счета у реестродержателя по совершенным сделкам репо.

Согласно выписке № 160901/00152/1 ипотечные сертификаты в количестве 161 750 штук учтены на счете депо банка.

Согласно пункту 1 статьи 51.3 Закона о рынке ценных бумаг договором репо признается договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется в срок, установленный этим договором, передать в собственность другой стороне (покупателю) ценные бумаги, а покупатель обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (первая часть договора репо), а также обязуется в срок, установленный этим договором, передать ценные бумаги в собственность продавца, а продавец обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (вторая часть договора репо).

В соответствии с пунктом 3 статьи 420 ГК РФ к обязательствам, возникшим из договора, применяются общие положения об обязательствах (статьи 307 – 419 ГК РФ), если иное не предусмотрено правилами главы 27 ГК РФ и правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в ГК РФ.

К договору репо применяются соответственно общие положения ГК РФ о купле-продаже, если это не противоречит правилам настоящей статьи и существу договора репо. При этом продавец по договору репо и покупатель по договору репо признаются продавцами ценных бумаг, которые они должны передать во исполнение обязательств по первой и второй частям договора репо, и покупателями ценных бумаг, которые они должны принять и оплатить во исполнение обязательств по первой и второй частям договора репо (пункт 21 статьи 51.3 Закона о рынке ценных бумаг).

Договор купли-продажи является двусторонним, встречным синаллагматическим договором, поскольку исполнение покупателем обязательств по оплате товара обусловлено исполнением продавцом своих обязательств по передаче товара покупателю (пункт 1 статьи 328 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 2 статьи 328 ГК РФ в случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков.

Положения пункта 2 статьи 328 ГК РФ применимы независимо от того, на ком лежит обязанность по исполнению первым. В случае если лицо, обязанное первым совершить предоставление, обнаруживает признаки, указанные в пункте 2 статьи 328 ГК РФ, она также вправе воспользоваться соответствующими мерами защиты.

Пунктами 16, 16.1 статьи 51.3 Закона о рынке ценных бумаг предусмотрены условия, при наличии которых прекращаются обязательства по договору репо в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по второй части договора репо одной из сторон или обеими сторонами по договору репо, либо в случае, если стоимость ценных бумаг, переданных по договору репо, становится больше (меньше) значения, установленного договором репо, или равной ему.

Ввиду того, что для принятия решения по существу спора необходима оценка доказательств и установление обстоятельств, связанных с наличием 6 оснований для приостановления ответчиком встречного исполнения, для прекращения обязательств по договору, обоснованности требований продавца об исполнении обязательств по оплате ценных бумаг в полном объеме по второй части и о привлечении общества к ответственности за неисполнение денежного обязательства, судебные акты отменяются в полном объеме и дело направляется на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Диссертации

[Козырский Д.А. Особенности правового регулирования судебного производства по делам о несостоятельности \(банкротстве\) в Российской Федерации](#)

Дата защиты: 23.05.2019

Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» и ФГБОУ «Всероссийский государственный университет юстиции»

[Кораев К.Б. Неплатежеспособность: новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности \(банкротства\)](#)

Дата защиты: 19.09.2019

Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

2. Статьи

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Май

[Взыскание долгов с руководителей недействующего ООО. Когда суд встанет на сторону кредитора](#)

[Договор залога в банкротстве. Шесть оснований для оспаривания](#)

[Должник банкротится. Как кредитору перехватить контроль над процедурой](#)

[Единственное жилье должника. Шесть случаев, когда на него можно обратить взыскание](#)

[Руководитель не заявил о банкротстве. Когда суд привлечет его к ответственности](#)

Июнь

[Банкротство должника фиктивно. Как это повлияет на процесс](#)

[Собрание кредиторов vs арбитражный управляющий: разграничение компетенций](#)

Июль

[Банк обанкротился. Какие операции клиента будут оспорены](#)

[Должник заключил соглашение об алиментах или брачный договор. Три аргумента для оспаривания](#)

[Кредитор не опубликовал уведомление о банкротстве должника. Как поступит суд](#)

[Субсидиарная ответственность или убытки: что выбрать кредитору](#)

[Субсидиарная ответственность: новые позиции судов 2019 года](#)

Август

[Злоупотребления при продаже имущества должника на торгах. Как действовать проигравшему участнику](#)

[Субсидиарная ответственность. Как считать сроки давности по трем редакциям закона](#)

Журнал "Вестник экономического правосудия"

Май

[Белова М.Т. «Давняя» Степь, или Три урока из дела о привлечении к субсидиарной ответственности банка HSBC](#)

[Мороз А.И. Субординация требований при банкротстве должника: как учитывать требования без встречного предоставления со стороны кредитора?](#)

[Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению](#)

Июль

[Егоров А.В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве](#)

[Останина Е.А. Банкротство гаранта и обязанности принципала](#)

[Саркисян А.В. Обращение взыскания на единственное жилье при банкротстве: поиск баланса ценностей](#)

Август

[Волчанский М.А. Оспаривание сделки во вред кредиторам до введения конкурсного производства](#)

[Шайдуллин А.И. Допустимость оговорок о прекращении договора в случае наступления несостоятельности \(банкротных оговорок\)](#)

Журнал "Закон"

Июнь

[Шевченко И.М. К вопросу о правовой природе производства об истребовании арбитражным управляющим документов и имущества у руководителя \(бывшего руководителя\) организации](#)

Журнал "Хозяйство и право"

Май

[Егоров А. В. Сделки с предпочтением при банкротстве](#)

Журнал "Юрист компании"

Июнь

[Салмаков Д. Почему суд не примет заявление о банкротстве должника](#)

3. Блоги

Ахмедов Т. [Никому не нужно имущество должника после прекращения процедуры банкротства](#)

Балан Д. [Что происходит с удержанием при уступке обеспеченного им требования, да еще и в банкротстве? // Ответ даст ВС](#)

Бирюлин Д. [Процессуальный эстоппель в российской практике](#)

Бирюлин Д. [Зицпредседатель или несчастный «straw man»? Ответственность номинального участника общества в банкротстве](#)

Божко А. [Повторное оспаривание сделки конкурсным кредитором. Ложь или реальность?](#)

Будылин С. [Дело о мировом соглашении, или Ящик Пандоры с ароматом рыбы](#)

Гейфман А. [Особенности участия иностранных кредиторов в процедурах банкротства в России](#)

Глушков Н. [Субсидиарная ответственность: привлечь нельзя освободить](#)

Гуров А. [Нужны ли УК РФ банкротные составы?](#)

Двойченков П. [ООО «БРАК». Субординация требований супругов в деле о банкротстве](#)

Домнин С. [Поправки в Закон о банкротстве, которые не нужны никому](#)

Домнин С. [Профсоюз арбитражных управляющих \(ОРПАУ\) - мифы или реальность?](#)

Доценко М. [Банкротство даром // О принудительной благотворительности по банкротствам типа «Сокол»](#)

Дубанова А. [Законный способ умаления деловой репутации юридического лица](#)

Жданухин Д. [Привлечение к субсидиарной ответственности Арнольда Шварценеггера и Джеки Чана с точки зрения PРава](#)

Задорожный А. [Судебная практика и правовая позиция в делах о включении в реестр жилых помещений при расторгнутом договоре долевого участия](#)

Коновалов Е. [Верховный Суд продолжает курс на поддержку сальдирования в банкротстве](#)

Коробкова К. [Быть или не быть? Возможна ли субсидиарка контролирующих лиц должника-физика?](#)

Ловкина А. [Кручу, верчу, всех запутать хочу](#)

Маликов А. [Правосудие должно быть дорогим, или Как остановить банкрота?](#)

Мясникова А. [Есть ли у арбитражного управляющего возможность вернуть денежные средства, уплаченные при заключении дополнительного договора страхования ответственности \(абз. 2 ч. 2 ст. 24.1 Закона о банкротстве\)?](#)

Нестеров В. [Погашение должником-гражданином задолженности ниже порога в 500 тысяч рублей в ходе рассмотрения обоснованности заявления о признании его банкротом](#)

Никишина Ю. [Осторожно, апартаменты! На что может рассчитывать инвестор строительства при банкротстве застройщика](#)

Плешанова О. [РЕПО: передача титула или залог?](#)

Постильга А. [Обзор значимых определений Верховного Суда Российской Федерации за июль 2019 года в сфере банкротства](#)

Постильга А. [Квартирный вопрос: спор по жилью разрешен в пользу кредитора](#)

Речкин Р. [Открытое письмо по законопроекту № 598603-7 о передаче полномочий по включению в реестр от арбитражных судов в ведение арбитражных управляющих](#)

Русакомский К. [Верховный суд РФ распределит риски пропуска срока исковой давности в банкротстве](#)

Стасюк И. [Оспаривание сделки, причиняющей вред кредиторам vs привлечение к субсидиарной ответственности](#)

Стасюк И. [Иск о признании, конкурсное оспаривание и другие приключения. Банк ТРАСТ vs РОСТ КАПИТАЛ и РОСТ ИНВЕСТИЦИИ](#)

Суворов Е. [Аванс как способ обеспечения при оспаривании преимущественного удовлетворения](#)

Тай Ю. [Бойтесь банкротов, мир приносящих! или Как закопать топор мира?](#)

Тараданов Р. [Ответчик без истца // Возможно ли в банкротном обособленном споре о привлечении субсидиарной ответственности привлечение ответчика по инициативе суда вообще без волеизъявления возможных истцов?](#)

Улезко А. [Допустим ли перевод долга внутри группы в преддверии банкротства?](#)

Хлюстов П. [«Заём бес правил» — о неконституционности субординации внутригрупповых \(внутрикорпоративных\) займов в банкротстве](#)

Шамшина А. [«Сдирание кожи с продажного судьи», или Конверт со смыслом...](#)

Шарипов Р. [К вопросу о толковании абзаца пятого п. 5 ст. 213.27 Закона о банкротстве](#)

Шилова Ю. [Всегда ли прав уполномоченный орган, когда дело касается субсидиарной ответственности](#)

Шнигер Д. [Процессуальные аспекты банкротства - о чем написать?](#)

Шубин Д. [Без вреда виноватые, или «Дикая вира» в Законе о банкротстве. Дело гендиректора Рыбакова Д.Е.](#)

* * *

Ответственный

редактор Дайджеста:

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП), к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

Редакторы:

Татьяна Иванова

(юрист, АБ "Эксиора")

Дарья Нюхалкина

(юрист, АБ "Эксиора")

Гульнара Исмагилова

(юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру)

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел.+7 (495) 762-62-44